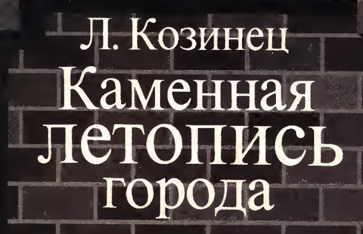
Л. Козинец

Каменная летопись города

Общiй видъ выставки

Здесь начинался Екатеринбург.
Исторический сквер

Фрагмент
Исторического сквера

Исторический сквер.
Главная лестница

Исторический сквер.
Музей техники
горнозаводского Урала

Улица Чапаева
(бывшая Архиерейская)

Бывший дом
священнослужителей
(ул. 8 Марта)

Усадьба Расторгуева —
Харитонова, ныне
Дворец пионеров
(ул. К. Либкнехта, 44)

Бывшее
Горное правление,
ныне консерватория
им. М. П. Мусоргского
(пр. Ленина, 24)

Вознесенская церковь, ныне здание краеведческого музея (Комсомольская площадь)

Особняк первой половины XIX в. (Набережная Рабочей молодежи, 2)

Бывшая мельница Борчанинова (ул. Челюскинцев, 10в)

Старинный люк канализации

Бывший дом
Селивановой
(ул. Толмачева, 24)

Старый
железиодорожный
вокзал

Общественное собрание (дом Баландиных). Ныне театральный институт (ул. К. Либкнехта, 36)

Бывший дом Поклевского-Козелл (ул. Малышева, 46)

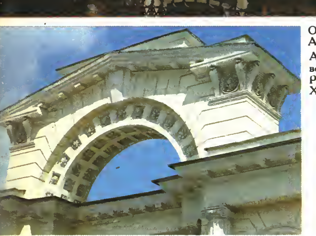

Характерный образец
архитектуры
Екатеринбурга
второй половины XIX в.
(ул. 8 Марта, 6)

Жилой особняк
второй половины XIX в.
(ул. 8 Марта, 16).

Окно дома Агафурова

Арка парадных ворот усадьбы Расторгуева — Харитонова

Бывший дом Агафурова (ул. Сакко и Ванцетти, 28)

Портик дома Расторгуева — Харитонова

Декор особняка конца XIX в.

Портик особняка первой половины XIX в.

Образец кирпичного декора второй половины XIX в.

Декор здания второй половины XIX в.

Фрагмент здання бывшего уездного казначейства (ул. 8 Марта, 26)

Чугунная решетка в Историческом сквере

Л. Козинец

Каменная летопись города

Архитектура Екатеринбурга — Свердловска
XVIII — начала XX века

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1989

ББК 85.113(2)
К 59

О памятниках архитектуры Екатеринбурга — Свердловска, их создателях, сохранении в современном городе старинных зданий рассказывает эта книга. Она ставит вопросы бережного, научного и подлинно архитектурно-эстетического отношения к памятникам истории, культуры, промышленного зодчества.

Рецензенты: Н. И. Бугаева, кандидат искусствоведения, И. М. Шакинко, историк, краевед

Редактор Л. Г. Золотарева
Фотографии В. И. Холостых, А. А. Черей

В книге использованы фотографии и графические материалы из фондов Свердловского государственного областного историко-краеведческого музея.

Козинец Л. А.
К 59 Каменная летопись города.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989.—160 с.: ил. 64 с.

85 коп. 50 000 экз.

Каменная летопись Свердловска. Рассказ об архитектуре города XVIII — начала XX века. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

К $\frac{4902020000-067}{М158(03)-89}$ 76-89

ББК 85.113(2)

ISBN 5—7529—0169—3

Введение

Архитектуру часто называют застывшей музыкой, поэмой в камне. Сравнивают ее также и с каменной книгой. Сооружения прошлого — это действительно свидетели прошлых эпох, своеобразная каменная летопись. Листая ее страницы, можно прочитать всю мировую историю, историю страны, отдельного города.

Известно выражение: «Что ни город, то норов». Художественный образ города — понятие сложное и многогранное, складывающееся под влиянием разнообразных факторов, таких, как климат, географическое положение, национальные особенности, роль в экономике страны. Своеобразие города — его лицо — зависит от архитектурного наследия. Облик старинных зданий отражает определенный исторический этап, стиль, воплощающий социальные и эстетические идеалы своего времени. Сохранение архитектурных памятников — это и обращение к прошлому, и проблема будущего, это способ создания индивидуальности и неповторимости художественного образа города.

От всех видов искусств архитектура отличается тем, что это искусство не изобразительное, а созидательное. Архитектура создает жизненную среду, «вторую природу», творения мастера переживают его самого. То, что строится сегодня, будет служить будущим поколениям; созданное вчера существует сегодня. Именно поэтому вопросы преемственности и бережного отношения к творениям прошлого очень важны для современной архитектуры. Однако в наше время интерес к проблеме сохранения исторического наследия вышел за пределы чисто профессиональных интересов. Громадные масштабы строительных и рекон-

структивных работ в современных городах заставили по-новому взглянуть на памятники архитектуры. Сегодня судьба сохранения архитектурного наследия никого не оставляет равнодушным.

Город — это сложная, постоянно развивающаяся система, он подобен живому организму. Каждая частичка городской застройки, как своеобразная клетка, несет в себе наследственные и возрастные особенности и не может быть извлечена из живой ткани города безболезненно. Она требует замены, удовлетворяющей новому ритму жизни, но при этом связанной с основной тканью городского организма.

Памятники архитектуры на улицах Свердловска — это не просто красивые старинные здания, подкупающие разнообразием форм. Историческая застройка во всех ее временных проявлениях имеет большое познавательное значение, она показывает этапы формирования архитектурного образа города. Непродуманное внедрение в эту среду может полностью уничтожить неповторимость исторического центра города даже при полном сохранении отдельных уникальных сооружений. Своеобразие художественного образа города может быть легко размыто и в том случае, если определившиеся индивидуальные черты этого образа не получат дальнейшего развития, не будут подхвачены в композиции новых массивов городской среды.

Историческая судьба Свердловска наглядно представлена в его градостроительной структуре, в разнообразии стилей и типов зданий, что в совокупности определяет художественную и историко-культурную самобытность уральского города. Появлением своим он обязан эпохе крупнейших преобразований России — Петровских реформ. Почти за 270 лет своего существования город пережил как бы два рождения. Старый, дореволюционный Екатеринбург стал современным социалистическим Свердловском. Велики преобразования, произошедшие в городе за годы Советской власти, сделавшие его передним краем ин-

дустрии, науки, техники, экономики, культуры и искусства нашей Родины. Современный Свердловск — это новые градостроительные решения, застройка обширных районов, размах строительства объектов промышленного, жилищно-коммунального и культурного назначения, архитектурные формы которых основаны на последних достижениях науки и строительной техники.

Но в новом городе живет и старый Екатеринбург, носитель истории,— живет в его планировке, в тишине старинных улочек, в разнообразии старых особняков. Сегодня проблема реконструкции исторического центра города, сохранения его своеобразия — одна из самых сложных, стоящих перед градостроителями. Без знания исторических особенностей формирования планировочной структуры и архитектурного облика города решить эту проблему невозможно.

Екатеринбург XVIII — начала XX века оставил нам планировку центра города и множество зданий, определяющих сегодня его своеобразие.

В формировании архитектуры старого Екатеринбурга можно выделить три основных этапа.

1723 год — конец XVIII века — развитие Екатеринбурга как завода-крепости и постепенное превращение в уездный город Пермской губернии, а затем в административный центр Урала. В этот период была заложена основа регулярной планировки города, прогрессивной для русского градостроительства XVIII века. XVIII век оставил архитектуре Екатеринбурга основу композиции планировочной структуры.

Первая половина XIX века (особенно 30-е годы) — наиболее яркий период градостроительного развития дореволюционного Екатеринбурга. Расцвет архитектуры русского классицизма совпал с укреплением административного статуса Екатеринбурга, усилением его роли как центра горнозаводского Урала. В это время был разработан план города и осуществлена застройка его центральной

части зданнямн, которые являются сегодня нанболее яркнмн образцамн архнтектурного наследня Свердловска.

Вторая половнна XIX— иачало XX века. Екатеринбург превратнлся в капнталнстнческий город, в его архнтектуре отразились все сложностн взанмодействня стнлей н градостроительиых прннцнпов того времеии — переход от классицнзма к эклектике, хаотнчность н бесплаиовость застройкн, вызванные дальнейшнм классовым расслоеинем общества. В городе построеио множество зданнй нового типа и различного назначення — общественных, промышленных, учебных, а также появнлась массовая застройка, которая составляет основную историческую канву современного Свердловска.

* * *

С первых шагов строительства Екатеринбурга как завода-крепостн закладывалась планнровочная структура будущего города. Граннцы крепостн проходят прнблизнтельно по улнцам Малышева, К. Лнбкнехта, Первомайской, Вайнера. Композицня планнровкн с самого начала определялась двумя взанмно перпендикулярнымн осямн — рекой Исеть, протекающей через крепость с севера на юг, н пересекавшей ее заводской плотиной. Плотнна — самое первое сооруженне Екатериибурга — была иеобходнма для того, чтобы обеспечить завод водяной энергией. Нниже ее расположился завод (ныне территорня Историческогo сквера), а по концам былн разбнты две предзаводские площадн, которые вместе с производственным комплексом стали архитектурно-плаинровочным центром Екатерннбурга. Мерндиональнo-широтиое перекрестне рекн н плотнны сохраинло свое значенне как осиова исторического центра сегодияшнего Свердловска. Пойма Исетн образовала главную композицнониую ось города, вдоль которой он развивался на протяженнн двух веков. Лишь в советское время да-

леко за пределы исторического ядра раскинулись новые районы города, крупные жилые и производственные массивы, парки, автомагистрали. Но тем не менее пойма Исети сохранила свою притягательность. Всегда красивы города, расположенные на берегах морей, озер, крупных рек. Свердловску в этом не очень повезло. Исеть — река небольшая, немноговодная, не сравнить с Камой, Волгой или Невой. Однако на этой реке в черте Свердловска имеется уникальная система искусственных водоемов — прудов. Городской пруд, образованный вначале в чисто производственных целях, утратив со временем свое утилитарное значение, стал одним из главных природных акцентов в композиции исторической застройки. А она складывалась таким образом, что на реку и пруд были ориентированы самые красивые постройки города. Пологие берега пруда в XIX веке застроены небольшими, но разнообразными по архитектуре зданиями, компактные объемы которых как бы расширили водную поверхность, создав глубокие, ничем не закрытые перспективы и вместе с тем связав в единую систему пространства пруда, плотины, набережной. Плотина и сегодня служит людям. Она реконструирована, расширена, над ее арками проносятся машины и трамваи, идут пешеходы. Раскинувшийся ниже плотины Исторический сквер — своеобразный музейный комплекс, средоточие памяти о прошлом горнозаводского Урала.

30-е годы XIX века Д. Н. Мамин-Сибиряк назвал «золотым веком» Екатеринбурга. Благоприятное сочетание целого ряда социально-экономических предпосылок обусловило высокий подъем экономики и укрепление административного статуса города. Оставаясь всего лишь одним из уездных городов обширной Пермской губернии, он, тем не менее, стал центром горнозаводского Урала.

Русский классицизм первой половины XIX века оставил яркий след в архитектуре Екатеринбурга. Здесь работал выпускник Академии художеств М. П. Малахов.

Под его руководством екатеринбургскими архитекторами разрабатывался генеральный план города, где композиционной основой центра был производственный комплекс. К нему тяготели лучшие постройки — как административные, так и жилые. Богатые горные чиновники, купцы-золотопромышленники строили свои усадьбы не за городом, а в центре, вблизи завода. Этот своеобразный тип усадьбы при заводе, характерный для уральских горнозаводских поселений, наиболее яркое воплощение получил в Екатеринбурге, где сложились благоприятные условия для быстрой, почти единовременной застройки центральной части города крупными усадебными ансамблями. Русский классицизм в Екатеринбурге характерен не созданием грандиозных ансамблей, отличавших столицу на Неве, не широким массовым строительством и даже не реконструктивными работами, которые проводились во многих древних русских городах, а тем, что отдельные административные здания и усадебные ансамбли и культовые постройки образовали систему пространственных доминант, акцентировавших основные планировочные узлы — центральные площади, улицы, набережные пруда.

Среди памятников архитектуры первой половины XIX века особенно выделяются такие, как усадьба Расторгуева — Харитонова (ныне Дворец пионеров), дом главного горного начальника (здание областной больницы № 2), Главное горное правление (консерватория имени М. П. Мусоргского), собор Александра Невского (один из корпусов Свердловского государственного областного историко-краеведческого музея). Эти сооружения и сегодня играют заметную роль в застройке исторического центра Свердловска, а в XIX веке они определяли архитектурный облик города, что позволило знаменитому географу Э. Реклю в своем классическом труде «Земля и люди» написать, что Екатеринбург «...есть один из красивейших городов России. Он расположен наклонно, на отлогой покатости, спускающейся к берегу

р. Исеть, которая в этом месте расширяется, образуя судоходное озеро, окруженное деревьями. Высокие белые каменные дома с зелеными крышами из листового железа, похожего на глыбы малахита, поднимаются над живописными деревянными домами, и над всей массою строений господствуют колокольни и позолоченные купола церквей; вдали на горизонте виднеются волнообразные очертания Уральских гор»[1].

Здания русского классицизма начала XIX века создают впечатление высотности при компактности объемов и небольшой высоте. В применении надстроек типа мезонинов и ротонд выразилась национальная черта русского зодчества — силуэтность. Для этих сооружений характерна масштабность, соизмеримая как с человеком, так и с окружающей архитектурной средой, что является типичной чертой русского классицизма и служит хорошим примером для архитекторов, занимающихся реконструкцией исторического центра. Для современной архитектуры сохраняют свое значение основные позиции классицизма: его градостроительная направленность, высокое искусство синтеза, впечатляющая художественность.

Вторая половина XIX века внесла свои изменения в характер застройки Екатеринбурга. Высокие градостроительные и художественные принципы классицизма постепенно отошли на задний план. Кризис крепостнической системы и постепенное превращение Екатеринбурга в капиталистический город отразились на его экономическом и градостроительном развитии. Решающими стали требования заказчика. Здания этого периода отличаются разнообразием сочетания стилей и форм. Стилистическое единство классицизма сменилось эклектикой — свободным использованием архитектурных приемов, заимствованных из прошлого. Об архитектуре этого периода выдающийся деятель русской художественной культуры В. В. Стасов сказал: «...это архитектура, копирующая

со старых образцов, с книг и атласов, с фотографий и чертежей, архитектура ловких людей, навострившихся в классах и потом преравнодушно отпускающих товар на аршин и на фунт,— стоит только протянуть руку и достать с полки. Угодно — вот Вам пять аршинов «греческого классицизма», а нет — вот три четверти «итальянского Ренессанса». Нет, не годится? — Ну, так хорошо же: вот, извольте, остаточек первейшего сорта «рококо Луи-Кенз», шесть золотников готики, а то вот целый пуд «русского» [2].

Архитектура Екатеринбурга отразила всю пеструю панораму эклектизма. Строились здания, похожие на средневековые замки и готические храмы, на восточные дворцы и затейливые деревянные древнерусские хоромы. Ни один из домов не похож на другой — поэтому застройка улиц, сохранившаяся до нашего времени, очень разнообразна и живописна.

Долгие годы поколения архитекторов воспитывались на бесспорных шедеврах. Этим во многом объясняется подход к архитектурному наследию городов как к набору отдельных уникальных зданий и ансамблей, отмеченных безусловной художественной ценностью. При этом «возраст» здания являлся чуть ли не основным критерием его исторической оценки. Архитектура второй половины XIX — начала XX века осуждалась, как эклектичная, малоценная, и потому оказалась наиболее уязвимой в процессе реконструкции городов. Но со временем разностилие эклектики из антиценности превратилось в ценность и ее разнообразие стало восприниматься как признак индивидуальности. Эта архитектура привлекает сегодня какой-то особой теплотой, уютом, человечностью. Улицы старого Екатеринбурга, застроенные во второй половине XIX — начале XX века, интересны неповторимым сочетанием разностильных зданий, обладающих только им присущими чертами, контрастирующими с аскетизмом и простотой современных архитектурных форм. Мы ценим

в этих сооружениях не чистоту стиля, а разнообразие масштабов, типов, деталей.

Сейчас ведутся большие реконструктивные работы в историческом центре Свердловска. Утвержденный в 1972 году генеральный план развития города позволил определить общие принципы его архитектурно-планировочной композиции с учетом исторических особенностей. Сложившийся образ города должен быть сохранен и развит в новом качестве и в соответствии с новыми социально-экономическими потребностями и техническими возможностями общества. Дискуссии о необходимости сохранения старого в обновляемой городской среде еще не отошли в прошлое. До сих пор нет единства в оценке этого старого и существуют два полярных мнения, одно из которых исключает всякий снос в историческом центре и внедрение нового в эту среду, другое предполагает сохранение отдельных уникальных зданий прошлого, но уничтожение рядовой застройки и возведение на ее месте новых градостроительных структур. Как всякие взаимоисключающие суждения, они не бесспорны. Старую часть города не следует превращать в музей, она должна полноценно развиваться во времени и пространстве. Нельзя нарушать естественную связь времен, историчность городских образований, для которых характерно взаимодействие различных стилей, наслоение архитектурных форм разных времен. С другой стороны, недостаточно просто физически сохранять памятники архитектуры, необходимо искать пути преемственности в развитии художественного образа города. Сегодняшняя архитектура вписывает свои страницы в его летопись. В связи с этим перед градостроителями стоит важная и сложная задача: сохранение исторического своеобразия центра, гармоничное включение архитектурного наследия в застройку крупнейшего индустриального города.

Жизнь часто вносит коррективы в уже принятые решения, меняется взгляд на историческую застройку.

Сегодня она воспринимается уже не как набор отдельных уникальных объектов, а как целостная среда. Практика показала, что ценность отдельного памятника архитектуры отнюдь не уничтожается, а, напротив, подчеркивается существованием рядом с ним обычной рядовой застройки. Городская среда, объединяющая многообразие стилей и типов зданий, представляет интерес даже в том случае, когда ни одна из ее частей не отмечена особыми архитектурно-художественными качествами. Историческая среда в своей совокупности несет неповторимые следы человеческого бытия, культурные слои разных периодов развития города, связывающие прошлое с настоящим.

В 1964 году на втором Международном конгрессе архитекторов, занимающихся охраной памятников, была принята так называемая «Венецианская хартия», по которой понятие исторического памятника включает в себя не только отдельное произведение архитектуры, но также городские и сельские ландшафты, которые служат свидетельством определенной цивилизации или исторического события. Было установлено, что понятие «памятник» приложимо не только к произведениям исключительной значимости, но и к более скромным, которые с течением времени приобрели культурное значение [3].

В Свердловске долгие годы право на существование в обновляемой городской среде сохранялось лишь за теми зданиями, историко-культурное и архитектурно-художественное значение которых не вызывало сомнения. В архитектурной практике появился довольно печальный термин «бульдозерная реконструкция». Игнорирование существующей застройки отрицательно сказалось на исторической среде в целом. На месте старых кварталов возникли огромные открытые пространства, на которых строились здания, отмеченные укрупненным масштабом, не соответствующим застройке XIX— начала XX века. Подобный подход к реконструкции привел

не только к физическому уничтожению целостности среды. Новые постройки, несовместимые с ней масштабно и структурно, таят в себе опасность морального уничтожения даже тех памятников, которые сохранились. Во многом нарушена характерная для старого города визуальная связь внутригородских пространств с окружением. Музеефикация отдельных фрагментов при тотальном сносе окружающей застройки привела к тому, что памятники архитектуры приобрели чуждое им декоративно-раритетное значение. В последнее время появились проекты создания «музейных зон». На освобожденные пространства в историческом центре предполагается свезти памятники архитектуры с других улиц города. Подобное создание искусственной среды, при всем благородстве цели, не может, однако, не удручать. Такие «резерваты» нарушают подлинность исторической среды, в структуре застройки они носят автономный, откровенно музейный характер. А между тем сохранившиеся участки сложившейся застройки, в которых сконцентрированы черты, свойственные старому городу, дают прекрасную возможность создания заповедных зон. Подобных исторически ценных комплексов в Свердловске сохранилось, к сожалению, не так уж много, и расположены они в основном вдоль поймы реки Исеть, на улицах 8 Марта, Розы Люксембург, Малышева, Радищева, Декабристов, Чапаева, Добролюбова, проспекта Ленина и др.

Историческая среда, сосредоточенная вдоль поймы, неоднородна по своим архитектурно-художественным качествам. Наряду с сохранившимися фрагментами застройки XIX — начала XX века существует немало незастроенных пустырей, ветхих строений, хаотично разбросанных в глубине кварталов: сараев, хозяйственных служб, котельных. Возникает проблема не только сохранения существующего, но и во многом воссоздания утраченной исторической среды, основой для которой могут стать аналоги или подлинные документы — генеральные планы,

старые чертежи, рисунки, открытки, фотографии. Планы утраченных ныне усадебных садов вдоль Исети могут послужить основой для планировки вновь создаваемых парков, скверов, зон отдыха.

Восстанавливать разрушенные здания, разумеется, не имеет смысла. В любом случае это будут просто макеты. Но сохранившиеся фрагменты исторической среды могут быть использованы в современном строительстве, которое ведется в центре. Приметы старого города, введенные в новые структуры, обеспечивают преемственность форм среды. Это и рельеф местности, акцентированный новой застройкой, и старые деревья, гранитные тумбы и плиты тротуаров, фрагменты зданий, ограды, ворота, чугунные решетки и т. п. Обычные старые постройки, на первый взгляд не представляющие ценности, могут подчеркнуть своеобразие среды, раскрыть связь времен. Современное строительство в историческом ядре должно быть подчинено градостроительной структуре, композиции, ритму, силуэту, стилистической окраске старой застройки. При этом архитектура новых зданий, включенных в историческую среду, не должна копировать старое, а должна пытаться вписать новые черты в образ города. Нашему времени соответствуют свои формы, отражающие его дух и технические возможности. Чтить старое и в то же время создавать новое — это и есть путь прогресса. Уважать традиции — значит решать сегодняшние задачи не менее талантливо, чем это делали зодчие прошлого. Иногда новое становится на место старого, и это неизбежная жертва развития. Но важно, чтобы профессиональный уровень нового объекта соответствовал уровню старого.

Новое строительство в центре должно учитывать особенности сложившейся среды, внутригородского ландшафта. Необходимо осмысленное архитектурно-художественное освоение дворовых и внутриквартальных пространств. В старой застройке двору принадлежала осо-

бая роль. Он был звеном, осуществляющим привычные психологические и функциональные связи между человеческим жильем и масштабами города (квартира — крыльцо — двор — улица — город). Старые дворики не просто пробуждают ностальгические чувства. Это пространство, неразрывно связанное с домом, представляет собой исторически сложившуюся многофункциональную систему независимо от размеров и очертаний.

В городе важны предметы, окружающие человека, потому что он идет по улице от детали к детали. Ворота, дверные и оконные проемы, портики и колоннады, козырьки входов, балюстрады балконов, скамейки и тумбы, элементы мощения тротуаров — все это не только отражает определенный стиль, но и подчеркивает соразмерность среды человеку. Он воспринимает отдельные фрагменты зданий, останавливающие его взгляд. Поэтому так привлекательна разнообразная деталировка старых домов. Дробность объемов делает их близкими масштабу человека, среда не подавляет его, она гуманна и дает ощущение покоя и комфорта, так необходимое в обстановке громадного индустриального города.

Историческая среда не может быть просто объектом созерцания, она сохраняется лишь будучи включенной в жизнь города, поэтому очень важна проблема современного использования старых зданий. Дом жив только тогда, когда у него есть хозяин. Уже привычным стало размещение в исторических зданиях музеев, картинных галерей, выставок, клубов, концертных залов, домов творчества, библиотек. Однако это далеко не полный перечень новых функций памятников архитектуры.

Историческая застройка — прекрасная основа для размещения пешеходных зон, насыщенных различными предприятиями бытового обслуживания, общественного питания и торговли, уголками отдыха. Здесь могут размещаться центры общения, различные молодежные клубы, культурные комплексы и т. п. Однако использование

исторического центра только для целей общественно-культурного характера не может полностью удовлетворить социально-экономические потребности города. Улицы и площади, на которых размещаются только такие здания, обречены на вымирание в вечернее и ночное время, что способствует их быстрому моральному износу и разрушению. Поэтому вполне правомерно размещение в исторической застройке жилья, при соответствующей модернизации старых зданий и строительстве новых, масштабно связанных с существующими. Важно, чтобы возводимые здания, как жилые, так и общественные, не вступали в противоречие с тонким кружевом старой застройки, не подавляли ее своими масштабами. Сама историческая среда со своим многообразием типов зданий, сочетанием открытых, закрытых и частично ограниченных пространств, живописностью ландшафта может подсказать разнообразные новые объемно-пространственные решения. Оправдана жилая застройка малой и средней этажности, с включением в ее пространственную структуру прилегающих участков.

Серьезной проблемой в процессе реконструкции исторической застройки является восстановление первоначального облика памятников архитектуры. Бытует мнение, что памятник необходимо во что бы то ни стало очистить от всех наслоений, поздних пристроек, декора. Однако практика показывает, что восстановление в первоначальном виде сооружения, которое неоднократно перестраивалось, зачастую просто превышает человеческие возможности. Также следует помнить, что зримые следы времени на фасадах — это тоже своего рода историческая ценность. Памятник архитектуры редко бывает однородным, он жил и видоизменялся, каждый новый период вносил в его облик новые черты, порой меняя его до неузнаваемости, и стремление восстановить сегодня его первоначальный вид не оправдано. Гораздо важнее найти черты преемственности, подхватить их новыми сооружениями.

Так, в Свердловске начало реконструкции центра было положено созданием Исторического сквера. Бывшие производственные постройки, большая часть которых, к сожалению, утрачена, стали основой для создания музейно-мемориального комплекса, показывающего зримую связь времен в развитии архитектуры и техники Урала. Приспособленные к современным требованиям, перестроенные, дополненные продуманными новыми элементами, эти сооружения обладают сегодня самостоятельным культурным значением. В сочетании с новыми пространственными структурами, организующими комплекс в целом, они стали не только «знаками времени», но и получили самостоятельную эстетическую ценность.

Этот пример убедительно доказывает, что исторически сложившиеся части города могут и должны стать источником вдохновения для современных мастеров. Чтобы создавать новые объекты, не уступающие по профессиональному уровню прежним, необходимо увидеть в старом то ценное и рациональное, что может по-новому ярко и свежо прозвучать в современных сооружениях. Мастера всех эпох всегда опирались на опыт своих предшественников, брали все лучшее, что было рождено их талантом. Масштаб старых зданий, размеры деталей и членений, соответствующих человеческому восприятию, использование естественных материалов, гармоничная связь с ландшафтом — все это может стать отправным моментом для создания современных ансамблей.

Развитие города продолжается. Все новые страницы вписываются в его каменную летопись. И только чуткое отношение к истории поможет сохранить его «лица необщее выраженье». Чтобы взять от прошлого все самое лучшее, важно знать, в чем заключается своеобразие градостроительной структуры и формирования архитектурного облика, что нового внес каждый период в образ города, как формировались те временные пласты, которые составляют сложную структуру исторической застройки.

Глава I
ЕКАТЕРИНБУРГ В XVIII ВЕКЕ

Начало XVIII века в жизни России было ознаменовано целым рядом крупнейших исторических событий и социально-экономических преобразований. В результате военной и реформистской деятельности Петра I страна получила новые возможности для политического, экономического и культурного развития. Укрепление военной мощи государства, выход к наиболее выгодным местам торговли, укрепление связей со странами Западной Европы — все это вызвало к жизни ряд новых градостроительных мероприятий и способствовало расширению и усилению строительной деятельности, а также возникновению новых городов.

В 1703 году был основан Петербург — новая столица Российского государства. Возникновение Петербурга явилось началом нового этапа в истории русского градостроительства.

На строительство новой столицы направлялись лучшие отечественные мастера, приглашены были также зодчие из-за границы, что способствовало проникновению в Россию новых тенденций развития мировой архитектуры. Соприкосновение прогрессивных приемов западноевропейского строительства с традициями русского зодчества породило сплав отечественного и зарубежного начал в развитии архитектурных стилей и градостроительного искусства.

Петербург явился для России первым городом, где была осуществлена регулярная планировка и застройка по строго разработанному плану. Этот принцип регулярности был перенесен и на планировку новых российских городов. Петербург стал школой для русских градострои-

телей, которые впоследствии составляли планы губернских и уездных городов и осуществляли их застройку.

Вся территория Российской империи была разделена в то время по наместничествам (губерниям), а в 1768 году вышел указ «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов по каждой губернии особо», в котором писалось: «Как доныне всем в России по губерниям и провинциям лежащим городам специальных планов еще не сделано, то всем тем городам, строению и улицам делать по каждой губернии особо специальные планы»[4]. С 1762 по 1796 год специальная комиссия рассмотрела и утвердила сотни проектов по перепланировке русских городов. Было положено начало к упорядоченному составлению планов, что явилось крупным шагом вперед в развитии русского градостроительного искусства.

XVIII век отмечен в архитектуре России расцветом пышного стиля барокко, как воплощения эстетических идеалов абсолютистских режимов — с его подчеркнутой монументальностью, живописностью, динамичностью и бесконечным разнообразием архитектурных масс и декоративного убранства. Барокко было тесно связано с традициями русского зодчества, а в петровское время значительно обогатилось в результате воздействия со стороны западноевропейской архитектуры.

Русское барокко — это подлинно национальный стиль. Его отличает простота и структурность композиции, тесная связь внутренних объемов и внешней пластики зданий. В отличие от западноевропейской архитектуры, фасады зданий отделывались не камнем, а штукатуркой, что позволяло окрашивать стены в яркие цвета — синий, темно-красный, желтый, лазурно-голубой в сочетании с белыми лепными деталями и позолотой. Это придавало домам особо яркий, оптимистический колорит, отвечавший традициям русского зодчества.

Петербург стал первым в России городом европей-

ского типа — как в плаиировке, так и в архитектурном облике. В петровское время первостепеииое виимаине уделялось строительству ие столько дворцовых, сколько общественных и жилых, утилитарио иеобходимых построек. Оии возводились из дерева, а поздиее из кирпича, строились также и глинобитные здания с деревянным каркасом. Снаружи и внутри стены штукатурились и украшались декоративными деталями, выполненными из гипса. Планы зданий имели прямоугольные очертания, анфиладную систему расположения помещений и высокие скатные кровли. Фасады окрашивались в интенсивные цвета — красно-брусничные, охристые или голубые, на фоне которых контрастно выступали белые лопатки, тяги, пилястры, карнизы. Уже на первом этапе возведения Петербурга массовое строительство регламентировалось государством. По указу Петра I были разработаны первые «образцовые проекты» жилых домов. Эти дома, отличавшиеся друг от друга величиной, материалом, этажностью и качеством отделки, явились в русском зодчестве совершенно новым типом массового городского жилища.

Начиная с середины XVIII века в Петербурге, Москве и других городах среди массовой рядовой застройки стали появляться огромные величественные дворцы и соборы, а в пригородных парках создавались пышные резиденции, богато и разнообразно украшенные как снаружи, так и изнутри. Расцвет русского барокко — это творчество замечательных мастеров — В. В. Растрелли, Д. В. Ухтомского, С. Я. Чевакинского и других. Примерно с середины 60-х годов в русской архитектуре уже наметился зримый стилистический перелом — барокко начинает сменяться классицизмом. Подлинного своего расцвета русский классицизм достиг лишь в начале XIX века, охватив не только столичные города, но чрезвычайно глубоко проникнув в провинцию, в том числе и на Урал.

ОСНОВАНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ЕКАТЕРИНБУРГА

Екатеринбург — детище Петровских реформ. Усиление власти и военного могущества русского государства, расширение внешних связей, развитие внутреннего рынка — все это обусловило увеличение потребности в металле и послужило толчком к созданию на Урале с его огромными ресурсами крупной металлургической базы страны. В связи с формированием нового промышленного района уже в первой половине XVIII века появилась необходимость в едином централизованном управлении всеми уральскими заводами. Организационным центром горнозаводской промышленности должен был стать крупный город, соединяющий в себе управленческие функции, металлургическое производство, играющий роль торгового русско-сибирского посредника, а также являющийся центром формирования культурно-производственных кадров. К этому времени на Урале сложился особый вид поселения при металлургических заводах — крепость-завод, позднее город-завод. Именно с такого поселения и начинался Екатеринбург.

В 1720 году Петр I послал на Урал начальником казенных горных заводов Василия Никитича Татищева — энергичного организатора, большого знатока горнозаводского дела. Для будущего центра всех уральских заводов Татищев выбрал место, удобное в смысле географических и природных условий: «посредине всех заводов», где по его прозорливым планам должны были в дальнейшем сойтись нити всех горнозаводских связей Урала, в районе, богатом лесом и рудой, на реке Исети, в 25 верстах от Чусовой, соединяющей Урал с важнейшими водными артериями страны — Камой и Волгой. Отсюда же шел прямой водный путь в Сибирь, а также удобный грунтовой тракт в обе стороны — на запад и на восток.

Весной 1721 года было фактически начато строитель-

ство завода, которое, однако, вскоре было прностаиовлено и активио возобновнлось лишь спустя два года под руководством В. И. Геннина, занявшего к тому времени пост начальника горных заводов. В. Н. Татищев продолжал руководить стронтельными работамн. Летом 1723 года на строительстве было занято около четырех тысяч человек, среди них — солдаты Тобольского полка, крестьяне, камеищикн, плотники, угольные и молотовые мастера и многие другие «работиые люди», привлечеиные с заводов Урала и других райоиов России. Среди мастеровых, прибывших с Геииным с Олоиецких заводов, были даровитые «артиллерийские ученики» Никифор Клеопнн и Константин Гордеев, которые под руководством В. Н. Татищева составили первые рабочие чертежи основных объектов Екатериибургского, а затем Верх-Исетского заводов [5]. Возведением плотины — первого сооружения Екатеринбурга — руководил «плотинный мастер» с демндовских заводов Леонтий Злобин. Миогое сделали для строительства уктусский заводской комиссар Тнмофей Бурцев, капитан Иван Королевич, приехавший с Тобольским полком.

Сронтельство началось с возведения крепости для безопасности от «иеспокойного иарода» — охваченных недовольством башкир, так как завод строился, по существу, на окраине обжитой русской землн. Д. Н. Мамин-Сибиряк так описывал это событие: «Представьте себе совершенно пустынные берега р. Исетн, покрытые лесом. Весной 1723 года явнлись солдаты из Тобольска, крестьяне приписных слобод, иаятые мастера, и кругом все ожнло как по щучьему велению. Ронилн лес, готовнли место под плотину, клали домеиные печи, поднимали крепостной вал, ставилн солдатские казармы и дома для иачальства» [6]. Открытие Екатеринбургского завода состоялось в ноябре 1723 года, а в письме своем Петру I от 4 апреля 1724 года Гениин сообщал: «Екатериибургские заводы и все фабрики в действии, а именно: две домны, две молотовые, три досчатых молотка, два беложестяных

молота, укладная, стальная, железорезиая, проволочиая, пнльная мельнница и еще две молотовые поспевают к действу: такожде 3 медные плавнльные печн, два очищательные медн горна, одни гори, где медь от железа отделяют, и еще три медные плавнльиые печн скоро поспеют, также н хлебиая мельнница, магазейны достроены н миого хорм по чертежу н достальные квартиры достранваются по возможностн» [7]. В 1725 году к сооруженням завода добавнлся платиый двор для выделкн медных монет-плат, затем жестяная, меховая, кузнечиая и другне фабрнкн, а в 1725—1726 годах двумя верстами выше по Исети была построена еще одна плотнна и заложен новый завод «цесаревны Анны», впоследствнн Верх-Исетский [8].

Стронтельство Екатерннбургского завода нмело огромиое зиачеине для развнтня горнозаводской промышленностн Урала. Здесь сложнлся новый центр горнозаводского дела, однн из самых мощиых экономнческнх районов ие только Урала, ио н Росснн в целом. Завод положил начало Екатеринбургу, н когда в 30-х годах XVIII века начал сокращать пронзводство н терять свое значенне как крупное металлургическое предпрнятне, город, связанный с руднnками и заводамн всего Урала, продолжал развиваться, постепенно превращаясь в адмнннстратнвиый центр гориой промышлеиностн. Возннкшнй двумя десятнлетнямн позже Петербурга — иовой столнцы Росснн, задумаиной как «окно в Европу», Екатерннбург должен был стать столицей уральского «горного царства», своеобразным «окном в Азню». Прнчнны общегосударственного значення послужилн толчком к созданию этнх двух городов Росснн, нмеющнх обшнрные связн друг с другом, но развнвающнхся впоследствнн в столь разных географнческнх н соцнально-экоиомнческнх условнях.

Начиная с 1735 года на террнторнн Екатеринбургского завода развериул свою деятельность моиетный двор — огромное предпрнятне с рядом фабрнк н подсобных

цехов. Монетный двор приносил большой доход государству, что способствовало дальнейшему укреплению авторитета Екатеринбурга не только на Урале, но и в России в целом. Огромное значение для развития города имело открытие вблизи него месторождений золота и цветных камней. На базе Екатеринбургского завода помимо монетного двора стала существовать также и гранильная фабрика, достигшая своего расцвета в первой половине XIX века. В городе активно развивались ремесла: ювелирное, слесарное и другие.

В 1750—1780 годы значительно вырос и расширился Верх-Исетский завод. В 1758 году он был передан из казны в частное владение графу Воронцову, который, в свою очередь, перепродал завод С. Я. Яковлеву. Это огромное по тем временам предприятие насчитывало около 8 тысяч рабочих[9]. Во второй половине XVIII века к Екатеринбургу тяготели не только Верх-Исетский завод, но также Березовские золотые промыслы, Уктусский и Елизаветинский заводы, что укрепляло экономическую мощь города. В 70-х годах XVIII века в Екатеринбурге начали активно развиваться мелкие частные промышленные предприятия, владельцами которых были главным образом купцы. Развитие различных ремесел и мелкой частной промышленности способствовало оживлению торговли в городе, которая еще более активизировалась после 1763 года, когда через Екатеринбург стал проходить основной торговый путь из европейской части России в Сибирь. Салотопенное производство постепенно становилось важной статьей общегосударственного экспорта.

В 70-х годах XVIII века, после подавления крестьянского восстания Пугачева, правительство Екатерины II проводило мероприятия по усилению диктатуры как в центре России, так и в провинции. Вся Россия была разделена на 19 генерал-губернаторств, поделенных на 40 наместничеств. В 1781 году было создано Пермское наместничество, в состав которого вошел Екатеринбург, офи-

циально назначенный городом и получивший в 1789 году свой герб. Несмотря на то, что подлинного расцвета город достиг лишь в первой половине XIX века, XVIII век принес Екатеринбургу не только укрепление престижа и экономического могущества. Именно в этот период была заложена основа градостроительного развития городской территории, зримо наметилась планировочная структура, которая впоследствии легла в основу генерального плана Екатеринбурга первой половины XIX века. Одновременно складывался и архитектурный облик города, в котором нашли отражение передовые тенденции развития русской архитектуры XVIII века и традиционные черты уральских городов-заводов.

РАЗВИТИЕ ПЛАНИРОВКИ И ФОРМИРОВАНИЕ АРХИТЕКТУРНОГО ОБЛИКА ЕКАТЕРИНБУРГА

Основа планировки будущего города начала складываться буквально с первых шагов строительства крепости-завода. Крепостные сооружения, традиционно служившие основой русских городов, всегда строились как оборонительные населенные пункты. При этом обороноспособность крепости, ее конфигурация и внутренняя планировка во многом определялись природными условиями: рельефом местности, водными пространствами — реками, озерами, каналами. Особенность уральских крепостей-заводов XVIII века — это заводская плотина и пруд, служивший для накопления воды и направления водного потока, приводившего в движение заводские механизмы.

Плотина была построена в течение нескольких месяцев и протянулась по северной границе завода с запада на восток. Она имела 98 сажен в длину, 20 сажен в ширину и 3 сажени в высоту и была сооружена из лиственницы, способной долго противостоять влажной

среде. В теле плотины имелось три прореза: два ларевых — для подачи воды к водоналивным колесам, и один в центре для пропуска вешних вод. Бревенчатые срубы были плотно забиты отборной глиной[10]. Устройство плотины позволяло накопить большой запас воды, который мог обеспечить бесперебойную работу гидравлических колес; образовался пруд, украсивший крепость. Плотина Екатеринбургского завода явилась наиболее крупным и совершенным гидротехническим сооружением своего времени на Урале.

Екатеринбургский завод представлял собой сложный комплекс, имевший полный металлургический цикл, который включал в себя основные металлопередельные процессы, а также различные вспомогательные производства — кузнечное, лесопильное, кирпичное, канатное и другие. В нем насчитывалось к 1730 году до 30 отдельных сооружений. В комплекс входили две домны. При них были выстроены два фурмовых цеха, в которых помещались кузнечные горны, отливались и ковались колеса, шестерни и прочие детали. Отдельные цехи назывались фабриками: укладная фабрика, фабрика «для дела стали», три молотовых, дощатая, медеплавильная, проволочная, меховая, слесарная, лудильная, якорная. Имелись многочисленные вспомогательные цехи: жестяной, железорезный и плющильный, кузнечный, медно-колотушный, кирпичный и другие[11].

Оборудование Екатеринбургского завода было технически более совершенным, чем на других заводах Урала и России, а отдельные производственные сооружения по своим габаритам превышали все имеющиеся до тех пор на Урале промышленные здания. Завод представлял собой продуманный и разумно организованный комплекс основных и вспомогательных сооружений, размещенных компактно и в строгой зависимости от источника энергии — воды. Отдельные сооружения Екатеринбургского завода были новым словом в строительной технике своего времени. Им с самого начала строительства уделялось больше внимания,

чем другим постройкам крепости — жилым и административным зданиям. Вся застройка крепости первоначально была деревянной, за исключением доменных печей, выложенных из особого огнеупорного кирпича [12].

При этом Екатеринбург, как завод-крепость, был и крупным оборонительным сооружением. На прямоугольном участке размерами 356×307 саженей размещались производственные здания, канцелярия, мельница, гауптвахта, госпиталь, школа, торговые ряды, жилые дома. Все пространство было обнесено земляным валом высотой в сажень и шириной поверху в два аршина. Внутренняя часть крепости была дополнительно укреплена деревянным «палисадом» (частоколом), а за валом с внешней стороны был прорыт ров глубиной в два аршина и шириной две сажени, наполненный водой и дополнительно обнесенный деревянными рогатками. Крепость до 1735 года имела 6 бастионов и 4 полубастиона, с которых грозно смотрели дула пушек. Валы бастионов были укреплены деревянным частоколом. Все эти сооружения надежно защищали территорию завода, а крепостные ворота на ночь запирались железными засовами с замками.

В основу плана Екатеринбургской крепости была положена строгая регулярность — прогрессивный принцип русского градостроительства XVIII века. Рациональная прямоугольная планировка отнюдь не являлась формальным геометрическим приемом — она была тесно связана с природными условиями и соответствовала производственной функции крепости-завода. Основой планировочной структуры крепости стало меридионально-широтное перекрестие двух взаимно перпендикулярных осей — реки Исеть и заводской плотины. Река делила территорию крепости на две половины, и так сложилось, что с самого начала правая сторона стала торговой, а левая церковной. Соответственно были названы площади, образованные по обеим концам плотины. На торговой западной площади располагались административные здания — обер-

бергамт (контора завода), школа и госпиталь, впоследствии здесь же были построены торговые ряды. Церковная (восточная) площадь была обстроена жилыми домами чиновников, военных, священнослужителей. Вдоль крепостных стен в строгом порядке располагались дома мастеровых и работных людей. Своеобразие формирования Екатеринбурга одновременно как крепости-завода и как горнозаводского поселения не могло не сказаться на его архитектурном облике, который на первых порах имел суровый и несколько казарменный вид. Горное начальство сосредоточило основное внимание на заводских постройках, стремясь создать небывалый по масштабам промышленный комплекс, и не заботилось о красоте застройки в целом. Жилые дома были деревянными и одноэтажными. Стекло в то время было недоступной роскошью, поэтому в маленькие окошки вставлялась слюда или обыкновенная бумага. Для возведения наиболее представительных зданий наряду с деревом использовалась мазанковая конструкция в деревянных каркасах и на каменных фундаментах. Такими были первые церкви и здание оберг-бергамта. Обшитые тесом здания снаружи и изнутри обмазывали глиной и белили известью «под камень», что выделяло «знатные строения» среди прочих.

Очень скоро застройка перекинулась за пределы четырехугольника крепости, к 1734 году очертания ее изменились. На западном берегу пруда был построен гостиный двор, в связи с чем правая сторона крепости приобрела ломаную форму. Новые жилые образования возникли по берегам пруда к северо-западу по направлению к Верх-Исетскому заводу, к северо-востоку по течению впадавшей в пруд реки Мельковки, к юго-западу вдоль Исети, по обоим ее берегам и вдоль ручья Акулинки, впадавшего в реку ниже крепости. Прямоугольная система улиц была в этот период уже частично нарушена, особенно по правому берегу пруда и по течению Мельковки, где сложилось радиальное по отношению к крепости расположение жилых порядков[13].

Новая застройка образовала небольшие поселения за чертой крепости, объединявшие, как правило, людей одного сословия. Это было начало слобод, из которых впоследствии сложилась вся застройка Екатеринбурга. В этом, так же как и в регулярной планировке, видна связь с Петербургом, в планировочную структуру которого были вплетены многочисленные слободы и слободки различного работного люда. Любопытен факт, что в Екатеринбурге с самого начала дома строились по красной линии улиц вопреки исконно русскому обычаю ставить жилье в глубине двора, что также говорит о «европейском» влиянии Петербурга. Указ, изданный Петром I в 1715 году о запрещении строительства домов в глубине двора, вероятно, возымел действие и в новом уральском городе. В указе сказано: «Заказывается: чтоб при Санктпетербурге, отнюдь вдоль дворов сосед к соседу, никоего строения не строить, но прежде по улицам и переулкам вплоть застраиваться... А конюшен и сараев на улицу не строить, но вдоль двора. А с улиц и переулков чтоб все занято было жильем по указу»[14].

Развитие планировки и застройки Екатеринбурга проходило под контролем и строго регламентировалось. Строить здания разрешалось только по проектам и в отведенных для них местах. В 1725 году В. И. Геннин предписывал взять из Екатеринбургской школы людей, знающих геометрию, «...для смотрения, чтоб заводское и хоромное и прочее строение строилось по чертежу, и выучить их, чтоб по чертежу все места в Екатеринбурге знали»[15]. С нарушителями градостроительной дисциплины обращались сурово. Специальный указ гласил: «В Екатеринбурге в крепосте дворы, все, которые напротив чертежа строены, разломать и впредь строить не велеть, а велеть строить, кто пожелает по чертежу, и давать места по рассмотрению»[16]. Академик Гмелин, один из первых путешественников, посетивших Екатеринбург, так описал его облик (1733): «Город правильно выстроен; дома на немецкий

образец... Нет в нем ни одного дома, который бы не был построен на императорский счет»[17]. На изображениях Екатеринбурга этого времени обращают на себя внимание ровные прямые ряды однотипных строений с гладкими стенами, маленькими окошками, высокими скатными кровлями, действительно на «немецкий образец».

Деревянная застройка преобладала в Екатеринбурге в течение всего XVIII века. Широкому распространению деревянного строительства способствовало наличие строевого леса, окружавшего крепость-завод, однако деревянные строения были недолговечными. Подлинным бичом Екатеринбурга были частые пожары. Стоило загореться одному дому, как огонь моментально перекидывался на другие, стоящие в ряд, уничтожая целые кварталы жилья и производственные строения. Пожары и стремление сохранить леса были немаловажными причинами того, чтобы начать строить в Екатеринбурге каменные здания. В первую очередь сооружались производственные каменные строения. Развитие гражданского каменного строительства затруднялось тем, что столичное начальство не особенно баловало город значительными вложениями, будучи более заинтересованным в том, чтобы больше получить от уральского города, чем дать ему. Только в силу крайней необходимости, когда без новой постройки уж вовсе нельзя было обойтись, столичные власти давали на нее разрешение. Так принято было решение построить новое здание обер-бергамта взамен старого, мазанкового, изрядно обветшавшего. Это было первое каменное здание непроизводственного назначения в Екатеринбурге, и построить его было решено на месте старого мазанкового дома — места работы В. Н. Татищева и В. И. Геннина, откуда они руководили строительством завода и крепости. Горное правление стало в то время большой силой — оно контролировало работу всех казенных заводов Урала, и здание для него требовалось соответствующее. Проект был выполнен в 1729 году смотрителем лесов Иоганном фон Баннером и утвержден В. Н. Та-

тищевым [18]. Однако строительство началось лишь в 1736, а закончилось в 1739 году. Отделка фасадов и внутренних помещений продолжалась до 1741 года.

Здание было выстроено на западном берегу пруда, на торговой стороне, и поставлено по красной линии будущего Главного проспекта (ныне проспект Ленина) при выходе его к руслу Исети, перекрытому в этом месте заводской плотиной. Северный фасад был обращен на шумную торговую площадь и одновременно на главную улицу Екатеринбурга, а также раскрыт на акваторию пруда. Значительный масштаб двухэтажного здания выделил его среди окружающей застройки. Вместе с вертикалями двух церквей, симметрично поставленных на противоположных берегах Исети, новое здание стало видимой доминантой в панораме Екатеринбурга второй половины XVIII века и сохранило свое градоформирующее значение вплоть до XIX века, когда в городе появились другие двухэтажные казенные здания и жилые особняки. Здание Главного горного правления было выстроено добротно, капитально — на бутовом фундаменте, с массивными стенами, выложенными из кирпича и оштукатуренными «под камень», с высокой скатной с переломом кровлей, крытой листовым железом. Кладку осуществляли опытные каменщики под руководством тюменских и соликамских мастеров.

Архитектурный облик здания типичен для административных сооружений петровского периода — простой призматический объем, увенчанный высокой кровлей на голландский манер, с фасадами, оформленными просто и строго. План здания прямоугольный, с небольшими ризалитами со стороны двора. Все помещения соединялись по анфиладной схеме. Всего их было 34: контора, чертежная, военный суд, архив и другие. Гладкие стены на фасадах имели вертикальные членения в виде широких лопаток и горизонтальные — поэтажные тяги. Оконные проемы прямоугольной формы и вытянутых пропорций образовали по фасадам ритмический ряд, подчеркнутый неболь-

шими слуховыми окошками, выступающими над высоким подъемом кровли. Парадные входы в здание (а их было два) обозначены высокими арочными дверями и акцентированы на уровне второго этажа широкими балконами. Укрупненный масштаб, внушительная и строгая декоративная обработка фасадов — все это соответствовало деловому характеру здания и надолго утвердило за ним главенствующую роль в застройке центральной части Екатеринбурга.

Строительство здания Главного горного правления послужило толчком к оживлению строительства в Екатеринбурге — вслед за ним стали возводиться и другие каменные сооружения, как производственные, так и гражданские. Во второй половине XVIII века население города резко возросло и границы крепости 1735 года уже не сдерживали более его развития. Во время Крестьянской войны Пугачева (1773—1775) городское начальство, напуганное угрозой осады со стороны восставших, стало принимать срочные меры по укреплению города. В 1774 году была отреставрирована старая крепость, а по границам города был сооружен новый крепостной вал, укрепленный рогатками и окруженный рвом. Но и эта крепость не сдержала дальнейшее расширение города — быстро образовывались новые улицы за ее пределами. Все больше назревала необходимость дальнейшей регламентации и упорядочения застройки. В начале 80-х годов XVIII века, когда Екатеринбург официально был объявлен городом, начались работы по составлению его генерального плана. Это было время больших перемен в русском градостроительстве. Городское положение 1785 года предписывало провести работу по корректировке и составлению планов губернских и уездных городов с учетом их перспективного развития. Необходимо было составить генеральный план Екатеринбурга, а также утвердить его. Эта работа предполагала установление размеров кварталов и их границ, определение мест для разбивки площадей, для новой застройки,

для расширения городской территории. Длилась она долгие годы — лишь в первой половине XIX века город получил официально утвержденный генеральный план.

Во второй половине XVIII века в Екатеринбурге строились каменные производственные здания и культовые постройки, а в 80-е годы стали появляться частные каменные дома. На территории завода были построены два цеха из местного серого камня. Духовенство, как сословие, находившееся в особом финансовом положении, быстро проявило предприимчивость и инициативу в строительстве новых каменных церквей, высоких и нарядных, выстроенных в лучших традициях русского барокко. В 50—70 годах XVIII века были сооружены Златоустовская церковь, загородная Свято-Духовская церковь, Екатерининский собор на левом берегу пруда. В 1745—1747 годах на торговой стороне, на правом берегу пруда, была выстроена Богоявленская церковь (впоследствии Кафедральный собор), а в 1798 году на вершине холма на левобережье пруда была заложена Вознесенская церковь — единственный в Свердловске сохранившийся памятник архитектуры, несущий черты русского барокко.

Распространение каменного жилищного строительства в Екатеринбурге существенно тормозилось дороговизной каменных домов. Даже самые дешевые из них обходились от 120 до 180 рублей серебром. Такая цена доступна была лишь самым состоятельным гражданам, но отнюдь не заводским рабочим, годовая заработная плата которых не превышала 72 рублей, а в среднем составляла не более 20 рублей [19]. Казна и горнозаводчики, стремясь привязать рабочих к предприятиям, не особенно заботились об их нуждах и ограничивались лишь тем, что разрешали им собственными силами возводить себе жилье. Помимо домов «по чертежам» простой люд строил свои избы так, как привык делать это в деревне, повторяя исконную планировку и внешнюю отделку русской крестьянской

избы в ее уральском варианте — с крепкими воротами, крытым двором, вымощенным бревнами или камнем, с традиционными надворными постройками по периметру двора. Представители беднейшего сословия подчас ютились в постройках барачного типа, а также в землянках. Основная застройка Екатеринбурга конца XVIII века — одноэтажные деревянные дома с небольшими участками под огород. Первые каменные жилые дома стали строить купцы — представители наиболее состоятельного сословия города, а также богатые горные чиновники. Одними из первых возвели каменный дом братья Казанцевы, а вслед за ними и другие богатые купцы [20]. Купеческие владения окружались высокими каменными оградами с массивными воротами, многочисленные надворные постройки располагались, как правило, позади дома, выходящего главным фасадом на улицу.

Первые екатеринбургские каменные дома во многом напоминали аналогичные строения Петербурга, выстроенные по «образцовым проектам» с фасадами, оформленными просто и строго. Углы зданий с гладкими оштукатуренными стенами часто акцентировались крупной декоративной рустовкой, а центр главного фасада выделялся оконным или дверным проемом более сложной конфигурации. Окна обрамлялись наличниками простых очертаний. Венчали здания высокие скатные кровли, входы выделялись высокими крыльцами, балконами на уровне вторых этажей. Несмотря на то, что каменных домов было немного, они внесли заметное оживление в однообразную деревянную застройку города. К концу XVIII века каменных домов было всего тринадцать, а деревянных — 1859 [21].

Деревянные дома недолговечны, поэтому ни один из них не сохранился.

Несмотря на то, что Екатеринбург к концу XVIII столетия был уже самым крупным по количеству населения городом Урала, он не имел благоустроенных улиц и пло-

щадей, многие деревянные строения находились в полуразрушенном состоянии уже в то время.

Немногочисленные каменные постройки конца XVIII века впоследствии перестраивались, подвергаясь неоднократным переделкам, совершенно изменившим их первоначальный облик, как это произошло, например, со зданием главного горного правления, с Вознесенской церковью. Формирование архитектурного облика города находилось в начальной стадии. В этом смысле Екатеринбург, по определению Д. Н. Мамина-Сибиряка, целиком «дитя XIX века». Однако в XVIII веке уже сложилась планировочная структура города, которая легла впоследствии в основу генерального плана первой половины XIX столетия.

Глава II

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX СТОЛЕТИЯ — «ЗОЛОТОЙ ВЕК» ЕКАТЕРИНБУРГА

На рубеже XVIII—XIX веков русская архитектура переживала период высокого подъема, когда сформировались традиции классицизма — стиля, пришедшего на смену барокко. С 1760-х годов и вплоть до 30—40-х годов XIX века классицизм был господствующим стилем в России, охватившим не только архитектуру, но и всю российскую культуру.

Классицизм (от лат. classicus — образцовый) — художественный стиль в искусстве, развивавшийся путем творческого заимствования форм, композиций и образцов искусства античного мира и эпохи итальянского Возрождения. Крупные исторические открытия, археологические раскопки, впервые показавшие человечеству середины XVIII века строгость и совершенство зодчества Древней Греции и Рима, вдохнули новое содержание в мировую архитектуру. Ясные, спокойные и монументальные образы античной архитектуры, в совокупности с идеалами гражданственности и гуманизма, стали с этого периода источником вдохновения передовых зодчих. Классицизм, зародившись во Франции в условиях абсолютистского режима, нашел отражение в архитектуре большинства европейских стран, в том числе и в России, отличаясь в каждой стране своими региональными особенностями.

Во второй половине XVIII— начале XIX века Россия превратилась в могущественную мировую державу, что выразилось не только в укреплении ее международного престижа, но и в глубоких внутригосударственных преобразованиях. Интенсивно развивалась экономика, просвещение и культура, совершенствовалась строительная

техника, быстро росли новые города и реконструировались старые. Строились жилые дома и усадьбы, различные здания нового типа — академии, библиотеки, учебные заведения, театры. Пышные и многодельные формы барокко, требующие больших материальных затрат, перестали удовлетворять новым строительным требованиям. Кроме того, архитектура барокко, как воплощение эстетических идеалов двора и богатого духовенства, постепенно стала вызывать в русских просвещенных кругах негативное отношение. Привлекали строгие и вместе с тем выразительные формы классицизма, позволяющие решать многочисленные архитектурные задачи.

Классицизм в России с 1760-х до 1840-х годов пережил периоды зарождения, расцвета и постепенного угасания, когда на смену ему пришли новые архитектурные течения: эклектика, ретроспективизм, а затем модерн. В эволюции классицизма можно выделить три основных периода: ранний классицизм (1760—1780), строгий (1780—1800) и высокий (1800—1840). С архитектурой русского классицизма связаны имена крупнейших русских зодчих: В. И. Баженова, М. Ф. Казакова, И. Е. Старова, Дж. Кваренги, В. П. Стасова, А. Н. Воронихина, К. И. Росси, О. И. Бове, Д. И. Жилярди, А. Г. Григорьева и других.

На раннем этапе формирования стиля происходило постепенное освобождение от пышных пластических форм барокко, переход к строгим архитектурно-планировочным решениям, к величию и простоте античного зодчества. Крупным толчком к развитию классицизма послужило учреждение в Петербурге 17 ноября 1757 года «Академии трех знатнейших художеств» — живописи, скульптуры и архитектуры, которая явилась первой общерусской школой, подготовившей целую плеяду замечательных художников, скульпторов, зодчих.

Во второй период русского классицизма (1780—1800) идеи античного зодчества получили дальнейшее развитие,

что выразилось в отказе от декоративной нарядности и обилия лепных украшений. Этот период явился как бы антитезой барокко, отсюда и его название — строгий. Русские зодчие уже прекрасно владели приемами античного зодчества и широко использовали творчески переработанные ордерные формы и приемы композиции. Именно в этот период были созданы крупнейшие дворцово-парковые ансамбли Петербурга и его пригородов, а также Москвы и Подмосковья — знаменитые Павловск, Архангельское, Останкино, Кусково и другие, а также величественные здания нового типа — университеты, театры, дворянские собрания, больницы, крупные жилые дома и усадьбы.

Третий период развития русского классицизма связан с решением больших градостроительных задач. Победа в войне 1812 года вдохнула новые патриотические идеи в русскую архитектуру — этот период является наивысшим в развитии классицизма. Торжественная мощь античной архитектуры отвечала вкусам и идеологии тогдашнего общества. Грандиозные ансамбли Петербурга, застройка послепожарной Москвы, градостроительные мероприятия по переустройству провинциальных городов — все это завоевания высокого классицизма (иногда эту стадию называют «ампиром»).

Для архитектуры этого периода характерна строгость композиции зданий и сооружений, лаконизм объемов, в которых главным формообразующим фактором становится гладкая нерасчлененная стена, образующая фон для немногочисленных и сдержанных декоративных украшений и ордерных композиций — портиков, колоннад. На поздней стадии своего развития классицизм глубоко проник во все сферы российской художественной жизни.

На Урале, который в начале XIX века являлся развитым промышленным районом России, идеи классицизма отразились и в архитектуре производственных зданий и комплексов, и в планировке горнозаводских поселений, и в традиционных уральских промыслах — художественном

литье и ковке металла, в камнерезном и ювелирном искусстве, в интерьерах зданий самого различного назначения, в мебели и т. п.

С архитектурой русского классицизма связана деятельность зодчих, создававших в начале XIX века школу промышленной и гражданской архитектуры Урала, среди которых были и выпускники Академии художеств. И. И. Свиязев, А. З. Комаров, М. П. Малахов, А. П. Чеботарев и другие архитекторы работали при Уральском горном правлении. Они создавали новые горнозаводские поселения и занимались реконструкцией старых уральских заводов, закладывали планировку центров городов-заводов, строили в них заводские постройки и плотины, конторы и госпитали, училища и школы, культовые комплексы и жилые дома, усадьбы и мосты.

Русские архитекторы, обращаясь к формам и пропорциям античной архитектуры, почти всегда творчески перерабатывали это наследие применительно к конкретным условиям в зависимости от градостроительной роли и назначения здания и сооружения. Классический ордер никогда не был для русских зодчих сухой догмой, а являлся композиционным средством, которое умело приспосабливалось к задачам и условиям строительства. Именно этим объясняется глубокое проникновение классицизма не только в образы грандиозных градостроительных сооружений и комплексов, но и в малый мир усадьбы, городского жилого особняка...

Для русского классицизма характерна сомасштабность зданий как окружающей застройке, так и человеку, особая теплота и пластичность объемно-пространственной организации зданий, мажорная полихромность. Фасады зданий оштукатуривались и окрашивались устойчивыми земляными красителями, причем штукатурились «под камень» не только кирпичные, но и деревянные постройки. Окраска домов регламентировалась в пределах теплой гаммы. Это были обычно желтые, охри-

сто-золотистые, светло-оранжевые цвета, реже — серые, с теплым оттенком. На фоне стен четко выделялись белые декоративные элементы — колонны коринфского, ионического и дорического ордеров, сандрики, кронштейны, модульоны и другие архитектурные детали. Металлические кровли окрашивались. Распространен был зеленый — «малахитовый» цвет. В отделке фасадов культовых сооружений использовалась позолота — на главках, куполах, крестах, шпилях. Введение цвета в архитектуру зданий позволяло лучше выявлять их пластику и композицию не только в солнечные дни, но и на фоне хмурого осеннего неба или в окружении зимних сугробов.

Профессиональное архитектурное мышление екатеринбургских мастеров выразилось в сочетании архитектурных концепций различных этапов развития русского классицизма, в творческом подходе к разработке классического ордера, в широком использовании изделий уральских художественных промыслов — в частности, каслинского чугунного литья и кованых решеток. В творениях уральского зодчества нашел отражение и опыт безвестных мастеров, приобретенный ими при строительстве собственного жилья и при возведении грандиозных промышленных комплексов Урала.

Чтобы понять причины расцвета градостроительства и архитектуры Екатеринбурга в первой половине XIX века, необходимо обратиться к истории города, к «золотому веку» Екатеринбурга...

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЕКАТЕРИНБУРГА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Первая половина XIX века — период наивысшего развития дореволюционного Екатеринбурга. В 1806 году царским правительством был утвержден «Проект горного положения», по которому, в числе других мероприятий,

направленных на дальнейшее укрепление власти правительства и заводчиков, предполагалось создание ряда горных городов.

Полностью проект не был осуществлен, в результате чего статус горного города официально получил только Екатеринбург (1807). Это обстоятельство определило во многом его особое положение среди других уральских городов вплоть до 1860 года и создало серьезную конкуренцию его с губернской Пермью. Екатеринбург стал центром всей уральской промышленности, от его администрации зависели заводы и рудники, расположенные на огромной территории Пермской, Вятской, частично Казанской, Оренбургской и Тобольской губерний. В ведении горного начальства Екатеринбурга состояли: 9 казенных и 113 частновладельческих заводов, золотые промыслы, то есть примерно две трети всех предприятий Урала[22].

Особенно упрочилось положение Екатеринбурга в связи с утверждением в 1826 году должности Главного начальника уральских горных заводов и переводом из Перми в Екатеринбург горного правления, учрежденного еще в 1807 году. По выражению Д. Н. Мамина-Сибиряка, «это было настоящее государство в государстве... Тут были свои законы, свой суд, свое войско и совершеннейший произвол над сотнями тысяч горнозаводского населения... Если тяжело было положение рабочих на частных заводах, то на казенных оно превращалось в каторгу... Это было ужасное время беспримерной судебной волокиты, бесправия, шпицрутенов, плетей и всякого другого «пристрастия», какое немыслимо даже при большом осадном положении, точно Екатеринбург стоял на охваченной мятежом и междуусобной бранью территории. Администрация города была целиком подчинена горному правлению, которое не признавало ничьих указов, кроме высочайшей власти и правительственного Сената. Во главе его стоял горный начальник с такими исключительными полномочиями, какие даются только диктаторам. Помимо управления

казенными заводами он исполнял обязанности городничего, вершил суд, командовал войсками, назначал должностных лиц; в его руках была сосредоточена вся полнота власти. Недаром одному из горных начальников генералу В. И. Глинке приписывается заявление: «Я царь, я бог Уральского хребта» [23].

Таким образом, в период, когда, по определению В. И. Ленина, «крепостное право служило основой высшего процветания Урала и господства его не только в России, но отчасти и в Европе» [24], в экономической и политической структуре Екатеринбурга получили полное отражение все стороны развития страны в целом и Урала в частности.

В начале 30-х годов XIX века екатеринбургскими купцами была послана в Сибирь разведочная партия, открывшая в Томской губернии богатейшее месторождение золота. Разработка и эксплуатация сибирских золотых приисков принесла в Екатеринбург огромные богатства, которые в сочетании с расцветом торговли, ремесел и промышленного производства способствовали дальнейшему упрочению города. Большой прилив капиталов вызвал значительное оживление строительства как промышленных, так и гражданских сооружений. В 1837 году главным начальником горных заводов был назначен В. И. Глинка. С этого времени власть горного начальника стала особенно ощутимой в городе.

Екатеринбургский железоделательный завод к началу XIX века резко сократил свое производство, но за счет его материальной базы продолжали развиваться монетный двор, механическая фабрика и в особенности гранильная фабрика, слава о которой шагнула не только за пределы Урала, но и России. К гранильной фабрике тяготел Горнощитский мраморный завод. На этих предприятиях трудились сотни мастеров камнерезного и гранильного искусства, были созданы замечательные изделия, украшающие сегодня лучшие музеи нашей страны и неоднократно де-

монстрировавшиеся на международных выставках. Роль Екатеринбургской гранильной фабрики заключалась не только в том, что она выпускала разнообразные каменные изделия,— здесь создалась школа камнерезного искусства России. Важное значение для развития промышленности города имела механическая, а также и другие фабрики. Новые прогрессивные методы производства — применение паровых двигателей, изготовление механических агрегатов различного назначения — все это было показателем развития новых капиталистических отношений в промышленности Екатеринбурга. Механическая фабрика снабжала заводы и рудники Урала многими необходимыми машинами и механизмами и к концу 40-х годов представляла собой крупное промышленное предприятие. В первой половине XIX века также значительно расширил свою деятельность монетный двор.

Кроме казенных предприятий в Екатеринбурге развивались и частные промышленные производства. Самым мощным из них в первой половине XIX века был принадлежавший Яковлеву Верх-Исетский завод, хотя он формально и не входил в черту города. Остальные частные промышленные предприятия были в основном небольшими, насчитывающими до нескольких десятков рабочих. Это были свечные, салотопенные, кожевенные, мыловаренные и другие предприятия, принадлежавшие екатеринбургским купцам.

Вместе с развитием промышленности значительно оживилась торговля в Екатеринбурге и его пригородах. Городское купечество торговало металлом, хлебом, салом, пушниной, различными привозными изделиями и всем тем, что производилось на их собственных предприятиях. Славилась екатеринбургская торговля различными изделиями из цветных и поделочных камней. Однако в Екатеринбурге не было крупных ярмарок, лишь два раза в год устраивались так называемые торжки и поэтому екатеринбургское купечество вело большую торговлю за

пределами города — на Ирбитской, Нижегородской н другнх ярмарках.

Весьма своеобразен был социальиый состав города, который стал складываться с самого иачала строительства Екатерннбурга. В то время жителями иового завода-крепости были в основиом мастера, подмастерья и прочий «работный люд», прнбывший с различиых уральских и олоиецких заводов. В составе гарннзоиа крепости были солдаты Тобольского полка, часть из которых осталась работать иа заводе. Населенне города увелнчивалось за счет близлежащих селеиий — Шарташа, Уктуса, Стаиовой и других мест. В иовый город потяиулись переселеицы из Московской и Нижегородской губерннй, с Олоиецких заводов — ссыльиопереселеицы, беглые каторжннкн, старообрядцы — выходцы из раскольничьих скитов. Имеиио из раскольиичьих семей развивалось впоследствин богатейшее екатеринбургское купечество [25]

Почти половнну иаселеиия Екатериибурга составлялн рабочие — казеииые мастеровые и «непремеиные» работники. Богатого родовитого дворяиства здесь практически ие было. В осиовном жнли в городе военные, чиновннкн гориого правлеиия, приказчики и управляющие заводами. Купечество составляло около четырех процеитов всего населеиия и являлось особой соцнальной группой, сосредоточившей в своих руках иаиболее крупные капиталы. Характерио, что большая часть екатериибургскнх купцов по вероисповедаиию принадлежала к старообрядцам. Несмотря иа то, что старообрядчество подвергалось жестоким преследованням, общая вера, в сочетаиии с родствеииыми связями, сплачивала купечество, которое в период разложеиия феодальиых отиошеиий приобретало в городе все большую силу и власть.

Рост богатства екатериибургских купцов объясиялся тем, что оии помнмо своего искоиио купеческого заиятия — торговли — являлнсь также и владельцами промышлениых предпрнятнй как в Екатериибурге, так и за его предела-

ми. Купцы Казанцевы, Рязановы, Толстиковы имели салотопениые заводы. Гилевы, Калашииков и другие владели кожевеииыми предприятиями, а Расторгуев, Харитоиовы, Зотовы являлись хозяевами Кыштымского, Нязепетровского и Каслинского металлургических заводов[26].

Большое богатство екатеринбургским купцам приiесла разработка и эксплуатация сибирских золотых приисков. Исключительиую предприимчивость в этом деле проявили купцы Рязаиовы, Казанцевы, Баландины. Особеино прославился как баловеиь «дикого счастья» Тит Зотов. За 10 лет он получил более 30 миллионов рублей прибыли. Огромиый приток золота оживил промышлеииую и торговую жизиь города, а семьи купцов Расторгуевых, Харитоиовых, Зотовых, Рязаиовых, Казанцевых, Балаидиных стали самыми богатыми в Екатериибурге. Новоявлениые владельцы крупных капиталов стремились продемоистрировать миру свое богатство и власть, используя также и архитектуру как средство упрочеиия своего общественного положеиия. В центре Екатериибурга одна за другой иачали строиться усадьбы — в подражаиие столичиой зиати — с высокими камениыми домами, обшириыми дворами, садами и миогочислеииыми иадворными постройками. Усадьбы богатых гориых чииовииков и купцов-золотопромышленников во миогом определили своеобразие архитектуриого облика Екатериибурга в первой половиие XIX века.

Разумеется, ие только частиые дома строились в Екатеринбурге в этот период. Были построеиы коиторские здаиия, госпиталь, школы, обсерватория, гориая аптека, первый городской театр, иовые церкви, монастырские постройки, а также капитальиые промышлеииые здаиия, гидротехиические сооружеиия. Проводились работы и по благоустройству городской территории. Одиако по-прежиему городские власти были ограничеиы в возможиостях и не имели достаточиых ассигноваиий для создания аисамбля общественых здаиий в цеитре Екатериибурга. Город так и не получил завершеииого общественного цеитра.

На протяжении всего XIX века преобладала деревянная, одноэтажная застройка. Подавляющее большинство непроизводственных каменных строений принадлежало частным лицам. Казенных каменных зданий было построено настолько мало, что они не могли играть решающую роль в формировании архитектурного облика города, так как были сосредоточены в основном на двух центральных площадях города, образуя вместе с заводскими постройками и плотиной своеобразный производственно-административный центр города. В 1820 году в городе было 8 казенных зданий и только 2 каменных. В это же время частных каменных строений было 54, а деревянных 2470. К 1849 году каменных казенных зданий стало 7. Зато резко увеличилось число частных каменных домов — до 161, тогда как деревянных было 2678. Всего в Екатеринбурге в 1849 году было 168 каменных домов и 2884 деревянных [27].

Благоустройство Екатеринбурга находилось в прямой зависимости от городских финансов. Ни городское управление, ни горное начальство не уделяли должного внимания этому. В городе не было ни канализации, ни водопровода, улицы и площади не были замощены, в базарные и праздничные дни превращались в сплошное море грязи и нечистот. Основная часть населения пользовалась водой из реки Исеть, которая загрязнялась стоками промышленных предприятий. «Хлебный рынок особенно весной представлял собой целое море грязи, и перебраться через него считалось чуть ли не рискованным делом. Страшная грязь была и на Главном проспекте. При переходе улицы обыватели нередко топили калоши и, чтобы избежать этого, нанимали извозчика для того только, чтобы переехать улицу» [28].

В отчете царю пермский губернатор так описывал облик Екатеринбурга 1851 года: «На самых лучших улицах тянутся длинные заборы, или рядом с богатейшими палатами золотопромышленников стоит ветхий домик масте-

рового, боковые улицы и дальнейшие от центра города в весеннее и осеннее время совершенно неудобны для проезда по причине грязи и болотистой почвы» [29].

Современники характеризуют Екатеринбург как город, производивший двоякое впечатление, в архитектурном облике которого отразились все классовые противоречия крепостнической системы, переживавшей в первой половине XIX века период своего кризиса. Но все же, как писал Д. Н. Мамин-Сибиряк, «вид на город был очень хорош и приятно для глаз пестрел своими садами и ярко расписанными церквами. Это был бойкий сибирский город, совсем не походивший на своих «расейских» братьев. Видно, что жизнь здесь кипела ключом на каждом шагу. В густом сосновом бору, который широким кольцом охватывал город со всех сторон, дымилось до десятка больших фабрик и заимок, а по течению Узловки раскинулись дачи местных богачей» [30]. Так описан в романе «Приваловские миллионы» город Узел, прообразом которого послужил Екатеринбург.

Показывая особенности развития капитализма на Урале, В. И. Ленин отмечал, что в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка «рельефно выступает особый быт Урала» [31]. И действительно: четкие зарисовки писателя, глубоко знавшего историю Екатеринбурга, его образные описания и меткие характеристики во многом помогают сегодня понять причины возникновения в городе многих значительных сооружений, ту социальную почву, на которой могли вырасти произведения зодчества, оставившие яркий след в архитектуре «азиатской столицы».

Образы горных чиновников, военных, купцов и золотопромышленников, их нравы и быт талантливо описаны во многих произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка, в частности в повести «Пир горой». Охваченные «золотой лихорадкой», новоявленные владельцы крупных капиталов демонстрировали свое богатство: «В какие-нибудь два года уездный глухой городок сделался неузнаваем,

точно его залила золотая волна. Везде строились большие дома, справлялись богатые свадьбы, веселье катилось широкой рекой» [32]. Однако золото не принесло городу ни больниц, ни библиотек, ни школ, ни благоустройства. Благотворительность купцов-старообрядцев проявилась лишь в пожертвованиях на строительство церквей да разве что городского театра.

Специфические социально-экономические условия, в частности отсутствие достаточных ассигнований на строительство казенных зданий, и сосредоточение крупных капиталов в руках частных лиц привело к тому, что именно местные богачи построили в первой половине XIX века в Екатеринбурге сооружения, определившие архитектурный облик города.

Побывавший в Екатеринбурге профессор Густав Розе, спутник знаменитого ученого Александра Гумбольдта, путешествовавшего по Уралу в 1829 году, писал, что в Екатеринбурге «улицы широки и прямы, деревянные дома по большей части одноэтажные, и поэтому занимают большое пространство. Между ними выдаются большие белые каменные дома, построенные вообще в очень хорошем вкусе и либо предназначенные для помещения казенных учреждений и для жилищ горных чиновников, либо принадлежащие более богатым местным обывателям. Дом, в котором мы жили, принадлежал русскому купцу, который, следуя национальным обычаям, носил длинный синий сюртук, опоясанный кушаком, и бороду; он отдал нам лучшие комнаты во втором этаже, с белыми оштукатуренными стенами, с карнизом, украшенным лепной работою из гипса, и со вкусом меблированные» [33].

Екатеринбургские купцы, располагая крупными капиталами, сумели привлечь для строительства своих усадеб одаренных архитекторов и художников, работавших в это время в Екатеринбурге, среди которых были и выпускники Академии художеств. С конца XVIII века в городе творили архитекторы Савва Хвостов, Семен Колокольни-

ков, Иван Николаев, а в XIX веке — К. Г. Турский, Э. Х. Сарториус, А. Н. Спиринг. Крупным зодчим, оставившим яркий след в архитектуре Екатеринбурга первой половины XIX века, был Михаил Павлович Малахов (1781—1842). Он родился на Украине в семье мелкопоместного дворянина. Детство и ранняя юность его прошли на Черниговщине, где он работал канцеляристом в Черниговском суде и на почте. Юноша рано проявил способности к рисованию и черчению.

В конце XIX века Петербургская Академия художеств была уже мощной общерусской школой, воспитывавшей отечественных архитекторов в духе лучших традиций классицизма, определяющими чертами которого стали образы культуры Древней Греции и Рима. Лучшие из выпускников Академии проходили стажировку за границей, в основном во Франции и Италии, где зародился еще в середине XVIII века высокий стиль — классицизм. Возвратившись на Родину, первые академические «пенсионеры» стали основными проводниками и пропагандистами классических основ зодчества. Среди них были архитекторы И. Е. Старов, Ф. И. Волков, А. Н. Воронихин, которые стали впоследствии профессорами Академии художеств и подготовили целую плеяду мастеров русского классицизма.

Именно в это время М. П. Малахов поступил в Академию, где учился под руководством И. Е. Старова. Успешно закончив обучение, он получил в 1801 году аттестат первой степени, серебряную медаль и шпагу, которой отмечались наиболее талантливые выпускники. С 16 декабря 1801 года М. П. Малахов начал работать в Петербурге в качестве «архитекторского помощника», сначала в медицинской коллегии, а затем в министерстве внутренних дел. Он участвовал в строительстве Медико-хирургической академии, лекционных театров и других зданий в Петербурге. Большое влияние на формирование молодого зодчего оказал А. Н. Воронихин, под руководством которого М. П. Малахов работал на строительстве

знаменитого Казанского собора в Петербурге. А. Н. Воронихин, бывший крепостной графов Строгановых, был в то время уже одним из крупнейших русских мастеров классицизма, академиком Академии художеств. Казанский собор (1801—1811) — вершина творчества знаменитого зодчего. Безусловно, участие в таком крупном строительстве явилось для М. П. Малахова большой школой.

В 1805 году М. П. Малахов приехал на Урал, в Оренбург, где в течение 10 лет работал в качестве «казенного архитектора». Работа, очевидно, не приносила ему удовлетворения, в «оренбургский» период зодчим не было создано ни одного сколько-нибудь значительного произведения.

Его внимание привлек Екатеринбург, в то время уже бойкий горный город, «живой узел» всех уральских горнозаводских связей. «Азиатская столица» сулила большие возможности для приложения творческих сил выпускника Академии художеств. 1 февраля 1815 года М. П. Малахов приехал в Екатеринбург и «по объявленному желанию» начал свою работу в качестве архитектора Екатеринбургских заводов [34].

27 лет работы в Екатеринбурге, где он жил до конца своих дней, стали годами наиболее плодотворной деятельности М. П. Малахова. Он проектировал и строил не только в Екатеринбурге. Больше ста построек, созданных по его проектам, украшают многие города и заводы Урала. Выпускник Академии художеств, прошедший столичную школу, стал истинно уральским зодчим. Он работал в тесном содружестве с главным архитектором Пермского горного правления академиком И. И. Свиязевым, позднее с А. З. Комаровым, К. Г. Турским и другими известными мастерами архитектуры Урала. М. П. Малахов не только строил производственные, административные, гидротехнические сооружения, но и занимался планировкой промышленных комплексов, выезжал в качестве эксперта на Златоустовский, Каменский, Березовский, Воткинский и другие заводы Урала.

С 1832 года, после отъезда в Петербург И. И. Свиязева, М. П. Малахов сменил его на должности главного архитектора Уральского горного правления. В содружестве с другими архитекторами он проектировал и строил многочисленные цехи и целые заводы, монументальные здания центров уральских городов. Екатеринбург не обманул надежд зодчего — работы действительно было много, работы разнообразной, истинно творческой. Заказы следовали один за другим — только в Екатеринбурге необходимо было вести огромную работу по осуществлению «высочайше апробованного» в 1804 году генерального плана города, а также строить самые разнообразные здания — административные, производственные, культовые, жилые...

Огромен вклад М. П. Малахова в осуществление генерального плана Екатеринбурга, многие здания и сооружения города отмечены особым, «малаховским» почерком. Это лучшие постройки классицизма в Екатеринбурге: контора Верх-Исетского завода (1820) на территории завода, ансамбль госпиталя Верх-Исетского завода (1824—1826), горная аптека (1820—1821), реконструированное здание главного горного правления (1833—1835), собор Александра Невского (1838—1852) и другие. М. П. Малахов в 1834 году создал проект реконструкции городской плотины, по которому была сооружена новая ограда над плотиной, а также вокруг территории монетного двора, последняя — с нарядными воротами. На приплотинном участке по проекту М. П. Малахова был построен корпус гранильной фабрики (1833—1839) и другие производственные здания.

Немало сделал М. П. Малахов для благоустройства городской территории, для придания «европейского» облика Екатеринбургу. По его замыслу была создана целая система зеленых бульваров: Главный проспект в 1835 году разделили на три части — две пешеходные и одна для проезда, и устроили бульвар для «публичных прогулок»;

еще раньше, в 1819 году был разбит бульвар, соединивший город с поселком Верх-Исетского завода.

М. П. Малахов много работал и по заказам екатеринбургских богачей — горных чиновников и купцов-золотопромышленников. При этом он руководствовался передовыми идеями русского классицизма, поэтому построенные им в Екатеринбурге жилые усадьбы и особняки стали подлинными произведениями архитектуры. М. П. Малахов плодотворно работал и как архитектор-педагог, создав в Екатеринбурге своеобразную архитектурную школу. Работы его учеников и помощников З. Гуляева, И. Галкина, Ф. Полубникова и других отличались высоким профессиональным мастерством.

РАЗРАБОТКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА

Начиная с 1762 года в России проводилась работа по составлению генеральных планов новых и реконструируемых городов с целью упорядочения застройки. В период расцвета русского классицизма, в первой трети XIX века, градостроительные мероприятия охватили всю Россию и становление архитектуры осуществлялось не только в столицах, но и в многочисленных провинциальных городах. Составлялись генеральные планы городов, учитывающие их перспективное развитие. Все новое строительство строго контролировалось и регламентировалось столичным начальством. В первой половине XIX века был разработан и утвержден генеральный план Екатеринбурга. Это явилось событием непреходящего значения для дальнейшего развития планировки и архитектуры старого Екатеринбурга, нашло отражение в формировании исторического центра современного Свердловска.

Первый генеральный план города был выполнен архитекторами И. Н. Николаевым и С. А. Колокольниковым в конце 1803 года. В 1804 году он был утвержден гене-

рал-губернатором Пермской и Вятской губерний Модерахом.

По плану предполагалось увеличение площади города примерно в два с лишним раза, преимущественно к юго-востоку, вдоль течения Исети, и к северо-востоку, туда, где имелись ровные участки земли, удобные для заселения. Территория города должна была увеличиваться в основном за счет земель казенных заводов — Екатеринбургского, Уктусского, Березовского, а также земель и лесов владельца Верх-Исетского завода Яковлева.

В основу планировки была положена намеченная уже в XVIII веке система улиц меридионально-широтного направления, идущая от перекрестия Исети и заводской плотины. Предполагалось разбить всю территорию города на 335 жилых кварталов широкими и прямыми улицами, среди которых выделялся по ширине Главный проспект — по оси плотины (ныне проспект Ленина). Всего было намечено 34 улицы. Екатеринбург в будущем должен был представлять собой продолговатый четырехугольник, вытянутый с севера на юг, разбитый прямыми улицами на прямоугольные кварталы, также вытянутые с севера на юг. Исключение составляли только уже сложившиеся жилые образования радиального направления по течению Мельковки и на правом берегу городского пруда.

Планировка центра по генеральному плану практически не менялась: по оси плотины проходил Главный проспект — широкая и абсолютно прямая улица, проходившая с запада на восток через весь город. В центре города размещался производственный комплекс, а также наиболее значительные здания: заводская контора, городской магистрат, арсенал, гостиный двор и другие, причем административные здания, арсенал и торговые ряды размещались на западной площади, а на восточную площадь выходили лишь корпуса и ограда монетного двора, обстроена она была жилыми домами. Генеральный план предусматривал создание второстепенных композиционных цент-

ров в виде площадей, равномерно включенных в систему прямоугольных кварталов рядовой застройки. В этом опять-таки сказалось влияние Петербурга, в регулярную планировку которого была включена целая система архитектурно оформленных площадей. Такая же тенденция была характерна и для других российских городов — Калуги, Ярославля, Костромы, Твери, генеральные планы которых составлялись и корректировались в первой половине XIX века.

Работа над генеральным планом, осложненная бюрократическими проволочками и системой сословных привилегий, продолжалась более 25 лет. В 1810 году этот план был отправлен в Петербург, где начальник екатеринбургских заводов И. Герман должен был представить его министру финансов для утверждения царем[35]. Однако в течение пяти лет генеральный план пролежал в канцелярии министерства финансов без движения. В 1815 году начальник екатеринбургских заводов просил министра финансов ускорить рассмотрение плана, так как он был крайне необходим для «прнведення города в лучший порядок и для отвращения неудовольствня жителей от запрещения производить строения на неплановых местах» [36].

Одновременно в департамент горных и соляных дел поступила жалоба владельца Верх-Исетского завода Яковлева на «незаконные действия» горного начальства, посягающего на его частную собственность, и горному начальнику екатеринбургских заводов было предписано «немедленно прекратить строительство обывательских домов на принадлежащих Верх-Исетскому заводу местах и впредь воздержаться от всякого недозволенного простирания власти своей на заводы частных людей и их принадлежность» [37]. Горное правление должно было пересмотреть план и выяснить, «совместимо ли будет с пользою казны и заводов допустить между оными расширение города н нахождение в нем сальных, мыловаренных и других подобных сему заведений и не сделает ли сие какого-

либо подрыва в заводском действии, особенно же истребление лесов»[38]. Из последнего документа можно сделать вывод, что, несмотря на привилегии, которые давались частным лицам, уже в то время была сделана попытка провести мероприятия по охране окружающей среды. Разногласия, возникшие вокруг нового плана Екатеринбурга, тормозили претворение его в жизнь.

Горное правление поручило дальнейшую разработку и уточнение плана М. П. Малахову. Доработанный и дополненный новый генеральный план, в основу которого лег план 1804 года, был послан в Петербург и передан для уточнения в министерство внутренних дел. В то время все обязанности, связанные с планировкой российских городов, были возложены на архитектора министерства, коллежского советника В. И. Гесте — именно ему, опытному градостроителю, хорошо зарекомендовавшему себя на строительстве Петербурга и особенно Царского Села, было поручено «рассмотрение и переделывание городовых планов по всему государству». Начиная с 1810 года В. И. Гесте, по существу, возглавлял все градостроительное дело в России — все планы губернских и уездных городов, присылаемые в министерство внутренних дел, передавались ему для рассмотрения и исправления.

В. И. Гесте внес в план Екатеринбурга некоторые поправки — привел в «регулярство» наружную черту города, высказал также замечания о том, что город выстроен «местами неосновательно, а ныне может быть переправлен с незначительной необходимой сломкой и переменой, но в случае дальнейшего запущения в устройстве города поправить оный будет весьма затруднительно». Отметил также, что центральные площади близ завода придают «сей сосредоточенной части города необходимую красоту и удобство» и что «новые кварталы местами приведены в регуляторство и назначены приходские площади с церквами»[39]. В таком виде план был представлен на «Высочайшее утверждение» и 22 февраля 1829 года утверж-

ден [40]. Он уже во многом отличался от предыдущего плана. Учитывая интересы господствующих классов — заводчиков, богатых купцов и духовенства, архитекторы были вынуждены внести в «идеальный» с равномерными кварталами план 1804 года значительные изменения. Так, огромная территория, занимающая добрый десяток кварталов, была выделена для строительства Ново-Тихвинского монастыря в юго-западной части города; а на северном склоне Вознесенского холма, где предполагалось разбить четыре жилых квартала, раскинулась уже к этому времени усадьба купцов-золотопромышленников Расторгуева и Харитонова.

В утвержденном царем положении комитета министров о плане города Екатеринбурга было сказано: «приведение сего плана в исполнение должно быть постепенное, по мере обветшания зданий, следующих по оному к сломке, дабы не причинить жителям преждевременного расстройства, равно и прочие по тому плану поправки и перемены следует производить сообразно необходимой в них надобности и по мере приобретения к тому способу» [41]. Уже в 1830 году, при «приведении плана в исполнение», обнаружились в нем неточности в размерах улиц и кварталов. М. П. Малахову было поручено выяснить причины этого несходства, он пришел к выводу, что несовпадение размеров кварталов и улиц объясняется, с одной стороны, неточным снятием копий с утвержденного плана, но, главным образом, тем, что при составлении плана 1829 года размеры улиц и кварталов измерялись «разной длины цепями, а не такой мерой, как ныне существует» [42].

После такого заключения чертежная екатеринбургских заводов под руководством М. П. Малахова приступила к уточнению плана. Был составлен новый генеральный план Екатеринбурга, утвержденный правительством 23 марта 1845 года [43].

Составление генерального плана было большим шагом

вперед в градостроительном развитии Екатеринбурга. Работа над ним продолжалась долгие годы, и за это время постоянно происходили изменения и уточнения, положительно сказавшиеся на формировании планировочной структуры и соответственно архитектурного облика Екатеринбурга.

Недостатком генерального плана было то, что проектировщики рассматривали рост города просто лишь как результат увеличения численности населения, не учитывали развития промышленного производства в нем. Не было предусмотрено специальных зон для размещения новых предприятий, в то время как в начале XIX века в Екатеринбурге размещалось изрядное количество салотопенных, кожевенных, мыловаренных и прочих «ароматических» заведений, которые находились в непосредственной близости от жилья и доставляли немало неприятностей жителям города, загрязняя не только воздух, но и воду в Исети. Самые прогрессивные замыслы сковывала крепостническая система, архитекторы вынуждены были считаться с указаниями начальства, которое более заботилось об охране привилегий духовенства, крупного горного чиновничества, заводовладельцев, богатых купцов-салотопенников, чем о рациональности застройки города.

Однако, несмотря на многочисленные препоны, архитекторы сумели воплотить в первом генеральном плане Екатеринбурга прогрессивные черты русского градостроительного искусства в сочетании с региональными особенностями развития городов горнозаводского Урала.

В первой половине XIX века были построены здания, проникнутые общностью творческого подхода, которые сегодня являются наиболее яркими образцами архитектурного наследия Свердловска. В неповторимости облика каждого конкретного примера выступает единство стиля, видна глубокая связь с общерусской архитектурой данного периода, чувствуется влияние петербургской и

московской архитектуры. И. Э. Грабарь, характеризуя различные направления архитектурных школ Петербурга и Москвы, отмечал, что «архитектура обоих городов шла двумя дорогами, имея общим только то приблизительное направление, которое обусловливалось стилистическими стремлениями эпохи... Вся Россия в архитектурном отношении есть именно либо Петербург, либо Москва. Все, что строилось на Руси в XVIII веке и на протяжении почти всего XIX, строилось либо петербургскими, либо московскими архитекторами. Исключение составляют только окраины, которые вообще к истории русского искусства отношения не имеют — Польша, Финляндия, Балтийский край, Кавказ да еще несколько отдельных городов, случайно находившихся в совершенно особых условиях. Архитектура всей остальной России непременно разбивается на два основных типа — на петербургский и московский» [44].

Наряду с созданием уникальных сооружений архитекторы много трудились и над созданием типовых проектов для застройки городов. В архитектуре русского классицизма была в известной мере осуществлена типизация массового строительства. Были разработаны типовые проекты как жилых, так отчасти и общественных зданий, служебных построек, а также разбивки кварталов, площадей, садов. К составлению образцовых проектов привлекались видные зодчие того времени.

Распространение «Высочайше опробованных проектов» сыграло большую роль в улучшении архитектурного облика провинциальных русских городов.

В застройке Екатеринбурга первой половины XIX века также использовались образцовые проекты. Городское управление получало альбомы «Высочайше утвержденных для частных строений фасадов» [45]. Это были «образцы строений», фасады которых, согласно принципам классицизма, отличались строгой симметрией, имели портик или фронтон в центре главного фасада. Стены гладкие, без

вертикальных членений, имели лишь горизонтальные поэтажные тяги. Лепные украшения таких домов немногочисленны, чаще всего это барельефные вставки над окнами или сандрики. Нижний этаж, как правило, был рустован. Строго регламентировалась окраска домов. Чаще всего она была охристо-золотистая или желто-розовая, реже — светло-зеленая или серая в сочетании с белыми деталями. Дома по образцовым проектам строились из кирпича или дерева, с деревянными стропилами и перекрытиями, с оштукатуренными или обшитыми тесом стенами, со скатными кровлями, крытыми листовым железом.

Если в планировочной структуре Екатеринбурга чувствуется влияние Петербурга, то в отдельных элементах застройки можно проследить влияние московской архитектурной школы, наиболее привлекательные черты которой проявились в разнообразных типах домов-особняков и городских усадеб.

В отличие от Петербурга, где основой архитектуры были грандиозные городские ансамбли, в Москве классицизм проявил себя прежде всего в «малом мире», мире отдельного жилого дома, особняка, городской усадьбы. Облик Москвы в значительной мере складывался из сочетания бесчисленных усадебных владений и живописного, несколько беспорядочного характера городского плана. «Усадьба в городе» — одна из излюбленных тем московского классицизма конца XVIII и первой трети XIX века. Она занимает особое место в деятельности ведущих московских архитекторов — В. И. Баженова, М. Ф. Казакова, а позднее, после пожара 1812 года — О. И. Бове, Д. И. Жилярди, А. Г. Григорьева.

Особенно большое влияние на застройку Екатеринбурга оказал тип московской усадьбы, «ампирного» особняка первой половины XIX века. В это время усадьбы Москвы приобрели более городской характер в отличие от грандиозных загородных резиденций конца XVIII века, что прежде всего сказалось на их размерах и планировке.

Дома выносятся на красную линию улицы, фасадный фронт которой приобретает все большую жесткость, прямолинейность и определяет композицию всей усадьбы — дома становятся более компактными, приобретают облик ампирного особняка. В 10—30-х годах XIX века в русской архитектуре вырабатываются и новые мотивы, и пластические приемы фасадного убранства, которые можно увидеть в екатеринбургских зданиях. Здесь последовательно проявляется типовое начало, заложенное в самой структуре жилых зданий позднего классицизма. На фасаде варьируется набор повторяющихся типовых деталей, образующих систему пластических акцентов, направленных на то, чтобы подчеркнуть главную формообразующую роль гладкой нерасчлененной стены, композиционно объединить здание, придать осмысленность и органическую целостность его структуре.

Тип городской усадьбы получил широкое распространение в жилой застройке Екатеринбурга. Уже тот факт, что в уральском городе начала XIX века подавляющее число каменных строений принадлежало частным лицам, говорит о том, что для Екатеринбурга были характерны не столько крупные градостроительные ансамбли, сколько небольшие уютные усадьбы, городские особняки. Они оказали большое влияние и на архитектуру сооружений общественного назначения, которые приобретали подчас камерный характер жилого особняка и были окружены зеленью садов, что еще более подчеркивало их сходство с городской усадьбой. Подобное влияние жилого особняка на административные здания можно увидеть и в московской архитектуре. Примерами таких зданий в Екатеринбурге могут служить горная аптека (ныне здесь размещается правление общества «Знание», проспект Ленина, 37), госпиталь ВИЗа (ныне больница, ВИЗ-бульвар, 1) и другие.

Черты московской архитектурной школы можно найти в композиции екатеринбургских городских усадеб: иан-

более представительные здания ставились в выгодных точках — на красной линии главных улиц и центральных площадей, имели общий масштабный строй, были компактны, небольшие по протяженности и, как правило, не выше трех этажей, а чаще двухэтажные с мезонинами.

В соприкосновении двух полюсов русского классицизма в архитектурном облике Екатеринбурга первой половины XIX века нашли отражение различные стороны национального стиля, его многогранность и самобытность.

АРХИТЕКТУРА ПЕРИОДА КЛАССИЦИЗМА

Загадочная особенность русского классицизма — создавать красоту почти без деталей и украшений только найденными пропорциями гладких стен — заметна и сегодня во многих зданиях города.

Гармония и нарядность колоннад комплекса Дворца пионеров и школьников, оригинальность трехъярусного портика здания больницы на берегу пруда, изящество силуэта дома Малахова, легкость и воздушность портиков и балконных решеток фасада консерватории, величественность многокупольного собора, в котором размещается краеведческий музей,— все это неотъемлемые черты исторического центра Свердловска.

Градоформирующее значение этих зданий выразилось в том, что они служили пространственной связью рядовой мелкомасштабной застройки с системой доминант, образованной высотными объемами колоколен и церквей и явились составными частями наиболее важных планировочных узлов Екатеринбурга. Каменные дома, утопавшие в зелени садов, сверкавшие белизной колоннад и портиков, казались настоящими дворцами. Это отмечали и современники. Так, например, английский художник и архитектор Аткинсон, проезжая через Екатеринбург в 1847 году, а затем, в начале 50-х годов, отмечал, что в нем «...значи-

тельное число частных зданий выстроены в таком изящном стиле и с таким вкусом, что могли бы с полным правом занять место в каждом большом европейском городе»[46].

Путешественники, посещавшие Екатеринбург, любили осматривать его с вершины Вознесенского холма. Именно отсюда, с самой высокой точки центра города, открывалась величественная панорама «бойкого сибирского города», видны были самые красивые его здания. Именно здесь, на вершине холма, раскинулась грандиозная усадьба Расторгуева — Харитонова, господствуя над городом, как «подлинный акрополь Екатеринбурга»[47]

Крупный дворцово-парковый комплекс занял весь северный склон холма, на вершине которого в конце XVIII века была сооружена Вознесенская церковь, давшая название холму, площади и примыкавшей к ней улице. Северный фронт узкой площади заняли постройки усадьбы Расторгуева—Харитонова, а с возведением на противоположной, южной, стороне усадьбы Зотова была завершена комплексная застройка всего Вознесенского холма[48]. Две усадьбы с нарядными каменными домами, украшенными портиками, колоннадами и куполами, вместе с устремленной вверх вертикалью колокольни возвышались над всем окружением — преимущественно небольшими одноэтажными особняками. Застройка Вознесенского холма явилась примером продуманной комплексной организации в планировочном решении и в композиции силуэта.

Усадьба Расторгуева — Харитонова стала мощной пространственной доминантой. Она была хорошо обозрима как со стороны реки — главной композиционной оси центра,— так и из многих точек города, что чрезвычайно расширило сферу эмоционального и художественного воздействия одного из лучших архитектурных ансамблей Екатеринбурга первой половины XIX века.

Расположение усадьбы на высоком месте, активный перепад рельефа предопределили ее композиционные и

градостроительные особенности. Основные постройки усадьбы заняли угловое положение на пересечении площади и улицы и образовали две одинаковые по развитию, но разные по композиции архитектурные панорамы, существенно обогатившие облик и силуэт города. Немаловажно и то, что композицию усадьбы дополнял раскрывающийся перед ней городской пейзаж. С вершины холма простирался живописный вид на город, реку и пруд, на волнообразные очертания Уральских гор, покрытых густым сосновым лесом.

Верх-Исетский завод в то время еще не вошел в черту городской застройки. От города его отделял большой лесной массив. Однако именно отсюда начиналась главная композиционная ось города. На берегу огромного Верх-Исетского пруда, при заводе, который был в то время самым крупным предприятием Екатеринбурга, сформировался поселок. В нем появились крупные здания — заводская контора, «господские дома», заводская церковь, Успенский собор, госпиталь. Рядовая застройка поселка — это массивы одноэтажных частных домиков мастеровых. От других рабочих поселков Верх-Исетск с самого начала отличался тем, что здесь не возводилось казарм и времянок, а каждый мастеровой получал участок и строился.

На берегу Верх-Исетского пруда, при плотине, раскинулась предзаводская площадь, на которой были сосредоточены административные здания, среди них особо выделялась контора, обращенная фасадом на водную гладь. Здание, украшенное нарядными портиками и увенчанное высоким шпилем, явилось ярким художественным акцентом в ансамбле завода.

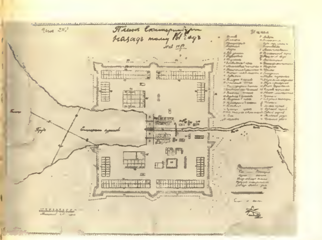
Поселок Верх-Исетского завода соединялся с городом зеленым бульваром. Здесь, в густом сосновом лесу, был построен заводской госпиталь, состоящий из трех корпусов, увенчанных куполами и украшенных портиками. Три компактных объема, соединенные между собой оградами с красивыми чугунными решетками, образовали цельный

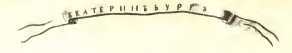
по композиции и выразительный по силуэту архитектурный ансамбль в лучшнх традициях классицизма.

Пожалуй, только госпиталь был оторваи от реки и не просматрнвался с ее берегов, теряясь в густом лесу, остальиые же красивые здания города были так или иначе обращены к Исети. В верховьях городского пруда, при впадении в него реки Ольховки, образовался участок дачиой застройки. Здесь была построеиа дача главного горного начальника, так называемые «генеральские дачи», при ней был устроен иебольшой пруд, для чего речка была запружена плотниой (до настоящего времени сохранилась только плотнна). Легкий силуэт дачного дома, увенчанного купольным бельведером-ротондой в сочетании с массивными арками плотины, образовал еще одну живописную панораму, украсившую берег Исети.

На зеркало городского пруда ориентирован и главный фасад дома горного иачальника, замкнувший иа противоположном берегу перспективу Клубной улицы, которая спускалась к пруду от Вознесенского холма. Место для постройки дома было выбрано очень удачно, на изгнбе городского пруда, на Гимназической набережной. Несколько зданий на ней образовали архитектурный комплекс, сформнровавшнй одну из самых представительных панорам. Для иабережной характерна цельность широко обозримого пространства водной поверхности, подчиненне объемно-планировочной структуры еднной, сильно выраженной продольной оси, организующей всю композицию. Цельные объемы домов контрастировали с горизонталями ажурных ограждений набережной и темной зеленью деревьев.

Район правого берега пруда был деловым н торговым. Здесь расположились гостиный двор, Главное горное правление, горное учнлище. Зданне горного правления в начале XIX века было реконструнроваио, надстроено до трех этажей н украшено нарядными коринфскими портиками. Ансамбль зданнй правого берега пруда завершался

План Екатеринбургского завода (1726)

Екатеринбург. Общий вид (1725)

Екатеринбург.
Общий вид
(вторая половина XVIII в.)

План и фасад
Екатеринбургского
заводского госпиталя
(вторая половина
XVIII в.)

Екатеринбург.
1789 г. Акварель
В. П. Петрова

Вид Екатеринбурга
1820-х гг.
Гравюра В. Адама
с рисунка К. Клауса

Видъ г. Екатеринбурга.

Вид
Верх-Исетского
завода (1820).
Гравюра В. Адама
с рисунка К. Клауса

Генеральская
дача.
Фото 1880-х гг.
(не сохранилась)

Александровский
проспект
и Царский мост.
Фото 1900-х гг.
(ул. Декабристов)

Горное училище, впоследствии мужская гимназия. Фото начала XX в. (пр. Ленина, 33)

Госпиталь Верх-Исетского завода. Фото начала XX в. (Верх-Исетский бульвар, 15)

Входная часть
Ново-Тихвинского
монастыря.
Фото
начала XX в.
(Зеленая роща)

Восточный фасад
Ново-Тихвинского
монастыря.
Реконструкция

План
Ново-Тихвинского
монастыря.
Реконструкция

Общий вид
главного дома
усадьбы
Расторгуева —
Харитонова.
Фото 1900-х гг.
(ул. К. Либкнехта, 44)

Беседка-ротонда
в саду усадьбы
Расторгуева —
Харитонова.
Фото 1930-х гг.

Дом А. Рязанова.
Фото 1930-х гг.
(ул. Куйбышева, 40)

Дом Я. Рязанова.
Фото 1930-х гг.
(ул. Куйбышева, 63)

Дом главного
горного начальника.
Общий вид.
Фото 1930-х гг.
(Наб. Рабочей молодежи, 3)

Плотина городского пруда

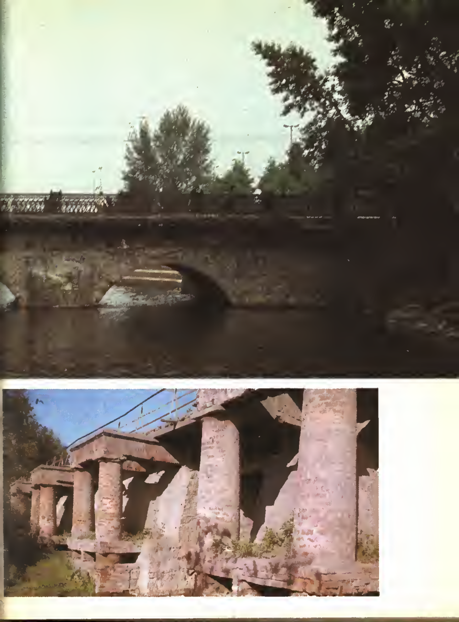

Каменный мост
(ул. Малышева)

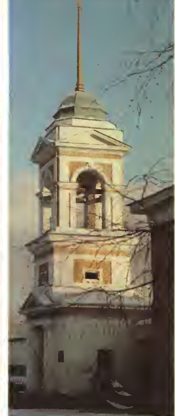
Царский мост
(ул. Декабристов)

Плотина на реке
Ольховке
(ул. Колмогорова)

Панорама Верх-Исетского завода. Фрагмент застройки предзаводской площади

Бывшая заводская церковь Верх-Исетского завода (ул. Школьников, 1)

Бывшая горная аптека
(пр. Ленина, 37)

силуэтом грандиозного Кафедрального собора, который перекликался с высотным объемом Екатерининского собора на противоположном, левом, берегу пруда. На правом берегу в первой половине XIX века была каменная набережная, а левый берег долго еще оставался неблагоустроенным и значительно портил вид центра города.

На левом берегу пруда помимо собора выделялось двухэтажное здание горной аптеки (пр. Ленина, 37), выстроенное по типу жилого городского особняка с мезонином — одна из лучших построек периода классицизма в Екатеринбурге. Позади здания был разбит сад, обнесенный оградой с красивыми воротами. Эта постройка очень украсила вид Главного проспекта при выходе его к плотине.

Главный проспект, на пересечении его с Вознесенским, украсило еще одно значительное для Екатеринбурга здание — городской театр (стереокинотеатр «Октябрь»). Это здание нового типа было знаком новых веяний в развитии культуры «азиатской столицы». Очень удачно поставленное на перекрестке двух центральных улиц, оно создало яркий художественный акцент.

Вдоль Главного и Вознесенского проспектов, по набережным, по Клубной улице строились многочисленные жилые дома и усадьбы купцов, горных чиновников, военных, богатых горожан, образуя как бы вкрапления в городскую рядовую застройку. Эти усадьбы во многом определили архитектурный облик Екатеринбурга первой половины XIX века. Некоторые из них не сохранились до настоящего времени, другие были перестроены и дошли до нас в значительно измененном виде.

Градостроительные мероприятия первой половины XIX века отразились и на облике производственного ядра. В 1829—1865 годах было построено много новых производственных зданий: различные цеха, цеховые «магазины», кузница и котельная, надстроено здание арсенала, возведен корпус гранильной фабрики. Архитектурное оформле-

ние производственного комплекса было завершено устройством ограждения над плотиной и оградой вокруг заводской территории с несколькими красивыми воротами. Архитектура новых зданий и сооружений находилась в полном созвучии с принципами классицизма. Поэтому, несмотря на их утилитарное назначение, постройки не портили вид центральной части города, а, напротив, придавали ей определенное своеобразие. Укрупненный масштаб зданий с гладкими оштукатуренными стенами, расчлененными прямоугольными, арочными и полуциркульными проемами, ритмический ряд устоев каменной ограды, прерываемой двухколонными портиками ворот и украшенной ажурными чугунными решетками,— все это подчеркивало главенствующую роль производственного комплекса в центре города. Отдельные заводские постройки, фрагменты ограды и ворота, тщательно отреставрированные, включены сегодня в комплекс Исторического сквера на месте первого Екатеринбургского завода.

С юга территория производственного комплекса ограничивалась Покровским проспектом (ул. Малышева), по которому через русло Исети был перекинут первый каменный мост Екатеринбурга с массивными перилами, украшенными ажурными решетками, со столбами и фонарями. На Покровском проспекте в первой половине XIX века было выстроено здание городского магистрата (городской думы) — двухэтажный особняк, украшенный портиком. На пересечении Покровского проспекта и Уктусской улицы (ул. 8 Марта) к середине XIX века взметнулись в небо две церкви: могучая вертикаль с многоярусной колокольней — Иоанно-Златоустовский собор («Большой Златоуст») и небольшой граненый объем, увенчанный маковкой,— церковь «Малый Златоуст». Покровский проспект как одна из центральных улиц города был застроен деловыми зданиями, богатыми особняками, а на улице Уктусской и параллельной с ней Успенской (ул. Вайнера) располагались в основном здания, так или иначе связанные

с коммерцией, торговлей: рынки, гостиный двор, лавки, склады. Их облик в полной мере отражал характер торговой части города.

Главная композиционная ось городского центра ниже по течению Исети была подчеркнута целым комплексом купеческих усадеб с садами. Крупный градостроительный комплекс по Сибирскому проспекту (ул. Куйбышева) при выходе его к Исети образовали усадьбы купцов и салотопенников Рязановых. Фронтальная застройка проспекта была в основном деревянной и одноэтажной. Доминировали над всем окружением эти две усадьбы, расположенные друг против друга,— с двухэтажными домами, флигелями и живописными садами. Рязановы, представители крупнейшей старообрядческой династии Екатеринбурга, имели в городе и другие дома. Они же построили в первой половине XIX века первую старообрядческую единоверческую Свято-Троицкую церковь (ДК «Автомобилист»). Грандиозный объем церкви акцентировал перекресток Сибирского проспекта и улицы Златоустовской (ул. Розы Люксембург).

Еще ниже по течению Исети, близ так называемого Царского моста по Александровскому проспекту (ул. Декабристов), Златоустовской и Архиерейской (ул. Чапаева) улицам, начала формироваться периметральная застройка, получившая дальнейшее развитие во второй половине XIX века. Отдельные особняки были увязаны между собой по фронту улиц горизонтальными вставками оград и ворот, архитектура которых отличалась разнообразием и свидетельствовала о мастерстве и изобретательности зодчих, сумевших элементами архитектуры малых форм связать различные по характеру здания в единую выразительную композицию, формировавшую парадную панораму представительных городских улиц.

Александровский проспект в западной части замыкался комплексом Ново-Тихвинского монастыря. Основные постройки этого грандиозного ансамбля были возведены

в первой половине XIX века. Среди них особенно выделялся собор Александра Невского, заложенный в честь победы в войне 1812 года. Выразительный силуэт монастыря, образованный отдельными объемами, перекрытыми системой куполов, в сочетании с горизонталями каменной ограды с башенками по углам и вертикалью многоярусной высотной колокольни собора, на фоне сочной зелени обширного монастырского сада очень украсил панораму юго-западной части Екатеринбурга, тем более что в первой половине XIX века это была болотистая окраина города.

С востока город был ограничен Водочной улицей (ул. Мамина-Сибиряка), к которой вплотную подступал сосновый лес. Самым значительным сооружением классицизма в этой части города можно смело назвать загородную усадьбу архитектора Малахова, которая сохранила тем не менее и черты городской усадьбы: расположение дома на красной линии улицы, а хозяйственных построек в глубине двора. И в то же время постановка дома в открытом пространстве, его всефасадность, укрупненность членений, рельефная пластичность стен и архитектурных деталей придавали зданию вид загородной виллы. Изящный выразительный силуэт увенчанного купольным бельведером дома на фоне густой зелени обширного сада явился ярким штрихом в панораме восточной части города.

Здания самого различного назначения — производственные, конторские, госпитали, аптеки, заводское горное училище, гимназия, театр, обсерватория, культовые постройки, жилые усадьбы — вот архитектурное наследие классицизма в Свердловске.

Гидротехнические сооружения

Гидротехнические сооружения были жизненно важными для Екатеринбурга с самого начала его существо-

вання. Недаром в крепости-заводе первой построили именно плотину. Уже в конце XVIII века проводились работы по укреплению этого сооружения. В первой половине XIX века плотина была реконструирована при участии М. П. Малахова. В 1834 году архитектор составил проект, по которому предполагалось возвести каменную подпорную стенку, а над прорезами плотины соорудить два павильона в духе классицизма, украшенные четырехколонными портиками с гладкими фронтонами на высоких рустованных аркадах. Центр плотины должна была украсить изящная башенка, увенчанная куполом со шпилем.

Проект был осуществлен, к сожалению, лишь частично — возведена была над плотиной каменная стена завода, украшенная поверху ажурной чугунной решеткой, но павильоны так и не были построены. В течение XIX—XX веков плотина неоднократно ремонтировалась, а в 60-х годах XX века сооружение было заключено в железобетонную оболочку и плотина приобрела современный облик.

Плотина городского пруда — своеобразная реликвия Свердловска, классический образец гидротехнических сооружений Урала XVIII—XIX веков. В городе были построены и другие плотины — на Верх-Исетском и Нижне-Исетском заводах, а также на притоках Исети — маленьких речках Мельковке, Ольховке, Малаховке и других. Они служили для регулирования уровня воды в городском пруду, а также и для создания декоративных прудов в богатых екатеринбургских усадьбах.

На реке Ольховке, впадавшей в Исеть в верховьях городского пруда в районе «генеральских дач», в первой половине XIX века по проекту М. П. Малахова была сооружена плотина, сохранившаяся до наших дней. Это шестипролетное арочное сооружение. Арки переброшены между массивными кубическими устоями, лицевая поверхность которых украшена двухколонными дорическими портиками. Портики играют роль контрфорсов, обеспечивающих устойчивость всего сооружения. Применение в каче-

стве основного материала грубо отесанного камня и красного кирпича без оштукатуривания привело к предельной упрощенности архитектурных форм и некоторой тяжеловесности основных членений. Ритмический ряд массивных контрфорсов, ниш трапециевидной формы, двухколонных портиков образовал общий монументальный строй всего сооружения, которое прекрасно вписалось в окружающий ландшафт. По рисунку своих деталей, по композиционному построению основных масс плотина на Ольховке может быть отнесена к числу наиболее интересных гидротехнических сооружений классицизма в Екатеринбурге.

Большое значение для города, раскинувшегося по берегам Исети и ее притоков, имели мосты. Их строительство активизировалось в первой половине XIX века, когда они становятся уже не просто утилитарными сооружениями, но и важными архитектурными элементами, придающими определенное своеобразие городу. К 1801 году в Екатеринбурге было 14 деревянных мостов, но они оказались недолговечными, требовали постоянного ремонта. Поэтому в 1839 году городская дума приняла решение о строительстве пяти каменных мостов, однако в первой половине XIX века был построен только один — через реку Исеть, к югу от Екатеринбургского завода по Покровскому проспекту (ул. Малышева). Здесь, на месте обветшавшего деревянного моста, заводской архитектор Э. Х. Сарториус запроектировал новый.

Мост выкладывали из бута и гранитного плитняка, своды и арки его возводились по опалубке. Дополнительную прочность мосту придали металлические сваи, включенные в кладку всех опорных частей. Два мощных каменных быка в русле реки поддерживали полуциркульные арочные своды, а грубые гранитные блоки, из которых был сложен мост, придали ему живописность и черты монументальности. В 1841 году было завершено архитектурное оформление моста: по концам его установили

4 каменных столба-обелиска и соорудили ограждение в виде чугунной коваиой решетки с 17 каменными тумбами. За мостом сразу же утвердилось название «каменный», так как довольно долго он оставался единственным каменным мостом города. Сегодня, почти полтора столетия спустя, мост продолжает служить, несмотря на то что во много раз увеличилось движение и резко возросли транспортные нагрузки. В 50-х годах нашего века с пуском троллейбуса по улице Малышева была реконструирована и покрыта асфальтом проезжая часть моста и тротуара, заменены старые решетки. Но в целом облик моста мало изменился, и сегодня самый старый каменный мост города не только успешно служит людям, но и своими монументальными формами прекрасно дополняет ансамбль Исторического сквера в центре Свердловска.

В первой половине XIX века существовал уже и другой знаменитый мост Екатеринбурга — Царский (ул. Декабристов). Однако в это время он был еще деревянным, на сваях. Выстроили его в 1824 году в честь приезда в Екатеринбург Александра I, поэтому за мостом укрепилось название «Царский», или «Александровский».

В 1847 году, когда рассматривался вопрос о ремонте пришедшего в негодность моста, архитектор Р. Н. Спиринг предлагал перестроить мост в камне, но министерство финансов отклонило проект и предложило вновь сделать деревянный мост. В 1856—1858 годах Александровский мост был восстановлен в дереве. Только в конце XIX века, в 1889—1890 годах, по проекту архитектора С. С. Козлова был построен каменный мост, сохранившийся до настоящего времени. После Великой Отечественной войны мост был реконструирован, проезжая часть заасфальтирована, появились перила в виде красивых кованых решеток. Это массивное капитальное сооружение. Над руслом реки перекинуты три пологих арочных свода, опирающихся на низкие каменные быки. Очертания арок подчеркивают общий горизонтальный строй сооруже-

ния. Мост облицован рваным гранитом без правильной перевязки швов, что придает ему особую живописность.

Административные здания

Наиболее распространенными типами административных зданий в уральских городах-заводах были учреждения, так или иначе связанные с горнозаводским делом,— конторы, заводоуправления, горные школы, училища. Строились также и учреждения здравоохранения — госпитали, горные аптеки. Поскольку Екатеринбург первой половины XIX века стал не только развитым типом города-завода, но также административным и культурным центром Урала, в нем строились здания, отвечающие новым потребностям общества, отразившие веяния времени. Например, городской театр, обсерватория. Строились и различные культовые сооружения — развивался и обретал силу Ново-Тихвинский монастырь, достраивалась Вознесенская церковь, была построена единоверческая Свято-Троицкая (Рязановская) церковь и многие другие.

Значительные конторские здания первой половины XIX века в Екатеринбурге — контора Верх-Исетского завода и Главное горное правление. Здание конторы было построено в 1820 году по проекту М. П. Малахова. На плане завода 1826 года оно обозначено полностью. Около 1832 года южная половина корпуса была снесена — осталась центральная часть с одним крылом, сохранившаяся до настоящего времени. По замыслу архитектора здание конторы — как самое значительное и красивое — было поставлено так, чтобы его фасад хорошо просматривался со стороны пруда и в то же время объем организовывал заводскую площадь, на которой размещалась также заводская церковь, жилые и административные сооружения. Протяженное здание конторы с высокими величественными портиками, увенчанное шпилем, действительно стало доминантой в композиции площади. Оно было поставлено

на рельефе, поэтому западная часть его оказалась в два этажа, а восточная — в три этажа с подвалом.

По первоначальному проекту сооружение имело трехчастное, характерное для композиций классицизма, членение. На длинных его фасадах устраивалось три ризалита, один из которых размещался по центру и акцентировал ось симметрии, а два других завершали соответственно боковые крылья. Ризалиты декорировались портиками, из которых средний шире и значительнее боковых. На фасадах — высокие тройные арочные окна, декорированные ионическими колоннами. Характерно широкое применение металла в отделке фасадов — капители и базы колонн, розетки отлиты из чугуна с высоким художественным мастерством.

Здание Главного горного правления

Горное правление уже к началу XIX века было могучим учреждением, которое контролировало работу свыше 150 заводов Урала.

Здание Главного горного правления, построенное в 1736 году, было реконструировано архитектором М. П. Малаховым.

Он составил проект, который был осуществлен в 1833—1835 годах. Внутренняя планировочная структура изменилась незначительно, однако был существенно увеличен объем за счет надстройки третьего этажа, а также полностью модифицировался внешний вид здания в соответствии с принципами русского классицизма.

Композиция главного фасада с двумя симметричными относительно центральной оси входами была дополнена двумя также симметрично поставленными портиками, как бы закрепившими углы здания. Четыре колонны коринфского ордера увенчаны гладким фронтоном на высоком арочном постаменте. Постаменты вынесены вперед за плоскость фасада, что позволило придать портикам черты

пространственности и воздушность, а также организовать на уровне второго и третьего этажей широкие балконы. Удлиненные пропорции портиков, крупный масштаб колонн, увенчанных коринфскими капителями красивого рисунка,— все это придало фасаду черты монументальности, отвечающей назначению здания. Гладкая оштукатуренная стена, расчлененная ритмом оконных проемов, лишенных декорировки, служит фоном, на котором особенно выигрышно выделяются портики. Дополнительный декоративный эффект зданию придают нарядные решетки каслинского литья.

Здание Главного горного правления — один из самых значительных архитектурных и исторических памятников Свердловска. Здесь собирался в 1880 году первый съезд уральских горнозаводчиков, в 1899 году работала экспедиция Д. И. Менделеева, обследовавшая состояние горнозаводского Урала. После Великой Октябрьской социалистической революции, когда было ликвидировано Уральское горное правление, здание занял Уралсовнархоз, который начал разрабатывать первые планы восстановления и развития народного хозяйства советского Екатеринбурга и Урала. Когда началась гражданская война, в 1918 году в бывшем здании горного правления проводилась запись добровольцев в Красную Армию, 8 января 1922 года здесь на совещании партийных и государственных руководителей выступал Ф. Э. Дзержинский, который находился в Екатеринбурге проездом в Сибирь.

С 1934 года в здании разместилась Уральская государственная консерватория. В 1966—1968 годах проведена реконструкция здания и к основному корпусу со стороны дворового фасада была сделана пристройка, в которой разместились учебные классы, репетиционные, зрительный зал и другие помещения. Пристройка образовала замкнутый прямоугольник с внутренним двором и в целом не повлияла на архитектуру исторического здания, главный фасад которого, выходящий на проспект Ленина, не пре-

терпел существенных изменений. Это выдающийся образец характерных для уральских городов-заводов конторских зданий эпохи классицизма.

Напротив горного правления в первой половине XIX века было построено еще одно значительное для Екатеринбурга здание — горное училище (проспект Ленина, 33).

В первой половине XIX века учебных зданий в городе было весьма мало. Ведущим из них было уездное четырехклассное училище. Оно было основано в 1799 году вначале как малое народное училище с одним классом, а с 1836 года в нем было уже четыре класса, причем четвертый класс был открыт как подготовительный для поступления в институт горных инженеров, поэтому в нем преподавались дисциплины, связанные с минералогией, иностранными языками, коммерческими науками.

Вплоть до 1824 года училище не имело своего здания и арендовало помещение у городской думы. В 1824 году училищу был передан каменный двухэтажный особняк вблизи заводской территории на левом берегу Исети, к которому в 1835—1837 годах была сделана пристройка по проекту М. П. Малахова. С этого времени увеличился штат училища и программа его была пересмотрена с целью улучшения подготовки учащихся к горной службе. Однако требования горной промышленности возрастали, необходимо было увеличить число хорошо подготовленных специалистов.

С 1847 года была пересмотрена система горнотехнического образования на Урале, после чего Уральское горное училище стало ведущим учебным заведением края по подготовке горных специалистов. В связи с этим появилась необходимость в строительстве нового здания для училища. Было решено построить трехэтажный корпус, в котором могли бы обучаться 150 человек. М. П. Малахов составил план и смету на строительство, и в июле 1847 года был образован строительный комитет [49].

По проекту необходимо было «построить горное училище напротив Уральского горного правления на том месте, где находится подлежащий сломке старый казенный управительный дом... в здании училища устроить: а) помещение для 100 чел. учеников, с разделением его на две половины: одна для дворян, а другая для детей нижних чинов» [50].

Строительство училища началось с весны 1849 года, а закончилось к осени 1852 года. Официальное открытие состоялось в 1853 году. Через несколько лет училище переехало в здание напротив, рядом с горным правлением, а в прежнем разместилась мужская гимназия (в настоящее время школа №9). Это трехэтажное здание с протяженным, вытянутым вдоль проспекта фасадом, П-образное в плане. На главном фасаде подчеркнута центральная часть — в виде выступающего ризалита с широким крыльцом, простенки оконных проемов выделены плоскими пилястрами. Однообразный ряд проемов несколько оживлен по второму этажу сандриками и более нарядной формой полуциркульных окон.

В целом декорировка фасадов проста и сдержанна и как бы направлена на то, чтобы подчеркнуть солидность и деловитость этого «казенного» здания. Некогда к зданию примыкал обширный сад, обнесенный каменной оградой.

Важным событием, свидетельствующим о превращении Екатеринбурга в научный центр Урала, было открытие в нем магнитной и метеорологической обсерватории. Строительство ее было начато в 1834 году по чертежам и описаниям, присланным из штаба корпуса горных инженеров [51].

Руководство строительством было возложено на М. П. Малахова. Он же выбрал и место для обсерватории — возвышенность «позади Сенной площади». Здание возводилось на каменном фундаменте из опиленных брусьев. К октябрю 1835 года все работы были заверше-

ны, к этому же времени из Перми были доставлены необходимые инструменты и приборы. В начале января 1836 года обсерватория начала научные магнитно-метеорологические наблюдения, которые и по сей день продолжаются в комплексе Уральского гидрометцентра, выросшего на месте первой обсерватории.

Из казенных зданий нового типа, построенных в Екатеринбурге в первой половине XIX века, следует выделить также госпиталь Верх-Исетского завода и горную аптеку.

Госпиталь Верх-Исетского завода

Это одна из первых построек М. П. Малахова в Екатеринбурге. Почти одновременно с разбивкой бульвара, соединившего город с поселком Верх-Исетского завода, в том месте, откуда он начинался, среди густого соснового леса был построен в 1824—1826 годах заводской госпиталь.

Следуя принципам классицизма, М. П. Малахов запроектировал госпиталь в виде ансамбля зданий с четко выраженной осью симметрии. Эта ось акцентирована центральным корпусом госпиталя — компактной двухэтажной постройкой с двумя боковыми крыльями, увенчанной плоским куполом. Симметрично по обеим сторонам от центрального объема расположены два корпуса, а со стороны двора по центральной оси поставлен еще один небольшой, хозяйственный. Значительность главного корпуса подчеркнута не только его масштабом, но и постановкой в плане — он вынесен вперед, на красную линию бульвара, в то время как боковые корпуса отнесены в глубину двора и соединены с главным оградой, изогнутой в виде плавной дуги. Подобная трехчастная симметричная композиция характерна для ансамблей русского классицизма — как для общественных сооружений, так и для жилых усадебных комплексов.

Симметрия, четко выраженная в плане, подхвачена и в фасадном построении ансамбля. Главный корпус выде-

лен по высоте — он двухэтажный, тогда как боковые флигели — одноэтажные; при этом они, так же как и главный, имеют завершение в виде куполов одинаковых пропорций. В настоящее время утрачена большая часть декоративного убранства фасадов, что исказило их облик. Прежде фасад центрального здания был украшен крупномасштабным восьмиколонным коринфским портиком со спаренными боковыми колоннами, а массив стены на боковых крыльях членился оригинальными тройными арочными окнами. Более простое декоративное убранство боковых корпусов в виде четырехколонных дорических портиков с гладкими фронтонами служило фоном для главного корпуса, подчеркивая мажорное звучание центральной ордерной композиции.

Компактность и гармоничное построение основных зданий, ступенчатое нарастание объемов по направлению к центру, подчеркнутое ритмом скатных кровель и куполов, строгий рисунок литой чугунной ограды, как бы увязывающей все постройки в единое целое,— все это создавало впечатляющий художественный образ ансамбля. Выразительный силуэт госпиталя прекрасно вписывался в ландшафт, выделяясь на фоне естественного лесного массива.

М. П. Малаховым было построено здание горной аптеки (пр. Ленина, 37). Оно было возведено в самом центре города на Главном проспекте, по северному фронту Соборной площади, раскинувшейся на левом берегу Исети. Аптека была построена по заказу горного ведомства в 1820—1821 годах.

Первоначально это был компактный двухэтажный особняк с мезонином, позднее, в 90-х годах XIX века, к нему были пристроены боковые крылья, увеличивающие объем и фасадный фронт здания, которое использовалось в то время уже как частный жилой дом. После 1917 года вплоть до 1930-го в нем размещалась биржа труда, затем до 1935 года облпрофсоюз, после здание перешло в руки военного ведомства, а в 1945 году возвращено Свердлов-

скому горсовету. В настоящее время в нем размещается областное общество «Знание».

В 1969 году была проведена рекоиструкцня здания, в результате которой полностью модерннзирован дворовый фасад, проведеиа перепланнровка внутреннних помещеннй, заменены перекрытня, настланы иовые полы из паркета. Благоустроеи старый сад позади дома: посажены новые деревья н кустарники, перепланнрованы выложенные плнткамн дорожкн.

В архнтектурном облнке горной аптеки заметно вляяине жнлого городского особняка эпохн класснцизма. Это — двухэтажное зданне с подвалом н мезоннном, с многоскатными железнымн кровлями. Симметрня главного фасада подчеркнута центральным рнзалнтом, ннжннй ярус которого украшен рустом, выполненным в штукатурке. Рнзалнт увенчан мезонином с гладким фронтоном н большнм окном, заглубленным в арочную нншу. Главный фасад отмечен более богатой декорировкой на уровне второго этажа. Это центральное тройное окно, простеики которого украшены нзящнымн полуколонкамн корннфского ордера, и нарядиые боковые окна, также тройные, декорнроваиные полуцнркульиымн арками н лепнымн розеткамн тонкого рнсунка.

Оформление боковых, позднее пристроеииых крыльев отличается от центральиой частн фасада более грубой проработкой деталей, однако в целом лншь незначнтельно нскажает облнк классицистического особняка. Ворота и ограда включены в едниый фасадный фронт, образующнй цельную композицию,— колоритный кусочек старого Екатерннбурга в застройке центра современного Свердловска.

Первый городской театр

Недалеко от здаиия горной аптеки, на перекрестке Главного и Вознесенского проспектов (пр. Леннна и ул. Карла Лнбкнехта), был построеи первый городской

театр. Сначала он был деревянным, а в 1845 году по проекту архитектора К. Г. Турского на средства екатеринбургского купечества построено новое каменное здание. Зрительный зал был рассчитан на 600 человек. В театре играла труппа, руководимая П. А. Соколовым — первым екатеринбургским режиссером-постановщиком. Соколов содержал труппу до 1858 года. Многие актеры были из бывших крепостных. В театре ставились спектакли самого разного плана — «Ревизор», «Аскольдова могила» и другие.

В начале XX века, когда в Екатеринбурге стали строить новое здание театра (ныне театр оперы и балета), первый городской театр арендовал мещанин И. Н. Волков для сеансов кинематографа. Кинотеатр первоначально назывался «Колизей», а с 1920 года — «Красный Урал». Позднее его переименовали в «Октябрь»[52].

Здание первого городского театра связано со многими важными историческими событиями, происходившими в Екатеринбурге — Свердловске. Здесь на митингах выступал Я. М. Свердлов. В этом здании в 1917 году размещался временный комитет РСДРП(б) под председательством И. М. Малышева, а в 1919 году — Дом просвещения Красной Армии. В 1982 году кинотеатр был реконструирован — в нем разместилось стереокино.

В результате реконструкции изменена внутренняя планировка и структура здания, однако внешний его облик сохранен.

Объемная композиция здания предопределена его угловым положением на перекрестке. Призматическому объему здания соответствует близкий к квадрату план, в котором выделяется зрительный зал, как самая крупная ячейка. К залу примыкают фойе и вестибюль, а в новой пристроенной части находятся кассы, буфет и различные вспомогательные помещения. На фасаде перекликается ордерная тема — ионические портики высотой в два этажа. На главном, южном, фасаде — это величественный вось-

миколонный портик из полуколонн, между которыми находятся выходы из кинотеатра. На уровне второго этажа, над дверями, расположены высокие полуциркульные окна; такие же окна, только более широкие, акцентируют углы здания. На боковом, восточном, фасаде ордерная тема звучит по-иному. Это тоже ионический портик, но пространственный, с четырьмя колоннами, выступающими вперед.

Декоративное убранство фасадов в целом построено на использовании классицистических мотивов — сандриков, растительных орнаментов, венков, однако прорисовка деталей, утяжеленные пропорции капителей, нагромождение лепных украшений — все это указывает на угасание высокого стиля классицизма. Городской театр — это одно из зданий, которыми завершается славная страница истории архитектуры Екатеринбурга периода классицизма.

Здание первого городского театра представляет также и историческую ценность, так как оно связано со многими событиями революционного прошлого.

Культовые сооружения

Культовые здания и комплексы играли большую роль в архитектурных панорамах Екатеринбурга. В лучших традициях русского градостроительства эти высотные сооружения ставились, как правило, в наиболее выгодных точках — на возвышенностях, на центральных площадях, создавая систему доминант, не только закрепляющих планировочную структуру города, но и обогащающих его силуэт своими выразительными очертаниями, богатыми архитектурными формами, стремительными вертикалями многоярусных колоколен.

До нашего времени в Свердловске сохранились лишь немногие из культовых построек первой половины XIX века. Эти красивые и добротные здания успешно служат сегодня современным потребностям города.

Сохранившийся комплекс Ново-Тихвинского женского

монастыря представляет интерес, как единственный культовый ансамбль старого Екатеринбурга, памятник архитектуры русского классицизма, за которым сохраняется важное градостроительное значение в исторической панораме современного Свердловска. В конце XVIII века на правобережье Исети, юго-западнее старого ядра Екатеринбурга, размещалось кладбище для горожан, а в 1782 году была построена каменная церковь Успения Богородицы, при которой через несколько лет образовалась богадельня. В 1798 году богадельня была признана официальной женской общиной, с которой и началось существование монастыря.

В 1809 году издан указ об образовании екатеринбургского Ново-Тихвинского женского монастыря. В течение первой половины XIX века он стал одним из самых благоустроенных на Урале. Капитальное строительство в монастыре продолжалось весь XIX век. В первой половине столетия была возведена большая часть построек, из них пять храмов, кельи, мастерские. После 1896 года построен шестой храм — церковь Всех святых, а при ней трехэтажное здание больницы, богадельня. Возведены также каменные стены монастыря, разбит обширный парк.

Сохранившаяся часть монастыря, а также фотографии, сделанные в начале нашего века, позволяют восстановить первоначальный композиционный замысел ансамбля и его архитектурный облик.

Территория монастыря имела геометрически правильную прямоугольную форму и была несколько вытянута с севера на юг. В объемно-пространственной композиции ансамбля нашел отражение принцип регулярности в сочетании с живописной асимметрией.

Все основные постройки компактно сгруппированы в юго-восточной части территории. По оси Александровского проспекта (ул. Декабристов) образована входная часть монастыря — Святые ворота с надвратной Введенской церковью, акцентирующей главный проезд, и сим-

метрично от них расположенные Феодосьевская церковь и церковь Пресвятой Богородицы. При входе за воротами — две церкви: самая старая — Успенская, построенная еще в конце XVIII века, и самая поздняя — храм Всех святых. В строгом порядке по периметру двора расположены корпуса келий и мастерские. К северу от основных построек, вблизи монастырского парка, взметнул в небо свои купола величественный собор Александра Невского. Большая часть территории обители была обнесена деревянным забором, лишь с северной и восточной сторон сооружена каменная ограда с небольшими угловыми башенками. Все постройки монастыря образовали живописный и вместе с тем сдержанный по форме ансамбль.

Входная группа монастыря была создана в 30-х годах XIX столетия, в период интенсивного роста обители, когда после посещения Екатеринбурга в 1824 году императором Александром I было решено придать воротам парадный, репрезентативный вид.

Комплекс трех церквей Ново-Тихвинского монастыря — явление уникальное для уральской архитектуры. Апсиды всех трех церквей образовали три крупных выступа в восточной стене монастыря, обращенной в сторону Александровского проспекта. Купола на ступенчатых барабанах, одинаковые по силуэту, создали сложный и выразительный силуэт входного ансамбля. Для всех церквей характерна простота и изящество немногочисленных декоративных деталей (обрамление окон, карнизов, поэтажных тяг), выделяющихся на фоне гладкой, нерасчлененной стены. Это был типично классицистический по композиции комплекс. Облик входного ансамбля в настоящее время значительно изменен, большинство его архитектурных форм полностью утрачено, надвратная церковь превращена в башню с зубчатым завершением.

Доминантой в композиции ансамбля монастыря является грандиозный собор Александра Невского. Он был сооружен по проекту М. П. Малахова как главный храм

обители в честь победы русского народа в Отечественной войне 1812 года. Собор — пятиглавый. В плане он образовал квадрат с выступами большой апсиды с востока и двух портиков с юга и севера, а также пристроенной с запада колокольней.

Внутреннее пространство собора расчленено на пять частей четырьмя шестигранными столбами, поддерживающими барабан главного купола. Углы собора перекрыты четырьмя малыми барабанами с куполами, апсида завершена плоским куполом, а ветви креста — цилиндрическими сводами. Собор отличался хорошими акустическими свойствами.

Объемная композиция сооружения выражена в духе зрелого классицизма, в ней звучат отголоски идей храмового строительства, типичных для А. Н. Воронихина, И. Е. Старова, В. П. Стасова. Гладкая стена расчленена продуманным ритмом оконных проемов — прямоугольных по двум этажам и полуциркульных, вытянутых пропорций по барабанам.

Главной темой декоративного убранства явились композиции коринфского ордера — крупномасштабные шестиколонные портики, увенчанные гладкими фронтонами. Стена за портиками оформлена коринфскими пилястрами; такими же пилястрами акцентированы углы основного объема. Четкая выверенность пропорций, использование крупномасштабных ордерных композиций, гармоничное сопоставление объемов куполов с вертикалью колокольни — все это сделало собор Александра Невского одним из красивейших зданий Екатеринбурга прошлого столетия.

Постройки утилитарного назначения имели более простой облик. Особую живописность всему ансамблю придавала каменная ограда. Она выложена из кирпича с применением грубоколотых гранитных камней и акцентирована по углам круглыми башенками с куполами. Некоторые здания монастыря были построены и за пределами ограды, например, сохранившийся до настоящего времени

дом для священнослужителей на углу Александровского проспекта и ул. Уктусской (ул. Декабристов и ул. 8 Марта). Этот дом — одно из наиболее ранних монастырских зданий. Он был заложен в 1814 году. Дом этот предназначался для приезжающего духовенства и паломников, а во второй половине XIX века был отдан под жилье для священнослужителей монастыря. Дом представляет собой компактную двухэтажную постройку. Внутренние стены делят план на восемь почти равных квадратных секций, в угловую секцию с юго-востока вписана восьмигранная каменная часовня. Эта часовня в три яруса придает особое очарование и характерность всей постройке, фасады которой оформлены очень просто — с одним горизонтальным членением и плоскими наличниками с сандриками над окнами второго этажа. Нижние два яруса часовни равны высоте здания и уменьшаются по поперечному сечению. Верхний ярус без окон завершен полушаровидным куполом, создающим вертикальный акцент, перекликающийся с куполами монастырских построек.

Ансамбль Ново-Тихвинского монастыря сыграл важную градоформирующую роль в застройке Екатеринбурга, явившись завершением с запада Александровского проспекта. А выразительный силуэт храмов и монастырских построек, обнесенных каменной оградой с башенками, образовал яркий архитектурный акцент в панораме юго-западной части Екатеринбурга.

Сегодня на территории бывшего Ново-Тихвинского монастыря разместился комплекс Свердловского государственного областного историко-краеведческого музея. В старые культовые постройки влилось новое идейное содержание — сегодня это крупнейший центр истории и краеведения Уральского региона, одновременно являющийся памятником архитектуры русского классицизма.

Из сохранившихся культовых построек прошлого века, имеющих и сегодня большое градостроительное значение, следует отметить и Вознесенскую церковь (ныне в ней

разместился один из отделов Свердловского государственного областного историко-краеведческого музея). Эта церковь, взметнувшая ярусы своей колокольни на самой высокой точке центра города, и сегодня остается одной из главных доминант панорамы Свердловска.

Церковь заложена в конце XVIII века. Строилась на средства екатеринбургского купечества в течение долгого времени и окончательное свое оформление получила в XIX столетии. Возведение новых пристроев повлияло в целом на композицию здания, создало и некоторое несоответствие в деталях оформления старой, восточной и новой, западной части. Старая часть храма и колокольня сохранили типичные для архитектуры барокко декоративные детали — карнизы, лопатки и наличники окон, а новая часть, перекрытая скатной железной кровлей, характерна более крупными вертикальными членениями фасадов с употреблением их завершения в виде кокошников с раковинами, на своде верхнего храма сохранились росписи второй половины XIX века. Вознесенская церковь — ценный для Свердловска памятник архитектуры, несущий черты позднего барокко, неотъемлемая часть панорамы города. В Свердловске сохранилось еще несколько культовых сооружений первой половины XIX века — Нижне-Исетская церковь, Христорождественская церковь на территории Верх-Исетского завода, Свято-Троицкая единоверческая церковь (Рязановская). Эти постройки используются в городском хозяйстве, однако былое свое градоформирующее значение они утратили.

Городские усадьбы

Усадьба Расторгуева — Харитонова

Усадьба Расторгуева — Харитонова (ныне Дворец пионеров, ул. Карла Либкнехта, 44) — один из наиболее значительных памятников архитектуры Екатеринбурга XIX века.

Это самый крупный и самый ранний по времени строительства усадебный ансамбль классицизма в городе.

Многочисленные легенды и предания, связанные с историей создания усадьбы, ее автором и владельцами, красота архитектуры — все это издавна привлекало внимание историков, краеведов, исследователей и просто любителей архитектуры. Однако многие загадки так и не разгаданы: много еще неточностей и неясностей в датах строительства усадьбы, неизвестен автор главного дома.

В 1792 году на возвышенном месте левобережья городского пруда была сооружена Вознесенская церковь с колокольней, разбита небольшая площадь. Именно здесь решил построиться купец второй гильдии Лев Иванович Расторгуев. В деле «О даче купцу Расторгуеву разрешения на строительство каменного дома», начатом 2 декабря 1799 года, содержится «объявление» купца о том, что он имеет «недвижимое имение», то есть дом, купленный им у вдовы губернского секретаря Семена Алексеевича Исакова за 2 тысячи рублей, о чем свидетельствует приложенная к делу купчая от 18 декабря 1798 года [53]. Основой для дома послужили недостроенные «каменные палаты», заложенные еще в 1794 году. В декабре 1799 года Расторгуев просит оценить «вновь возводимый двухэтажный каменный дом с каменным подвалом» [54]. Таким образом, вся усадьба начиналась с углового двухэтажного дома, построенного в 1794—1799 годах.

2 января 1814 года Расторгуев подал в городскую думу прошение о выдаче свидетельства уже на два принадлежащих ему каменных дома. Здесь же имеется «опись каменному дому, состоящему по течению р. Исеть на левой стороне в 3-й части города в приходе Вознесенской церкви... выстроенного на сухом возвышенном месте... с бутовыми каменными фундаментами... покрытому листовым полутороаршинным с огрунтовкой железом... а кроме того два амбара, две конюшни, один каретник и баня... все оные архитектурнической работой возвышенные сверх

фундамента». Кроме того, приложена опись «каменному флигелю при большом каменном доме»[55].

На плане «третьей части г. Екатеринбурга», снятом в октябре 1815 года, в составе усадьбы уже изображены почти все сооружения, существующие поныне, кроме оград, ворот и соединительной части между главным домом и флигелем под бельведером[56]. Помимо названных зданий на плане нанесены: флигель под горой (двухэтажное здание, выходящее на улицу), дворовый флигель, где находился амбар, также двухэтажный, вставка, соединяющая дворовый флигель и флигель под бельведером. На хозяйственном дворе — длинное здание конюшни, также сохранившееся до наших дней. По площади усадьба в то время была сравнительно невелика. Желание расширить владения возникло у Расторгуева давно. 3 августа 1808 года он подал прошение начальнику екатеринбургских заводов, в котором предлагал передать ему в «потомственное владение» «пустопорожнее место», лежащее за валом вблизи церкви Вознесения. Он писал, что место это болотистое, топкое и «от засорения и скопления в нем нечистот причиняет гнилостью воздуха в здоровье человеческом тягость». Расторгуев собирался место это очистить и «довести до того, что, наконец, не будет не только безобразить, но и составит приятный вид сада — украшение города»[57]. К этому времени купец уже заявил свой капитал по первой гильдии, стал владельцем Кыштымского, Нязепетровского, Каслинского заводов, хозяином десяти тысяч приписных крестьян и 500 тысяч десятин земли. Через своих дочерей богатый купец породнился с золотопромышленниками и заводчиками Г. Зотовым и П. Харитоновым[58]. Однако дело об отводе места под сад длилось довольно долго, и план на первый участок был выдан наследникам Расторгуева лишь летом 1826 года, спустя три года после его смерти. К этому времени владельцем усадьбы стал зять Расторгуева — П. Харитонов, который активно принялся за расширение усадьбы. В 1824 году главный дом

н флигель под бельведером были соединены двухэтажной вставкой, в это же время возведена ограда хозяйственного двора и парадные ворота.

На северном крутом склоне Вознесенского холма был разбит сад с искусственным озером, тенистыми аллеями, беседками и гротами — действительно ставший украшением города.

Усадьба стала самой большой в Екатеринбурге. В роскошном доме устраивались шумные балы и богатые обеды, в саду — гулянья екатеринбургской знати. Наряду с этой внешней парадной жизнью в усадьбе шла другая, тайная жизнь. В подвалах, в специальных застенках содержались мятежники с заводов. Положение рабочих на заводах, принадлежащих Зотову и Харитонову, было совершенно невыносимым. Злодеяния заводчиков были настолько велики, что в 1836 году оба они были сосланы в Финляндию, в город Кексгольм (вместо каторги и наказания шпицрутенами), по «Высочайшему Его Императорского величества повелению за покушение к лиходейству» и при этом лишены «доброго имени» [59]. С 1840-х годов дом долго пустовал, затем некоторые помещения наследники стали сдавать в аренду под квартиры и конторы. (Так, например, во флигеле под горой находилась типография и контора городской газеты «Урал».) Здания усадьбы без ухода постепенно разрушались. В начале 70-х годов XIX века дворец представлял собой «великолепную развалину: карнизы обвалились, крыша проржавела и отстала во многих местах от стропил целыми полосами; массивные колонны давно облупились и сквозь отставшую штукатурку выглядывали обсыпавшиеся кирпичи; половина дома стояла незанятой и печально смотрела своими почерневшими окнами без рам и стекол; ...оранжерея и службы были давно обращены в склады водки и спирта» [60].

В начале XX века усадьбой Расторгуева — Харитонова заинтересовалось акционерное общество Кыштымских заводов, которое в 1905 году «вошло во владение» усадебными

постройками, купив их у наследников Расторгуева за 61 000 рублей [61]. Парк, с конца XIX века сданный в аренду, стал любимейшим местом прогулок горожан. В годы Великой Октябрьской социалистической революции в доме размещался отряд Красной гвардии. Дворец дал приют раненым бойцам, его ступени помнят шаги красногвардейцев, готовящихся к битве с колчаковцами, в 1919 году под его сводами создавался уральский комсомол, затем здесь сели за парты слушатели Урало-Сибирского коммунистического университета имени В. И. Ленина, Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы, и наконец было решено передать ансамбль лучших в городе зданий детям. В 1935—1937 годах была проведена капитальная реконструкция усадьбы с целью приспособления ее под Дворец пионеров и школьников.

Вопрос об авторе усадьбы Расторгуева давно занимает историков, краеведов и исследователей архитектуры Урала. Особенно много предположений высказано насчет автора главного углового дома. Кто он, этот талантливый зодчий? Почему не сохранилось ни одного документа об оплате работы заказчиком, ни одного чертежа, подписанного автором? Частично проливает свет на поставленные вопросы интересная архивная находка челябинского краеведа И. Борисова. Ему удалось ознакомиться с перепиской владельца Кыштымских заводов А. Зотова (одного из наследников Л. Расторгуева) с управляющим заводами Деви. В одном из писем А. Зотов коснулся вопроса о строительстве дома и его архитекторе. Отрывок из этого письма опубликован в журнале «Уральский следопыт»: «Вы давно интересуетесь судьбой архитектора в строительстве моего дворца, то есть Харитоновского... Со слов моего отца, а он получил эти сведения от моего деда по матери Льва Ивановича Расторгуева и деда по отцу Григория Федотовича Зотова: с начала 1796 года мой дед Лев Иванович решил блеснуть перед екатеринбургской знатью тем, что построит небывалый еще в городе дворец... Де-

нег была уйма, но не было даровитого зодчего. Из Петербурга отказались приехать. Здесь же, в Екатеринбурге, не имелось... Это затруднение дед мой Лев и поведал начальнику канцелярии Пермского губернатора. На это начальник канцелярии ответил, что в тобольской каторжной тюрьме содержится узником один важный государственный преступник и в то же время даровитый зодчий. Если дать кому следует, то в Петербурге могут временно из Тобольской каторги узника отчислить в екатеринбургскую тюрьму в ваше распоряжение на стройку дворца... Расторгуев так и сделал. Через шесть месяцев перевели узника в екатеринбургскую тюрьму. До свидания деда с зодчим главный директор тюрьмы предварил моего деда о том, что ни в коем случае не расспрашивать фамилии узника. Он умершим считается, только его номер можете знать... кроме того, и узник под страхом наказания шпицрутенами 500 ударов не скажет свое имя и тем более звание. Встреча моего деда с узником состоялась. Узник сказал: «Сударь, я даровитый архитектор. Для того, чтобы моя фантазия превратилась в действительность, нужны большие деньги. Располагаете ли вы ими?» Мой дед подтвердил. Через 12 лет дворец был готов. Но слово мой дед не сдержал в части досрочного освобождения узника или устройства его побега. Надломленный и обиженный моим дедом узник впал в ипохондрию. По дороге в Тобольск он повесился в тюменской пересыльной тюрьме»[62]. Приведенная в письме печальная история о безвестном зодчем — узнике тобольской тюрьмы — объясняет отсутствие документов об авторе расторгуевского дома. Однако это только одна из версий о безвестном архитекторе. В дальнейшем формировании усадьбы принимал участие М. П. Малахов.

В 1824 году комплекс зданий пополнился двухэтажной вставкой, соединившей главный дом с флигелем под бельведером, оградой хозяйственного двора и парадными воротами. Более поздние сооружения, а также и беседка-

ротонда в парке, органично вошли в объемно-пространственную композицию усадьбы, что указывает на высокое профессиональное мастерство зодчего. Все эти постройки объединены стилевым единством. Окончательно сложившаяся усадьба Расторгуева — Харитонова представляет собой комплекс зданий, сгруппированных вокруг парадного двора, хозяйственного двора со службами и обширного парка с различными парковыми сооружениями. Все главные постройки — двухэтажный дом, три флигеля, соединенные вставками, службы — выполнены из крупноразмерного кирпича со штукатуркой снаружи и изнутри, с бутовыми фундаментами, деревянными перекрытиями и кровлями из листового железа.

Д. Н. Мамин-Сибиряк в «Приваловских миллионах» почти со скрупулезной точностью описал эту усадьбу. Интересно то впечатление, которое произвела на героя художественного произведения эта реальная постройка, любопытен взгляд писателя на творение уральского зодчего: «Он (дом) занимал собой вершину горы и представлялся издали чем-то вроде старинного кремля. Несколько громадных белых зданий с колоннами, бельведерами, балконами и какими-то странной формы куполами выходили главным фасадом на небольшую площадь, а великолепными воротами в форме триумфальной арки, на Нагорную улицу. Непосредственно за главным зданием, спускаясь по Нагорной улице, тянулся целый ряд каменных построек, также украшенных колоннами, лепными карнизами и арабесками. Сквозные железные ворота открывали вид на широкий двор, со всех сторон окруженный каменными службами, конюшнями, великолепной оранжереей. Это был целый замок в помещичьем вкусе: позади зеленел старинный сад, занимающий своими аллеями весь спуск с горы» [63].

Сегодня усадьба сохранилась почти полностью. В ее композиции успешно решены утилитарные, градостроительные и художественные задачи. Вся территория органи-

зована на основе четкого разграничения и взаимосвязи отдельных составных частей в соответствии с их функциональным назначением. Очевидно, соседство многолюдной церковной Вознесенской площади и центральной улицы города заставило зодчего оградить парадный двор основными объемами усадебных построек и в то же время дать возможность созерцать его внутреннее пространство через ажурную решетку ворот; фасады главного дома и флигелей придают ему торжественный и нарядный вид своеобразного «воздушного» вестибюля. Хозяйственный двор отделен от парадного двумя двухэтажными флигелями с узким проходом между ними; его утилитарная функция отразилась в обособленности и удобном расположении всех построек.

Несколько автономное положение сада объясняется не только городским характером усадьбы, но и тем, что разбит он был значительно позднее основных построек. С возникновением живописного сада вся усадьба получила свое градостроительное и архитектурное завершение. Сад был разбит в английском стиле со свободным сочетанием регулярной планировки верхней, прилегающей к дому части и нижней, решенной в живописном плане — извилистые тропинки, насыпные холмы, группы деревьев. Верхняя площадка перед домом уравновешена зеркалом небольшого искусственного озера, от которого лучами расходятся три тенистые аллеи. В композицию сада включены различные садовые сооружения, характерные для ландшафтной архитектуры начала XIX века,— беседки, гроты. Из них особенно замечательна круглая купольная беседка-ротонда на площадке перед домом. Это деревянное, круглое в плане, сооружение, цилиндрический объем которого расчленен двумя рядами оконных проемов, а простенки декорированы двенадцатью коринфскими полуколоннами. Облик беседки находится в полном созвучии с архитектурой основных зданий усадьбы, а венчающий ее купол перекликается с бельведером флигеля.

На генеральных планах усадьбы XIX века отсутствуют сооружения на островках озера. После реконструкции в 1937 году под руководством архитектора В. В. Емельянова на острове был устроен фонтан в виде открытой круглой беседки, а к берегу был перекинут висячий мостик. Включение этих построек в сложившийся ансамбль было проведено достаточно тактично. Отвечая величественной архитектуре зданий усадьбы, изящные и в то же время простые формы беседки в сочетании с массивными устоями моста органически вошли в ансамбль сада. Малые архитектурные формы хорошо сочетаются с естественным окружением; серый камень и белизна колонн, ажурный рисунок ограды, окружающей сад, прекрасно гармонируют с сочной зеленью деревьев и зеркальной гладью озера. Сад усадьбы Расторгуева сегодня — единственный в Свердловске сохранившийся образец ландшафтного искусства первой половины XIX века.

Здания усадьбы образовали единый ансамбль, в котором каждому архитектурному объему отведено строго определенное место, соответствующее его практическому назначению и роли в общей художественной композиции. Отдельными зданиями в усадьбе оставлены только конюшни и баня на хозяйственном дворе, а также один из флигелей, остальные сооружения соединены между собой различными переходами и вставками. Такая объемная композиция зданий созвучна традиционной схеме древнерусского жилого комплекса — с его «хоромностью», когда несколько объемов соединялись крытыми переходами и гульбищами в единый живописный ансамбль, имеющий общую художественную уравновешенность. Помимо градостроительных требований, предъявляемых к сооружению как к элементу улицы и города в целом, в усадьбе были учтены потребности частной жизни владельца. Планировка всей усадьбы и внутренняя организация жилища отразили жизненный уклад крупнейшего представителя екатеринбургской купеческой элиты — старообря-

дца, окруженного многочисленной родней и прислугой.

Во время реконструкции в 1935—1937 годах планировка помещений была изменена в соответствии с новой функцией зданий. Со стороны парадного двора был убран вход, вдоль флигеля под куполом пристроен коридор, а внутри двора зрительный зал. Два дворовых флигеля соединились переходом на уровне второго этажа. Изменилось назначение помещений, их внутренняя отделка, однако архивные документы дают возможность представить первоначальную планировку этого купеческого «замка». Внушительная часть зданий была занята различного рода вспомогательными помещениями и службами, позволяющими разместить многочисленную дворню, а также обширными амбарами и кладовыми. Комнаты, в которых жили хозяева, располагались в зданиях, выходящих на Вознесенскую площадь,— в главном доме, двухэтажном флигеле под бельведером и в соединительном флигеле под плоским куполом. В главном угловом доме размещались самые представительные парадные помещения. Со стороны двора в дом вело широкое и высокое крыльцо, а на первом этаже находились большие комнаты и вестибюль с парадной лестницей, ведущей на второй этаж, где были самые большие, роскошно убранные гостиные и залы. Помимо парадных покоев в главном доме находились и жилые комнаты, расположенные в мезонине, а также различные вспомогательные помещения, занимавшие часть первого этажа, и высокий подвал с основательными кирпичными стенами и сводчатыми перекрытиями. Помещения главного дома были связаны с соединительным флигелем под куполом, переходящим во флигель под бельведером, в котором размещалась домовая старообрядческая церковь.

Внутренняя отделка помещений сохранилась лишь частично, однако о ней можно судить по описаниям. В «Приваловских миллионах» Д. Н. Мамин-Сибиряк пишет: «Везде стояла старинная дорогая мебель красного

дерева с бронзовыми инкрустациями, дорогие вазы из сибирской яшмы, мрамора, малахита, плохие картины в тяжелых золоченых рамах, словом, на каждом шагу можно было чувствовать подавляющее влияние самой безумной роскоши»[64]. Так выглядели парадные помещения расторгуевского дворца. Потолки были расписаны известным мастером плафонной живописи, «комнатным живописцем» Алексеевым, который «по одной своей памяти, без каких-либо рисунков, разрисовывал потолки и особенно отлично рисовал разнообразные букеты цветов, составляющих широкую ленту над карнизом огромных комнат»[65].

При всей роскоши, отличавшей парадные залы и гостиные главного дома, обстановка жилых помещений была типичной для купеческого жилья — темные лики святых в золоченых окладах, домотканые половики, большие лампады, массивные сундуки. В доме имелись потаенные каморки, где укрывались беглые раскольники, в глухих подвалах, перекрытых крестовыми сводами, были устроены застенки, куда привозили с заводов «непокорных» рабочих. По преданиям, в подвалах имелись и тайные подземные ходы, соединявшие дом с озером и с усадьбой зятя Расторгуева — Зотова. Внешний облик изящных зданий, украшенных портиками, колоннадами, куполами, не соответствовал сущности обитателей — купцов и старообрядцев, жестоких эксплуататоров, превративших свое жилье в замок-крепость с мрачными подвалами и подземными ходами.

Интерьеры здании вследствие переделки утратили свой первоначальный вид, но снаружи ансамбль усадьбы сохранил свои традиционные формы, за исключением отдельных архитектурных деталей дворовых фасадов, не нарушивших единства композиции. Самое значительное сооружение ансамбля — главный дом. Фасады, оформленные близкими по высоте, но контрастно разработанными портиками коринфского ордера, составили единую композицию, рассчитанную прежде всего на восприятие с угла и акценти-

рующую перекресток. Поставленный на высокую рустованную аркаду, шестиколонный портик южного фасада явился мощным градоформирующим акцентом не только главного дома, но и всего ансамбля. Южный фасад ансамбля — это сложная и асимметричная в целом композиция, образованная объединенными в одно здание объемами, из которых каждый имеет свою, четко выраженную ось симметрии. Ось симметрии фасада двухэтажного флигеля под бельведером подчеркнута большим арочным окном и круглым купольным бельведером-ротондой, зрительно увеличивающим высоту здания. Соединительная часть, равная по высоте флигелю под бельведером, кажется ниже, так как плоский купол как бы придавливает здание.

Западный боковой фасад усадьбы, раскрытый на акваторию городского пруда, так же как и главный, воспринимается из многих точек. Особенность рельефа — крутой спад местности в северную сторону, к руслу речки Мельковки, забранной ныне в бетонную трубу,— прекрасно использована создателями комплекса. Эта живописная панорама с четко выраженной структурой отдельных элементов отличается богатством и разнообразием архитектурных форм и не имеет аналогов в русском классицизме первой половины XIX века. Если подниматься вверх по улице К. Либкнехта от здания ТЮЗа, то первое, что мы увидим,— это здание конюшни: длинное, приземистое строение, боковой фасад которого и образует первый ярус композиции. К нему примыкают ворота хозяйственного двора в виде арки, обрамленной спаренными колоннами тосканского ордера. Ось симметрии арки подчеркнута двумя полуциркульными нишами в рустованной каменной ограде. Следующий элемент композиции — высокая каменная ограда хозяйственного двора — величественная стройная аркада, заполненная ажурной кованой решеткой строгого рисунка, в центре которой находятся ворота. Утонченные формы ограды сменяются монумен-

тальным объемом флигеля, представляющим следующую ступень композиции. Боковой фасад флигеля, выходящий на улицу, акцентирован выступающим вперед портиком коринфского ордера со спаренными боковыми колоннами. Портик в сочетании с изящными очертаниями арок ограды образует мощный каскад архитектурных форм при подъеме к площади по взгорью улицы. Арочный мотив, многократно повторенный в панораме бокового фасада, достигает наибольшего звучания в композиции ворот, соединяющих флигель с главным домом. Парадные ворота и ограда хозяйственного двора «смело могут быть отнесены к лучшим и замечательнейшим произведениям так называемой архитектуры малых форм» [66]. Парадные ворота имеют вид нарядной триумфальной арки — символа победоносного торжества — мотива, весьма распространенного в архитектуре после Отечественной войны 1812 года. Очевидно, вдохновляясь патриотическими идеями, зодчий придал именно такой облик воротам, что как нельзя лучше соответствовало дворцовому размаху построек усадьбы. Нарастание объемов, составляющих композицию западного фасада усадьбы, достигает своей кульминации в основном корпусе главного здания, поставленного в самой высокой точке и доминирующего над всем ансамблем. Четырехколонный портик, высоко поднятый на рустованных столбах, подчеркивает крупномасштабность главного дома, зрительно увеличивая его высоту.

Большое внимание уделено также и фасаду, выходящему в хозяйственный двор. Вероятнее всего, зодчий руководствовался важной градостроительной ролью, которую играли постройки усадьбы, поставленные на высоком холме и далеко обозримые также и с севера, со стороны хозяйственного двора. Две величественные колоннады коринфского ордера явились ярким акцентом северного фасада усадьбы.

Восточный фасад соединительной части, обращенный в парк, акцентирован четырехколонным коринфским порти-

ком, перекликающимся с колоннадой круглой беседки-ротонды. Эта часть ансамбля носит более интимный характер, так же как и фасады, выходящие во двор.

Крупномасштабные ордерные композиции, многократно повторенные на фасадах основных построек, играют важную роль в создании гармоничного масштабного строя сооружения и придают стилевое единство ансамблю. Ордер, примененный в отделке зданий, трактован по-разному в каждом отдельном случае — в зависимости от его места в композиции. Ведущий ордер — коринфский. Декорировка фасадов находится в полном созвучии с эстетическими принципами зрелого классицизма. Максимальная художественная выразительность ордерных и арочных композиций, а также разнообразных лепных деталей сочетается с экономным использованием их в качестве элементов, подчеркивающих материальность стены. В отделке фасадов применены декоративные кованые решетки, что придает ансамблю своеобразный уральский колорит.

Ансамбль усадьбы Расторгуева — Харитонова, органически сливаясь с характером местного природного ландшафта, на протяжении первой половины XIX века служил эталоном для строительства жилых особняков и казенных зданий.

Усадьбы купцов Рязановых

Значительный для Екатеринбурга градостроительный ансамбль сформировался из двух усадеб, принадлежащих купцам Рязановым — представителям верхушки старообрядческого купечества, владельцам салотопенных заводов и золотых приисков. Усадьбы были построены в первой половине XIX века в торговом районе города, на противоположных сторонах Сибирского проспекта при выходе его к реке Исети (ул. Куйбышева, 40, 63, ныне жилые дома).

По времени строительства более ранней является усадьба, расположенная ниже по течению реки. Строительство этой усадьбы начал Терентий Рязанов в 1815—1818 годах. За ним она записана в описи от 12 ноября 1824 года [67].

Дом вначале был одноэтажным. В 1853 году сын Терентия — Аника, будучи уже наследным владельцем, просил «...дозволить пристройку на каменном его доме второго этажа» [68]. В это время и был возведен существующий поныне двухэтажный дом, в строительстве и отделке которого принимал участие М. П. Малахов. Однако формирование усадьбы на этом не завершилось. В 1845 году А. Т. Рязанов подал прошение «...о проекте устройства при своем доме каменной оранжереи и пристроя к каменному дому по проектам архитектора Турского» [69]. Приблизительно в это время был разбит сад, и к концу 50-х годов XIX века усадьба сформировалась полностью. Площадь ее составила 4320 квадратных сажен, а в состав усадьбы вошли помимо каменного двухэтажного дома флигели, многочисленные службы, оранжерея, двор и сад.

После Великой Октябрьской социалистической революции в бывшем доме Рязановых размещался детский дом имени Красной Армии, затем Свердловская автошкола, и наконец усадебные постройки стали использоваться под жилье. К настоящему времени усадьба полностью не сохранилась. В 1936 году при прокладке трамвайной линии по ул. Куйбышева значительно был поднят уровень мостовой, при этом дом оказался почти наполовину заглубленным в землю, и лишь в 1968 году была сооружена подпорная стенка вдоль главного фасада. Не сохранились сад, садовые ворота и ограда, а усадебные постройки подверглись значительным переделкам, изменившим их внешний облик и внутреннюю планировку. Дом, утративший свое окружение, не имеет сегодня того величественного вида, который донесли до нас старые фотографии. Но по ним, а также по архивным документам можно восстановить первоначальный облик усадьбы.

В композиции усадьбы выделялась центральная часть — комплекс жилых и вспомогательных построек, компактно сгруппированных вокруг двора и отделяющих двор от сада. Вся усадебная территория трапециевидной формы была вытянута вдоль улицы до самой Исети. Самые представительные постройки — главный дом и флигели — были вынесены на красную линию улицы — в соответствии с градостроительными принципами начала XIX века. Однако только эта часть усадьбы, раскрытая на улицу, носила светский характер, в функциональном распределении усадебной территории заметно влияние традиционного купеческого жилища: с обширными огородами, многочисленными хозяйственными постройками, соединенными между собой крытыми переходами и навесами. Планировка двора отразила и старинный, кержацкий бытовой уклад: дом и два флигеля, высокая ограда с массивными воротами надежно скрывали двор со стороны улицы, пряча от посторонних глаз жизнь купца-старообрядца.

Если в устройстве комплекса зданий усадьбы отразились особенности купеческого жилища, то в разбивке сада — черты, свойственные садово-парковому искусству классицизма первой половины XIX века. Это умелое использование естественных форм рельефа, имеющего плавное понижение в сторону реки, сочетание регулярной планировки и пейзажного стиля, основанного на подражании природе.

Объемная композиция главного дома типична для жилых особняков первой половины XIX века — кирпичное оштукатуренное двухэтажное здание со скатной, крытой листовым железом кровлей.

Внешний вид дома отличается классической ясностью, гармонией и сдержанностью в декоративной обработке фасадов. То обстоятельство, что особняк, стоявший тогда на высоком берегу реки, был хорошо обозрим как со стороны Сибирского проспекта, так и со стороны Исети, повлияло, очевидно, на построение обоих фасадов. Они

получили одинаковую по насыщенности пластическую разработку, подчеркнувшую угловую композицию дома. Центр каждого фасада выделен четырехколонным портиком коринфского ордера.

В общий горизонтальный строй главного фасада усадьбы были включены также и малые формы — ограда и ворота. Протяженный массив каменной ограды, доходящей до самого берега Исети, был облегчен сквозными арками, заполненными ажурными решетками. Изящные решетки ворот и ограды перекликались по своему рисунку с ограждениями балконов дома и, контрастируя с монолитными массивами стен и ограды, придавали фасаду особую живописность.

Вторая усадьба сформировалась в 1830—40-х годах. Она принадлежала Якиму Рязанову. Дом впоследствии стал известен как «малый рязановский». Его автор — М. П. Малахов. Стилистическая близость объединяет его с другим творением екатеринбургского зодчего — зданием горной аптеки на Главном проспекте.

До настоящего времени сохранилась часть усадьбы: главный дом, ворота, каменные службы в глубине двора, небольшой участок сада с несколькими деревьями и каменными устоями ограды. К середине XIX века площадь усадьбы была почти в четыре раза меньше «большой» рязановской усадьбы[70]. При этом она имела двор, сад и весь набор сооружений, характерных для усадебного ансамбля России того времени.

Вся усадебная территория пространственно развивалась в глубь квартала, так как на улицу выходили лишь фасад особняка и двое ворот. В передней, «парадной» части двора до сих пор сохранилось очень своеобразное замощение в виде крупноразмерных гранитных плит. В планировке двора, расположенного позади дома, отразились его утилитарные хозяйственные функции, что подчеркнуто размещением служб, сараев и конюшен, соединенных между собой крытыми переходами и навесами в единый комплекс.

В небольшом садике с регулярной планировкой было устроено искусственное озеро, которое не сохранилось. Вся усадьба явилась примером весьма рационального решения жилой городской территории при небольших размерах участка.

Главный дом усадьбы — двухэтажный кирпичный оштукатуренный особняк с мезонином — производит впечатление уютного жилища. Все его фасады симметричны — за исключением дворового, где симметрия нарушена смещением входа с центральной оси и большой пристройкой типа сеней,— как в традиционном народном жилище. Внутренние помещения по высоте объединены узкой и крутой деревянной лестницей.

Главный фасад дома акцентирован рельефным выступом стены, обозначившим его центр. Этот центральный ризалит завершен мезонином с фронтоном и выделен по центру оконными проемами — тройными на первом и втором этажах и большим арочным в мезонине.

Центр каждого из боковых фасадов отмечен четырехколонным портиком ионического ордера, имеющим одинаковое завершение в виде полукруглого аттика. Они явились главной темой декоративного убранства.

На фасадах помимо ордерных композиций и рустовки использованы лепные украшения, характерные для архитектуры русского классицизма XIX века,— сандрики с изящными кронштейнами, розетки, модульоны.

Композицию усадеб Рязановых и усадьбы Расторгуева, несмотря на разницу в размерах и планировке, объединяют те же особенности архитектурно-планировочного построения: сочетание прогрессивных приемов русского классицизма с традиционными особенностями устройства жилища, связанного с купеческим бытовым укладом. Это типичные екатеринбургские богатые купеческие усадьбы, которые оказали большое влияние на застройку города, выделяясь в ней своими размерами и архитектурным обликом.

Усадьба М. П. Малахова

Усадьба архитектора М. П. Малахова (ул. Луначарского, 173-а) — это не только одно из его творений, но и оставшийся потомкам своеобразный мемориал — память о выдающемся уральском зодчем.

М. П. Малахов, приехав в Екатеринбург в феврале 1815 года, решил поселиться на живописной окраине города, на возвышенном месте вблизи соснового бора. Здесь, на улице Васенцовской (ул. Луначарского), он и прожил до конца своих дней.

3 августа 1815 года в «объявлении» своем в городскую думу Малахов просил решить вопрос об освобождении места для постройки нового деревянного дома. Место было отведено 5 мая 1816 года [71]. В том же году и началось строительство. В описи от 12 ноября 1824 года усадьба обозначена как одна из крупнейших в городе [72].

После смерти М. П. Малахова в 1842 году его наследники стали сдавать дом под квартиры внаем. Усадьба постепенно теряла свой первоначальный вид, а столетие спустя от нее остался только главный двухэтажный дом из дерева, оштукатуренный под камень, который в 20-х годах нашего столетия еще находился в хорошем состоянии. Тем не менее время и суровый климат нанесли непоправимый ущерб деревянным конструкциям дома, и в конце 60-х годов он стал непригодным для дальнейшей эксплуатации. Кроме того, портик, выступающий за красную линию застройки новой улицы Луначарского, был разобран, постепенно разрушались декоративные детали и конструктивные элементы.

Поскольку невозможно было сохранить дом в первоначальном виде и на прежнем месте, в 70-х годах была построена точная его копия (в каменном исполнении) в глубине квартала.

Территория усадьбы в первой половине XIX века была достаточно обширной. На участке размещался глав

ный дом, двор со службами, парк с живописным прудом, огород, цветники. Расположение дома на красной линии улицы, в северо-западном углу участка, повлекло за собой асимметрию композиции всей территории. Пруд, образованный на речке, по диагонали пересекавшей усадьбу, явился естественной границей двух ее частей — двора с хозяйственными постройками и парка, раскинувшегося к юго-востоку от дома. Для восточной части парка, которая примыкала ко двору и окружала пруд, архитектор использовал естественный лесной массив, создающий живописный фон для изящного объема дома. Внешний облик его напоминал «загородную итальянскую виллу с бельведером по общей композиции в духе Палладио» [73].

Эта компактная двухэтажная постройка, увенчанная в центре круглым бельведером-ротондой, выполненная из дерева, но оштукатуренная снаружи и изнутри, украшенная рустовкой и лепными деталями, производила впечатление каменной. Подобная отделка деревянного здания штукатуркой «под камень» — прием, часто встречающийся в постройках русского классицизма. Даже знаменитый Останкинский дворец в Подмосковье был выполнен из дерева, не говоря уже о многочисленных дворянских усадьбах, разбросанных в пригородах российских городов.

Архитектура дома Малахова отмечена стилевым единством. В объемной композиции учтены специфические особенности постановки здания на открытом, далеко обозримом участке — отсюда его четкая центрическая композиция, скульптурная форма, построенная на сочетании статичного основания со сложным ритмом ступенчато растущих вверх скатных кровель, замыкающимся куполом бельведера. Композиция дома определила и внутреннюю планировку помещений, которая была построена на пересечении двух главных осей и отразила ярусное убывание объема здания снизу вверх.

Центр композиции — купольная ротонда — подчеркнут на всех фасадах архитектурными мотивами, распо-

ложенными так, что основной художественный акцент сосредоточен на центральной части здания. И несмотря на «всефасадность» здания, зодчий трактовал фасад, выходящий на улицу Васенцовскую и обращенный в сторону города как главный и придал ему облик, характерный для парадного городского дома. Центральным элементом композиции этого фасада стал четырехколонный коринфский портик на рустованной аркаде, поднятый на высоту цокольного этажа.

Декоративные детали, украшающие фасады дома, подчеркивают, выделяют центральную часть здания. Фронтоны богато украшены лепным орнаментом, а пространство между колоннами портика забрано на уровне первого и второго этажей нарядной кованой решеткой балконов. Эта же решетка образовала и ограждение лоджии, находящейся в нише восточного дворового фасада. Единственное украшение оконных проемов — расположенные над ними на уровне второго этажа тонко вылепленные изящные розетки. Среди лепных деталей выделяется многократно повторяющийся мотив — лира в сочетании с рабочими инструментами зодчего.

Главная особенность композиции усадьбы — ее интимность и близость к природе, в сочетании с выносом главного дома на красную линию улицы и размещением хозяйственных построек в глубине двора. Дом усадьбы отмечен оригинальным конструктивным решением, а художественная выразительность здания достигнута искусно распределенными акцентами, хорошо найденными пропорциями всех членений, тонкой прорисовкой деталей и профилей.

Резиденция главного горного начальника

Резиденция главного горного начальника (Набережная Рабочей молодежи, 3, ныне областная больница № 2) — тип характерной для уральских поселений усадьбы управ-

ляющего заводом или заводовладельца. Она построена в начале 30-х годов XIX века на западном берегу пруда. Прежняя, зимняя, резиденция уральских горных начальников — деревянное, изрядно обветшавшее здание — сгорела в 1812 году. Тогда было принято решение построить новый дом, уже каменный, смету которого составил унтер-шихмейстер Николай Прозоров к сентябрю 1813 года. Проект поручили составить М. П. Малахову. В июле 1817 года архитектор рапортовал: «План каменному дому вместо сгоревшего деревянного для жительства господину начальнику оканчивается»[74]. В плане Екатеринбурга 1825 года дом был уже внесен, однако окончательно он был построен лишь в начале 30-х годов.

Строительство совпало со временем превращения Екатеринбурга в крупный административно-промышленный, горный город. Личность нового владельца усадьбы была весьма примечательной и известной не только в Екатеринбурге, но и на всем горнозаводском Урале. Владимир Андреевич Глинка был назначен главным начальником уральских заводов в 1837 году и служил почти 20 лет, до 27 октября 1856 года. В этот период власть горного начальника достигла наивысшего развития. Генерал Глинка, бывший царский вельможа, стремился обставить жизнь свою в «азиатской столице» на петербургский манер. Он любил устраивать шумные балы, двери его дома были распахнуты перед именитыми гостями и заезжими знаменитостями, посещавшими Екатеринбург. В его доме останавливался поэт В. А. Жуковский, когда он в 1837 году в составе царской свиты совершал поездку по Уралу. Позднее здесь жил и работал декабрист Ф. Г. Вишневский. Отбывая ссылку на Урале, он в течение четырех лет служил чиновником при генерале Глинке. В доме горного начальника бывал художник А. И. Корзухин.

Заказ, полученный М. П. Малаховым, был очень ответственным. Необходимо было построить не просто жилище крупного горного чиновника, градоначальника Ека-

теринбурга, но и административно-управленческое здание, функционально связанное с Главным горным правлением и другими «казенными» заведениями, сосредоточенными на западном берегу городского пруда.

Главный вход в дом градоначальника раскрыт прямо на набережную, что особенно подчеркнуло городской характер усадьбы, ее полное слияние с окружающей застройкой. Двор, в котором сосредоточены все служебные постройки, расположенный позади дома, образовал замкнутое пространство, обнесенное оградой с двумя въездами — одним парадным, со стороны набережной, а другим, хозяйственным, «черным» с северной стороны, с переулка. Хозяйственный двор служил, вероятно, и для размещения карет гостей и повозок, здесь же были расположены каретники, конюшни и прочие хозяйственные постройки. При этом хозяйственный двор, расположенный к северу от дома, обнесен высокой каменной стеной, тогда как сад, раскинувшийся с южной стороны и занявший обширное пространство вдоль берега пруда, полностью раскрыт на набережную и отделен от нее ажурной чугунной оградой, позволяющей видеть все внутреннее пространство. Решетка ограды — замечательный образец каслинского литья. Рисунок ее прост и изящен. Он состоит из вытянутых по вертикали ромбов, центр каждого из них акцентирован звездочкой в обрамлении двух колец. Ромбы заполнены растительным орнаментом из полураспустившихся бутонов. Звенья решетки прерываются изящными столбиками простых и строгих пропорций. Ясность композиции решетки в сочетании со сдержанным изяществом деталировки делает ее одним из интереснейших образцов художественного литья в архитектуре малых форм.

Главный дом усадьбы — двухэтажная постройка с мезонином. В объемной композиции четко выражена ось симметрии. По центру находится главный вход с широким, выступающим вперед крыльцом. Высокие двустворчатые

двери ведут в просторный вестибюль. Парадная лестница, расположенная у стены, противоположной главному входу, соединила первый этаж со вторым. По замыслу зодчего портик на фоне гладкой стены стал центральным мотивом композиции главного фасада. Проектируя дом Главного горного начальника на берегу сравнительно небольшого екатеринбургского пруда, Малахов стремился создать здание, отвечающее масштабу застройки и в то же время являющееся доминантой в ансамбле набережной. Поэтому он применил ярусную композицию, которая зрительно вытянула здание по вертикали. Нижний ярус представляет собой массивную аркаду. Арочные проемы, делящие подиум на ряд отдельных пьедесталов, зрительно включенных в вертикальный ритм колоннады второго яруса, подчеркивают вытянутые по вертикали пропорции ионического четырехколонного портика. Ионические колонны сменяются на высоте третьего яруса как бы вырастающими из них коринфскими колоннами, поддерживающими гладкий фронтон. Архитектурные формы ярусов становятся легче по направлению кверху: от массивности аркады первого яруса к воздушной изящности колоннады верхнего, третьего яруса. Высота третьего яруса по сравнению со вторым резко уменьшена, что создает оптическую иллюзию размещения его на большей, чем в действительности, высоте и увеличивает зрительно высоту всего здания.

Декоративное убранство фасадов в целом отличается лаконичностью. Немногочисленные детали — розетки, сандрики, барельефы, вставленные в прямоугольные и арочные ниши, не нарушают, а, наоборот, подчеркивают целостность стены своим откровенно декоративным характером. Центр композиции поддержан более нарядным декорированием стены, находящейся за портиком, применением ионических полуколонн в качестве обрамления балконной двери, а также тонким ажурным рисунком кованой решетки ограждения балкона.

В городе строились и другие усадьбы, более скромные

по архитектуре и градостроительному значению, однако и они были также отмечены чертами классицизма. Во второй половине XIX века многие из этих зданий подверглись перестройкам и переделкам в соответствии с новыми функциональными и художественными требованиями, что подчас до неузнаваемости изменило их облик. Утрачены сегодня многие усадебные сады, некогда украшавшие Екатеринбург.

Процесс угасания классицизма на Урале начался позже, чем в Центральной России. И все же с 50-х годов прошлого века упадок стиля ощущается во многих постройках, в дальнейшем градостроительном развитии города.

Глава III

ЕКАТЕРИНБУРГ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ

(вторая половина XIX— начало XX века)

Признаки зарождения новых, капиталистических отношений стали заметны в феодальной России еще в конце XVIII века, однако новый социально-экономический строй установился в стране лишь в середине XIX века — значительно позже, чем в европейских странах.

После реформы 1861 года, отменившей крепостное право, начался активный приток рабочей силы в города. Значительный подъем промышленности в целом по стране в 90-х годах предпослал развитие новой стадии капитализма — империализм, пробудивший технический прогресс, оживление торговли.

С этим были связаны и глубокие перемены, которые начали происходить в русской архитектуре. С определенного момента классицизм перестал удовлетворять социальным, жизненным, идеологическим, бытовым и другим требованиям нового капиталистического общества. Строгие архитектурно-планировочные композиции уже не могли вместить нового общественного содержания. Они перестали соответствовать прогрессивным конструктивным решениям, основанным на применении металла, чугуна, стали, бетона, позднее — железобетона.

Буржуазная идеология оказывала все большее влияние на архитектуру, которая была в полной зависимости от требований заказчика, не обладавшего подчас высокой художественной культурой. Возникшее в это время идеологическое течение — славянофильство, объявившее Древнюю Русь истинной носительницей национальной самобытности и наследницей Византии, подвергло сомнению соответствие классицизма русским традициям. В проти-

вовес классицизму стал усердно насаждаться так называемый русско-византийский стиль, направленный якобы на обращение к национальной выразительности, а на деле ставший первым шагом к формальному использованию архитектурных форм. Архитекторы стали искать новые идеи, избрав в качестве обновления отошедшие в прошлое стили. Это породило ретроспективное подражание историческим архитектурным мотивам и в конечном счете привело к эклектизму — свободному сочетанию и смешению самых различных стилей.

Архитектура второй половины XIX века в России характеризуется крайней пестротой архитектурных образов, подлинным «архитектурным маскарадом», в котором классицистические композиционные приемы соседствовали с русско-византийским стилем, стилизаторство западного средневековья и восточной архитектуры сосуществовало с самыми различными интерпретациями русского национального наследия.

Развитие капитализма породило бурный рост городов. В них возникали новые промышленные предприятия, строились самые разнообразные типы зданий — торговые, банковские, административно-конторские, учебные, научные, музейные, казарменные, больничные, выставочные, зрелищные, а также различные транспортные и инженерные сооружения. Жилища в таком городе приобретали значение товара. Высокая стоимость земли повлекла за собой уплотнение застройки и повышение этажности. Преобладающим в городах стал тип многоквартирного жилого дома с квартирами, сдаваемыми внаем.

Принципы ансамблевости, воспетые классицизмом, постепенно утрачивались, застройка городов велась в зависимости от желаний и возможностей отдельных частных лиц, которые в условиях конкуренции стремились, с одной стороны, придать зданиям своих контор, фирм и доходных домов броский, индивидуальный облик, выделяя их из городской среды, а с другой стороны, обстраивали тер-

ритории своих предприятий массивами однообразных, безликих зданий, предназначенных для рабочих. Это усиливало характерный для капиталистических городов контраст между благоустроенной центральной частью с отдельными яркими помпезными зданиями и крайне неблагоустроенными окраинами с их казарменной, трудно регулируемой застройкой, смыкавшейся с фабрично-заводскими территориями.

Очень часто, исходя опять-таки из интересов заказчика, архитекторы перестраивали здания, сооруженные ранее, что радикально меняло их композиционно-художественную систему, конструктивно-техническую сущность и в целом архитектурный облик.

К конструктивно-техническим особенностям архитектуры этого периода следует отнести широкое применение металлических конструкций для несущих частей зданий, для возведения большепролетных перекрытий, покрытий, куполов, а также и целых сооружений. Важным этапом в истории отечественной строительной техники явилось применение в конце XIX века несущих конструкций из нового материала — железобетона. Это было началом эры железобетона в строительстве и архитектуре нашей страны.

На рубеже веков стало все больше ощутимым несоответствие стилизаторства русского зодчества требованиям жизни, связанным с развитием империализма. Использование металла, стекла, бетона и железобетона давало большие возможности для дальнейшего совершенствования строительной техники. Новые материалы подсказывали необычные конструктивные и архитектурные решения, идущие вразрез с укоренившимся в практике эклектизмом. Постепенно начинает формироваться стиль «нового века» — рациональный, современный, получивший название модерн.

Модернисты стремились создать новую, оригинальную архитектуру. Рациональная сторона модерна проявилась

в широком использовании металлических и железобетонных конструкций, больших площадей остекления, в выявлении структуры конструкций, в четком ритме опор и основных несущих элементов. В создании художественных образов нового стиля архитекторы вдохновлялись необычными композициями и формами, плавными текучими линиями, несвойственными предшествующей архитектуре и основанными на произвольной деформации привычных очертаний. Особенности модерна проявились в оформлении интерьеров, в мебели, в одежде, прикладном искусстве — они были навеяны искусством декадентов, использовавших символические декоративные мотивы. Модерн как стиль не был однороден по времени: более того, русские архитекторы часто использовали его приемы в сочетании с различными историческими мотивами — так называемый стилизаторский модерн. Были и другие промежуточные направления. Существование модерна как стиля не было долговечным — около полутора десятка лет. Этот стиль не стал господствующим в русской архитектуре. Наряду с ним в начале XX века существовали неорусский стиль, неоклассицизм, обращенный к классическому наследию. Различные мотивы эклектики продолжали сохраняться в русской архитектуре вплоть до 20-х годов, когда архитектура молодой Советской республики породила новые стили. В застройке Екатеринбурга второй половины XIX— начала XX веков в полной мере отразились тенденции, характерные для русской архитектуры капиталистического периода.

ПОЛОЖЕНИЕ ЕКАТЕРИНБУРГА ПОСЛЕ РЕФОРМЫ 1861 ГОДА

Говоря о развитии Екатеринбурга во второй половине XIX века, Д. Н. Мамин-Сибиряк с горечью отмечал: «Пятидесятые годы начаты были в Екатеринбурге очень

весело, а окончилось трагически: золотой век так же быстро оборвался, как и возник... Миллионы разлетелись дымом... Это был настоящий разгром, отразившийся на всех сторонах жизни бойкого города. Золотой ураган улетел, не оставив после себя никаких следов...» [75].

До самой реформы 1861 года Екатеринбург сохранил свою специфику горного города, в котором преобладала крепостная казенная промышленность. На Урале крепостное право проявило себя в худшей форме — труд приписных крестьян на казенных уральских заводах приравнивался к каторжным работам, а все горное дело велось самым жесточайшим образом. На заводах трудились практически даром тысячи рабочих рук, поэтому горному начальству хотелось всячески оттянуть неизбежный процесс развития капиталистических форм хозяйствования, которые все ощутимее проявляли себя в экономическом развитии Екатеринбурга. В 50-е годы власть горного начальника достигла наивысшего предела — правительство и горнозаводчики делали все возможное, чтобы сохранить полувоенный статус горного города — оплота крепостничества.

Кризис крепостнической системы тяжело отразился на развитии Екатеринбурга. С отходом на волю тысяч приписных крестьян, Екатеринбург, существовавший доселе на особом военном положении, из «горной столицы» превратился в обыкновенный уездный город, испытавший, так же как и другие российские города в пореформенный период, резкое падение экономики. Резко сократилось казенное промышленное производство. Прекратились поступления сибирского золота. Инициатива купцов-золотопромышленников была буквально задушена бюрократическим аппаратом сибирской администрации, вовсе не заинтересованной в том, чтобы сибирское золото оседало в кошельках екатеринбургских толстосумов. «Золотой ураган» улетел, не оставив городу ничего, кроме богатых купеческих усадеб, нескольких казенных зданий, нарядных церквей и монастырских построек, не принеся го-

роду ии благоустройства, ии школ, ии бнблиотек, не говоря уже и о миогом другом, что могли бы дать такие приливы капиталов.

Сократилась деятельность заводов и рудииков Екатериибургского горного округа н соответственно производительиость казеиных предприятнй самого Екатерннбурга — Нижне-Исетского завода, граиильной фабрики, механической фабрики, моиетного двора. За Екатерннбургом сохраиилось лншь его традицнонное значенне центра траизитиой торговли между востоком и западом Росснн.

В городской экономике постепенно брала верх частиая иинициатива, нитенснвно развнвалась легкая н пнщевая промышлеиность, кустариое производство, промыслы. 60-е годы были для Екатериибурга тяжелым переходиым пернодом — ои потерял значеиие военно-админиистративиого центра. В связн с этим сократилось колнчество дворян, военных, чииовииков, но населеиие города продолжало расти, и преобладающую массу жнтелей составляли мещане, бывшне мастеровые, крестьяне, занятые в различных промыслах и торговле. Все более заметиой стала общая теиденцня капнталнстнческого производства, образовывались мануфактуры, владельцы которых нмелн также в городе и крупные магазины. С развитием промыслов и мелкого производства связано возникновение в Екатерннбурге капиталнстнческнх производств, составивших осиову промышлеииости города; Верх-Исетскнй завод по-прежнему был самым крупиым предприятием, но большое значеиие приобрели также сукоиная фабрика Злоказовых, механнческий завод Ятеса, мельница Симаиова, спичечная фабрика Логиновых н другие. Быстро увелнчнвалась торговля Екатерннбурга. Одиовременно с ростом торговли н промышлеииости шел процесс превращеиия города в цеитр фииансовой жизии Урала — здесь открывались отделения Государствениого, Снбнрского н Волжского банков, баикнрские коиторы. Важным событием для Екатернибурга явилась прокладка в 1878 году

железной дороги, что укрепило его связи с городами горнозаводского Урала, а затем Сибири и европейской части страны. К концу XIX века Екатеринбург был уже типичным капиталистическим городом России, что сказалось и на развитии его архитектурного облика.

В пореформенный период, когда происходила ломка старой крепостнической экономики и нарождение новой, капиталистической, примитивно-патриархальная система городского хозяйства оказалась в плачевном положении. Обедневшие горнопромышленники и попавшее в затруднительное положение горное ведомство не могли сделать для города даже того малого, что делалось до сих пор. Городское хозяйство пришло в упадок. Однако город продолжал расти и развиваться, выдвигая новые требования к застройке. В последние десятилетия XIX века строительство оживилось. Это время, по выражению Д. Н. Мамина-Сибиряка, «окончательно выяснило физиономию реформированного города».

* * *

Дальнейшее градостроительное развитие Екатеринбурга шло в основном по принятой прямоугольной планировке, заложенной в генеральном плане первой половины XIX века. С ростом населения значительно увеличилось количество домов, улиц и площадей. Расширение городской территории шло вдоль реки Исети в основном в южном направлении, а также и в другие стороны. Разрастались пригороды, особенно Верх-Исетский завод, Уктус, Нижне-Исетск и другие, постепенно сливаясь с городом, что делало необходимым пересмотр генерального плана. Он уточнялся в 1864, 1884, а затем в 1910 и 1917 годах. Из многочисленных слобод, объединявших, как правило, людей одного сословия или работников одного предприятия, постепенно сложился собственно Екатеринбург — широко раскинувшийся город. Д. Н. Мамин-Сибиряк

назвал одной из ярких особенностей Екатеринбурга имение то, что «на него со всех сторон надвигаются пригородные селения, как Уктус, Шарташ, и особенно Верх-Исетский завод. Ряд заимок, дач, мельниц и заводов составляют отдельные звенья одной живой цепи, которая тянется на десятки верст по течению р. Исети. Не нужно особенной проницательности, чтобы сказать, что вся эта широко раскинувшаяся селитьба составляет одно органическое целое и что центром служит Екатеринбург в его настоящем виде. Не только обыкновенные русские города, но и наши столицы как-то сразу обрываются: выехал за город, и сейчас пошла писать на сотни верст настоящая деревенская глушь. Это признаки искусственного создания административных центров, и Екатеринбург в этом случае представляет редкое исключение, являясь действительно «живым узлом» целой области. Вот в чем, по нашему мнению, заключается характерная особенность физиономии Екатеринбурга как города»[76].

В развитии планировки Екатеринбурга второй половины XIX века и начала XX века происходит закрепление дальнейшего классового расслоения городского населения. Хищническая капиталистическая система хозяйства привела к тому, что новые промышленные предприятия размещались в городе хаотично, в зависимости от желаний и возможностей владельцев, не считавшихся с планировочной схемой. Это касалось и жилой застройки — в наиболее привилегированных районах города селились купцы и предприниматели, а заводская беднота ютилась по окраинам города или вблизи промышленных предприятий, в плохоньких домишках, хибарках и землянках.

Застой городского хозяйства отразился на благоустройстве города, которое пришло в упадок даже по сравнению с первой половиной XIX века. Все работы по благоустройству велись от случая к случаю, как правило, из-за приезда в город высокопоставленных особ. По-прежнему улицы Екатеринбурга находились «в ужасном состоя-

нин», разрушались и зарастали травой мостовые, ветшали общественные здания и великолепные особняки, построенные в первой половине XIX века. В 90-х годах Екатеринбург посетила комиссия по обследованию уральской промышленности, возглавляемая Д. И. Менделеевым. Екатеринбург произвел на членов этой комиссии не самое приятное впечатление: «Правда город большой, но какой-то унылый, сонный. Как будто он обстраивается, и как будто разрушается. Особенно неприятное впечатление производит набережная городского пруда, в сущности самая красивая часть города. Когда-то она была построена капитально, «по-казенному», теперь же перила сгнили и наполовину вывалились, каменные столбы облезли, кирпичи во многих местах из них вынуты. Около пруда маленький сквер, который без всякого присмотра... Возьмите театр, например. Он имеет вид заброшенной конюшни. Его фундамент бурьяном порос, между тем он находится на главной улице. Возьмите рынок — все в том же роде» [77].

Коммунальное хозяйство Екатеринбурга было отсталым — до революции в городе так и не были построены водопровод и канализация. Водоснабжение было тяжелой проблемой, так как основное население вынуждено было брать воду из городского пруда, реки Исети и ее притоков. Имелись колодцы, но их хватало для обеспечения потребности лишь трети жителей Екатеринбурга. Зимой, когда приток грунтовых вод резко сокращался, у колодцев выстраивались длинные очереди, в которых жители простаивали по нескольку часов для того только, чтобы получить ведро чистой питьевой воды. Вода из открытых водоемов, загрязняемая стоками промышленных предприятий, не раз служила источником различных эпидемий, то и дело вспыхивавших в городе.

К 80-м годам южная граница Екатеринбурга продвинулась до нынешней улицы Фрунзе, а в 1910 году в городскую черту вошла Цыганская слободка (район нынешнего автовокзала). В это же время начал застраивать-

ся выгои между городом и Уктусом. В восточиом иаправлении город расшнрился до улицы Восточиой, иа севере до линии железиой дороги, а иа западе, как и прежде, обшириый иезастроеиный массив отделял территорию Верх-Исетского завода.

Были образоваиы иовые площади — Ночлежиая (пл. Обороиы), Мельковская в Мельковской слободе (иыие ие сохраиилась). Появилось миожество иовых улнц. Капиталистическая система хозяйствоваиия породила активную спекуляцию землей иа территории города. Владельцы участков подчас намереиио ие застраивали их в ожидаиии повышеиия цеи иа землю, поэтому в городе было миого иезастроеииых пустырей.

Крайне медлеиио велнсь в это время работы по благоустройству городской территории. В 60-х годах XIX века иачались работы по замощеиию улиц, одиако к коицу 80-х годов были замощеиы Вознесенскнй проспект, Архиерейская, Дубровнниская н Верхотурская улицы, частнчио — Главный проспект, а также Покровский, Сибнрский, Александровскнй проспекты н другне магистрали. Городскне власти ие стремились благоустраивать улицы, считая, что около половииы нз иих вообще ие нуждаются в мощении как «лежащие иа окраине н малопроезжие». Одиако там, где улицы все-таки мостили, мощение выполиялось очеиь добротно — из граиитиой брусчаткн. Тротуары выкладывались из крупиоразмериых граиитиых плит, по обочииам устаиавлнвались круглые тумбы, также из гранита. До иаших дией сохранились отдельиые элемеиты стариииого мощеиня (в осиовиом в пешеходиой зоне) иа улицах Розы Люксембург, Чапаева и иекоторых других.

Во второй половиие XIX века велись работы по озелеиеиию города. Помнмо садов при купеческих усадьбах появились общественные сады и скверы — Нуровский сквер (рядом с современным почтамтом), сквер иа плотиие, сад общественного собраиия (впоследствии сад Вайнера), по Главиому проспекту протяиулся широкий бульвар. Как

общественный использовался в это время и сад усадьбы Расторгуева — Харитонова. В нем устраивались гулянья, играл духовой оркестр.

В Екатеринбурге строились новые промышленные предприятия, причем не только на окраинах, но и в черте города. Кроме фабрик и заводов появляются паровые мельницы, первая электростанция. Новые предприятия требовали рабочих рук. Нужда гнала в Екатеринбург все новых поселенцев. С начала XX века прирост населения города пошел такими темпами, каких он не знал никогда раньше. В 1904 году в Екатеринбурге насчитывалось 48 239 жителей, в 1910 — 70 тысяч, а в 1913 году около 100 тысяч жителей [78].

В связи с увеличением численности населения довольно быстро строилось жилье. Если в начале 60-х годов прошлого века в городе было немногим более 3000 домов, то в 1887 году их было уже 5492, а в 1910 году — 7715. Застраивались новые улицы, они выходили за пределы генерального плана 1845 года. В 1912 году этот план был пересмотрен. Территория города по новому плану увеличивалась за счет городского выгона и земель казенной дачи. С северо-востока было распланировано 107 новых кварталов [79].

Отсталость коммунального хозяйства Екатеринбурга сдерживала работы по благоустройству новых улиц и площадей. Освещались они керосиново-калильными лампами. В 1885 году в городе открылась контора «Товарищество П. Н. Яблочкова и К° электрического освещения в России», которая просуществовала, однако, только год. В 1891 году появилось электрическое освещение на Верх-Исетском заводе, а в 1894 году в Екатеринбурге была построена первая электростанция, затем еще несколько мелких станций, которые являлись собственностью торговых фирм и обслуживали только их предприятия [80].

Проблема развития городского хозяйства капиталистического Екатеринбурга постоянно наталкивалась на вопрос

о средствах. Городской бюджет рос довольно быстро, но увеличение доходов не поспевало за ростом потребностей коммунального хозяйства. Торгово-промышленная верхушка более заботилась о своих делах, чем о нуждах городского хозяйства. Городская дума была не в состоянии реализовать план развития городского хозяйства, по которому были предусмотрены: строительство оперного театра, крытого рынка, гостиного двора, скотобойни, устройство водопровода и многое другое. Единственное, что смогла реализовать дума,— это достроить в 1912 году оперный театр и начать сооружение гостиного двора.

Новый век не внес существенных изменений в облик Екатеринбурга. Все контрасты капиталистического города отразились в его застройке второй половины XIX— начала XX века.

АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБЛИК КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ЕКАТЕРИНБУРГА

Историческая застройка центра современного Свердловска в массе своей представлена зданиями и сооружениями второй половины XIX— начала XX века. В отличие от отдельных уникальных зданий и ансамблей классицизма, эта застройка носила периметральный характер и при этом хорошо сохранилась до наших дней в виде целых массивов, кварталов и улиц. Сегодня эти сооружения являют почти в первозданном виде фрагменты панорам старого Екатеринбурга. При всей разностильности этой застройки нельзя не признать, что она во многом определяет неординарность облика современного города, придает характерность его историческому центру. Таковы улицы Розы Люксембург, Чапаева, частично 8 Марта, Мамина-Сибиряка, Первомайская, проспект Ленина, улица Горького и другие.

Архитектурный облик Екатеринбурга рубежа XIX—

XX веков разнообразно представлен в фотографиях. Сохранились серии открыток с видами Екатеринбурга. И прежде всего фотографии В. Л. Метенкова — подлинного фотолетописца уральского края. С 1883 года он выпустил несколько альбомов с видами Екатеринбурга и 74 открытки. Четкая графика старинных открыток позволяет узнать многие здания, без которых сегодня немыслим исторический центр Свердловска: вокзалы — старый и новый, оперный театр, мужская и женская гимназии, «американская» гостиница, концертный зал, многочисленные жилые дома и другие сооружения. Многие из этих зданий связаны со славными историческими событиями революции, гражданской войны, становления Советской власти.

Д. Н. Мамин-Сибиряк так описал Екатеринбург в 1889 году: «...картина представляется замечательная: на западе волнистой линией отступает синеватая дымка Урала, р. Исеть разливается широким плесом, а берега усыпаны массой построек. Получается самое пестрое впечатление, и глаз напрасно ищет центра. Широко поставленные церкви раздвигают поле зрения на несколько верст. Всматриваясь внимательно в эту пеструю картину, вы невольно приходите к заключению, что это даже не город в собственном смысле слова, а соединение нескольких городов. Так оно и есть в действительности, а картинный беспорядок построек служит только живой иллюстрацией последовательных исторических наслоений: вот четырехугольник бывшей крепости, к югу от нее «заимка» бывших сальников, отдельную высоту занимают палаты заводчиков, на торговой стороне крепко осело гнездо офеней, слобода Мельковка — отдельный мещанский городок и т. д.»[81].

Писатель подметил одну из характерных особенностей Екатеринбурга — отсутствие центра. В период классицизма, когда ансамблевое начало в архитектуре ставилось чрезвычайно высоко, была сделана попытка градостроитель-

ного оформления общественного центра города, но она не смогла получить логического завершения в капиталистическом обществе, когда каждый застройщик руководствовался только своими интересами и меньше всего заботился о композиции улицы как градостроительного элемента.

Потребности капиталистического города выразились в строительстве целого ряда зданий нового типа — это также один из признаков развития архитектуры Екатеринбурга второй половины XIX— начала XX века. В городе в этот период были построены здания банков и акционерных обществ, различные торговые заведения, административно-конторские здания, гимназии, мельницы, частные типографии, концертный зал, оперный театр, два вокзала, электростанция, разнообразные жилые дома. В это время в Екатеринбурге трудились архитекторы А. И. Падучев, Ю. И. Дютель, И. П. Куроедов, К. А. Полков, И. К. Янковский и другие.

В конце XIX— начале XX века в Екатеринбурге были возведены здания, которые отразили новые тенденции застройки русских городов. Прежде всего это здание железнодорожного вокзала — новое по функции и по содержанию, непривычное еще, взбудоражившее умы горожан. Железная дорога заметно оживила жизнь города, и два здания вокзала сыграли свою градостроительную роль. Возникла новая привокзальная площадь, застроился новый проспект, соединивший вокзал с центром города.

Ярким градостроительным событием явилось также строительство нового театра. Здание, отмеченное необычностью и выразительностью облика, укрупненным масштабом и богатством архитектурных форм, стало еще одной доминантой в застройке Главного проспекта, представленной в основном небольшими особнячками.

Выделялись среди рядовой застройки и крупные административно-общественные здания нового типа. Это были кирпичные здания гимназий, училищ, типографий, банков, акционерных обществ, здание концертного зала и обще-

ственного собрания. Предприимчивые представители нового класса капиталистов с большим размахом возводили свои торговые дома, магазины и лавки. По-прежнему строились крупные жилые особняки и усадьбы.

Железнодорожный вокзал

В 1878 году через Екатеринбург прошла железная дорога, связавшая город удобным и надежным видом транспорта с горнозаводским Уралом и с Центральной Россией, что заметно оживило его торговлю, экономику и строительство. В городе был построен вокзал — здание нового типа, сооружение которого стало важным градостроительным мероприятием. Была выстроена привокзальная площадь, а от нее в сторону центра через слободу Мельковку протянулась новая Верхотурская улица. В 1904 году в честь посещения Екатеринбурга пермским генерал-губернатором Арсеньевым улица была названа Арсеньевским проспектом. Проспект начинался от вокзала, а заканчивался вблизи механического завода Ятеса (ныне Свердловский завод транспортного машиностроения им. Я. М. Свердлова). После гражданской войны Арсеньевский проспект был переименован в улицу Якова Свердлова. За ней сохранилась роль улицы, с которой открывается современный Свердловск гостям, прибывшим в город по железной дороге.

Арсеньевский проспект как главная магистраль, соединявшая вокзал с центром города, стал застраиваться представительными зданиями, украшенными затейливыми башенками, куполами и фронтонами в духе тогдашней архитектуры. Но это была только внешняя, парадная застройка. Регулярность планировки, намеченная в центре Екатеринбурга, была в это время совершенно нарушена: улицы, отходящие от проспекта, ломались и петляли.

Старый вокзал уже в конце прошлого века перестал удовлетворять потребности растущих перевозок по новым

линиям до Тюмени и Челябинска. Было решено построить еще одно здание вокзала. Оно было возведено в 1910 году. До наших дней дошло в значительно измененном виде: дважды перестраивалось. В 1939 году был добавлен второй этаж, а в 1956 году к зданию пристроены боковые крылья, увеличившие его объем. Впоследствии была реконструирована и привокзальная площадь. На ней в 1962 году вырос величественный памятник Уральским танкистам-добровольцам. Он создан по проекту архитектора Г. И. Белянкина свердловскими скульпторами В. М. Друзиным и П. А. Сажиным.

Старый вокзал сохранился до наших дней, однако, застроенный со всех сторон, он потерял свое прежнее градостроительное значение. А жаль, ведь строительство этого здания в свое время обозначило новую веху развития Екатеринбурга — это было отражение прогрессивных веяний русской архитектуры.

В архитектуре вокзальных зданий того времени господствовали идеи историзма, обращенного к прошлому. Несмотря на новаторскую сущность этих сооружений, архитектурная характеристика их фасадов оставалась в рамках эклектичной стилизации. По всей России вырастали вокзалы-игрушки в виде средневековых замков или затейливых теремков, имитирующих старую Русь. В таком же псевдорусском стиле был выстроен и первый железнодорожный вокзал Екатеринбурга. Д. Н. Мамин-Сибиряк в очерке 1881 года так описал его: «Самое здание его устроено в русском вкусе и поражает своим великолепием, так что трудно сравнить московские, петербургские и нижегородские вокзалы с этим произведением г. Губонина: низкие своды, вычурные колонны, массивная дубовая мебель, словом, все на широкую ногу» [82].

Новая социальная функция здания отразилась в его планировочной структуре: вдоль продольной оси расположены залы ожидания, кассы, различные службы. Внешний же облик вокзала, навеянный древнерусским зодчеством,

не соответствует его внутренней функциональной и архитектурно-пространственной организации.

В объемной композиции здания выделены три выступающих вперед ризалита, акцентирующих три входа, один из которых находится по центральной оси. Этот вход дополнительно выделен пристроем типа древнерусского крыльца, увенчанного башенкой-шатром. Обильная декорировка здания направлена на то, чтобы подчеркнуть его национальные черты. Длинный ряд арочных окон увенчан кокошниками; высокая железная кровля; в кирпичной кладке использован лекальный кирпич, из которого выложены сложные декоративные украшения — наличники окон, карниз, оформление углов башенок, фигурные столбики, поддерживающие центральный шатер. Высокими шатрами акцентированы все три входа.

Декоративное убранство вокзала прежде было ярким, полихромным. Красный цвет кирпича сочетался с белыми декоративными деталями, веселым шахматным рисунком кровли, изящными линиями кованых чугунных решеток. К сожалению, в настоящее время многие детали фасада утрачены.

Не сохранилось в первоначальном виде и здание нового вокзала. Оно перестроено, и лишь по архивным фотографиям можно судить о его облике. Это здание было построено по проекту архитектора К. Т. Бабыкина в стиле так называемого функционального модерна. Функция вокзала и его конструктивная сущность отразились во внешнем облике здания: в четком ритме опор и членений фасада, в строгом рисунке декора, в больших плоскостях остекления, в очертаниях оконных проемов. Построенное в 1910 году здание выглядит вполне современно. Оно легло в основу реконструкции 1939 года по проекту архитекторов Г. П. Валенкова и В. И. Смирнова. Изменилась не только объемная структура здания — и его фасады были оформлены по-новому. Выходящий на площадь главный фасад украсила крупномасштабная колоннада ионического ордера.

Таким вокзал знают сегодня свердловчане и гости города. Изменилось градостроительное окружение привокзальной площади. Она обстроена новыми современными зданиями, а напротив вокзала выросла многоэтажная гостиница «Свердловск». Таким образом, идея создания «городских ворот», заложенная еще в конце прошлого века, получила развитие в настоящее время.

Рядом с новой гостиницей возвышается весьма любопытное здание из красного кирпича. Это бывшая мельница купца Борчанинова — одно из новых зданий капиталистического Екатеринбурга. Оно представляет интерес как образец архитектурного решения производственного сооружения в духе ретроспективизма. Неоштукатуренная кладка, применение лекального кирпича для отделки фасадов, сочетание красного цвета стен и белых деталей — все это придает бывшей мельнице сходство со средневековым замком.

Оперный театр

Для русской архитектуры рубежа XIX—XX веков характерно строительство театров. В это время были построены театры в Рыбинске, Тифлисе, Киеве, Иркутске и других городах. Особенно знаменит одесский оперный театр, построенный по проекту венских архитекторов Г. Гельмера и Ф. Фельнера.

В Екатеринбурге тоже было решено построить оперный театр. Во второй половине XIX века в городе уже сложились стойкие театральные традиции, шагнула вперед и музыкальная культура. Городской театр, существовавший с первой половины XIX века, окреп и достиг значительных успехов. В Екатеринбурге часто гастролировали крупнейшие русские артисты, приносившие передовые достижения сценической культуры. Здесь побывали А. Яблочкина, К. Варламов, В. Долматов, В. Комиссаржевская, Л. Собинов и другие.

Первый городской театр.
Ныне кинотеатр «Октябрь»
(пр. Ленина, 43)

Здание Главного
горного правления.
Ныне консерватория
им. Мусоргского
(пр. Ленина, 24) ▶

Вознесенская церковь.
Один из корпусов историко-краеведческого музея
(Комсомольская площадь)

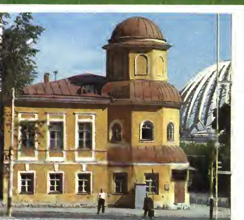
Колокольня собора Александра Невского (Зеленая роща)

Собор Александра Невского. Главное здание Свердловского государственного областного историко-краеведческого музея (Зеленая роща)

Собор Александра Невского.
Фрагмент (Зеленая роща)

Свято-Троицкая (Рязановская) церковь.
Ныне Дом культуры «Автомобилист»
(ул. Куйбышева, 57)

Дом священнослужителей
Ново-Тихвинского монастыря
(ул. 8 Марта, 68)

Дом Расторгуева —
Харитонова.
Ныне Дворец пионеров
(ул. К. Либкнехта, 44)

«Дом Малахова».
Копия
(ул. Луначарского, 173а)

Дом главного
горного
начальника.
Ныне областная
больница № 2
(Наб. Рабочей
молодежи, 3)

Фрагмент
бывшей усадьбы
Казанцевых
(ул. Декабристов, 38)

Первая
женская гимназия.
Ныне пединститут
(ул. К. Либкнехта, 9)

Фрагмент здания
первой женской
гимназии

Театр оперы и балета им. А. В. Луначарского

Вторая женская гимназия (пр. Ленина, 13)

Бывший
Окружной суд
(дом Севастьянова)
на пр. Ленина, 35

Панорама
улицы 8 Марта ▶

Бывший дом Ошуркова (ул. Чапаева, 3)

Бывший дом Давыдова (ул. Чапаева, 5)

В городе имелись и любительские театры. Домашний театр Казанцевых существовал с первой половины XIX века. В 1900 году был открыт Народный дом, или Верх-Исетский народный театр, демократичный, доступный любому зрителю. Большое влияние на музыкальную культуру оказал екатеринбургский музыкальный кружок, возникший в 70-х годах прошлого века. При нем имелась и драматическая труппа, одним из руководителей которой был Д. Н. Мамин-Сибиряк. Силами любителей ежегодно ставились две-три оперы, давалось несколько концертов. Были поставлены такие шедевры русской и зарубежной классики, как «Фауст», «Трубадур», «Отелло», «Князь Игорь», «Садко», «Евгений Онегин». Специально для этого кружка было построено здание с концертным залом на Клубной улице (ул. Первомайская), где сейчас находится Свердловское музыкальное училище им. П. И. Чайковского.

Давались в городе и симфонические концерты. Часто они проходили в клубном саду Общественного собрания (сад им. Вайнера). Исполнялись произведения Чайковского, Листа и других выдающихся композиторов.

Строительство нового городского театра явилось крупным событием в культурной жизни Екатеринбурга, а также важным градостроительным мероприятием. Место для театра было выбрано на Дровяной площади (пл. Парижской Коммуны), которая примыкала к Главному проспекту. Это была одна из 14 площадей Екатеринбурга, существовавшая еще с конца XVIII века. Первоначально она использовалась как место для продажи дров, строительного леса.

В 1896 году на площади было сооружено деревянное здание цирка. Оно использовалось не только для цирковых представлений, но и для драматических постановок. В этом здании впоследствии проходили и первые сеансы кинематографа.

Мысль о постройке нового театра возникала у город-

9 Зак. 556

ского правления еще в 80-х годах XIX века, однако в то время не нашлось для этого средств. В начале XX века объявили конкурс на лучший проект театра оперы для Екатеринбурга. Была принята работа петербургского зодчего В. Н. Семенова. Девиз проекта был «Светлана». Впоследствии екатеринбуржцы долгое время так и называли новый театр. В процессе внедрения проект потребовал доработки. Была создана специальная комиссия во главе с архитектором К. Т. Бабыкиным. В нее вошли также инженер Т. Реммельт и скульптор Д. Вейнберг, осуществивший наружную отделку здания. Интерьеры выполнялись по проекту И. Янковского. Здание театра было рассчитано на 1500 мест.

В январе 1910 года была окончательно утверждена смета на строительство, которая выразилась в сумме 300 тысяч рублей. Производство работ взял на себя частный подрядчик на условиях договора с городской строительной компанией.

Строительство театра было отражением новых веяний и требований жизни начала прошлого века. Сам образ здания навеян господствующими в то время идеями — он как бы перекликается с великолепием грандиозного театра в Одессе. Архитектура здания эклектична, но при этом конструктивно-планировочное решение отразило прогрессивные достижения строительной техники начала века. Объем здания выполнен традиционно — из кирпича, но конструкции зрительного зала из нового в то время материала — железобетона. Новое оригинальное конструктивное решение обусловило не только необычную форму зала, но и хорошую акустику.

В октябре 1912 года театр открыл свой первый сезон оперой М. И. Глинки «Иван Сусанин». Связан театр и с революционными событиями. Именно с его сцены 26 октября 1917 года была провозглашена Советская власть в Екатеринбурге. В декабре этого же года открылся первый советский оперный сезон. Зрительный зал и фойе

заполнила новая публнка. 6 ноября 1924 года в зале театра было объявлено о переимеиованин города, который с того момента стал называться Свердловском. В 1924 году в театре выступнл с речью А. В. Луначарский. Его имя носит сегодия Свердловскнй государствеиный академнческий театр оперы и балета.

Дровяная площадь, на которой был выстроен театр, до революцин оставалась неблагоустроенной, только к его входу подвелн каменный тротуар. Величественное здаиие резко контрастировало с окружеинем. Одна из актрнс первой труппы театра М. Ростовская-Ковалевская вспоминнала: «...Новый театр нас глубоко порадовал. Серебристо-серый, он гордо выснлся на большой площадн, и скромные одноэтажиые деревянные особнячки робко отступалн перед инм.»

После революцни Дровяиая площадь получила нмя Парнжской коммуны. 15 июля 1927 года на ней торжественно открылн памятннк Я. М. Свердлову (скульптор М. Я. Харламов). Сейчас площадь окружают современные многоэтажные здання, позадн театра и вокруг памятннка Я. М. Свердлову разбиты скверы.

Театр, который поначалу был удобен для артистов н зрнтелей, со временем перестал удовлетворять возросшнм потребностям. Увелнчнлась труппа театра, изменилнсь требовання к сценнческому оборудованию. Стала остро ощущаться нехватка пронзводственных помещенн̆й. В 50-е годы делалнсь попыткн перестронть зданне, но онн мало что измеинлн.

В 1977 году инстнтуту Свердловскграждаипроект было поручено разработать проект реконструкцнн театра. Творческий коллектнв под руководством заслужениого архитектора РСФСР А. Е. Заславского разработал н осуществнл этот проект. В конце 1982 года здание предстало перед свердловчанамн в обновленном внде. Увеличенне высоты сценнческой коробкн, сооружение боковых крыльев н прнстройка со стороны заднего фасада — все это по-

вляло в целом на объемную композицию здания, однако архитекторы сделали все возможное, чтобы не нарушить общий образный строй театра, максимально сохранить и отреставрировать его старую часть. Увеличение объема сделало театр более сомасштабным современному градостроительному окружению. При этом внешний облик части здания, включающей в себя фойе, вестибюль, кассовый зал, при реконструкции был максимально сохранен, изменена частично лишь внутренняя планировка.

В основу объемной композиции положена симметричная схема с подковообразным зрительным залом, вписанным в объем наружных стен. Форма зрительного зала образована линиями ярусов, он окружен кольцевыми кулуарами для зрителей. Стена здания прихотливо изломана и расчленена выступами. На фоне крупной рустовки выделяются многочисленные декоративные акценты. Главный северный фасад театра, выходящий на проспект с центральным выступом, акцентирующим вход, богато декорирован нарядными балконами с балюстрадами, лепными украшениями, аттиком, завершенным в центре скульптурной группой из трех муз. Лепные детали декорируют все фасадные плоскости, акцентируют сложный ритм стен. Это многочисленные розетки, растительные орнаменты, скульптурные барельефы. Венчающая часть здания украшена балюстрадами с изящными башенками.

В отделке интерьеров здания отразились те же тенденции эклектизма в сочетании с некоторыми композиционными приемами модерна, что выразилось в плавных очертаниях ярусов зрительного зала, в рисунке некоторых элементов декора, решеток перил внутренних лестниц. В процессе реставрационных работ бережно восстановлены и покрыты позолотой лепные украшения интерьеров — плафон на потолке, обрамление портала сцены, оформление ярусов. Восстановлены люстры, светильники, изготовлена новая мебель. Интерьеры являют сегодня всю пышность декоративного убранства театрального здания начала века.

Здание театра — одно из самых значительных сооружений, отразившее эстетические идеалы и передовую конструктивную мысль начала нынешнего века.

Учебные заведения

Во второй половине XIX — начале XX века Екатеринбург все увереннее заявлял о себе как о культурном центре Урала, в этом также было отражено веление времени, новые запросы общества. В 1861 году открылась мужская классическая гимназия. Она расположилась в здании горного училища, первоначально заняв первый этаж, а затем и все здание. Училище же было переведено в примыкающий к Главному горному правлению дом.

В 60-е годы открылась в городе и женская гимназия, которая стала расти довольно быстро и в 1874 году насчитывала 265 учениц. Имелись помимо горного епархиальное и реальное училища, а в начале XX века открылась вторая женская гимназия.

Для новых учебных заведений строились солидные здания, которые выделялись среди рядовой застройки Екатеринбурга. Возводились они, как правило, в так называемом «кирпичном» стиле, который стал не только символом практических устремлений века, но и стилем массового дешевого строительства. Он был чрезвычайно распространен в России того времени, особенно в строительстве казенных зданий — больниц, школ, народных домов, театров, торговых палат, казарм и т. п.

Для первой женской гимназии было выстроено специальное здание на Вознесенском проспекте (ул. Карла Либкнехта, 9). Строение кирпичное, двухэтажное. Композиция главного фасада строго симметрична, по центральной оси находится главный вход, выделенный широким, выступающим вперед крыльцом. Ритмично чередуются высокие арочные окна и простенки, рельефно декорированные кирпичом. На фоне кирпичной пластики фасадов

выделяются белые наличники окон. Богато декорирована венчающая часть карниза с резными орнаментами, башенками, рельефными пилястрами. Подобное здание типично для «кирпичной» архитектуры. В таком же духе была выстроена и вторая женская гимназия (ныне здание Свердловского горного института на ул. Куйбышева). Это кирпичное неоштукатуренное здание, имеющее симметричную композицию и трехчастное членение. Центр выделен не только дополнительным этажом, но и значительным выступом вперед по отношению к линии главного фасада, а также ступенчатым аттиком. Контраст с красно-кирпичными стенами здания составила легкая ажурная решетка чугунной ограды, окружающей здание.

В «кирпичном» стиле, имитирующем готические мотивы, построено здание реального училища на Главном проспекте (ныне музыкальная школа, пр. Ленина, 13). В отличие от двух предыдущих зданий, композиция его асимметрична, что обусловлено угловым положением дома и его Г-образным планом. Вход выделен смещенным с центральной оси ризалитом. Левая часть фасада несколько понижена по отношению к правой и разбита ритмическим рядом прямоугольных оконных проемов. Правая часть декорирована более богато, окна на ней имеют полуциркульное завершение, а также снабжены круглыми проемами над ними. Сложная конфигурация окон, пилястры необычной вытянутой формы, рельефный карниз — все это придает зданию сходство со средневековым замком.

«Романскими» мотивами стилизаторского стиля отмечено здание епархиального училища (Университетский переулок, 9). Это солидное трехэтажное здание с полуподвальным этажом. Объем его П-образный в плане, в какой-то мере приближается к композиции учебных зданий советского периода. Для застройки Екатеринбурга начала века это было довольно крупное строение. Епархиальное училище имело свою церковь, некогда распо-

ложенную в левом крыле. Училище строилось в 1913—1917 годах по проекту екатеринбургского архитектора К. А. Полкова. Выполненное в духе эклектичной архитектуры своего времени, здание тем не менее отмечено хорошим вкусом, что выразилось в масштабе, композиции, в тщательной проработке пластических акцентов. Особую выразительность главному фасаду придает ряд оконных проемов, отмеченных хорошими пропорциями и продуманной декорировкой. Нижний ярус здания — высокий цокольный этаж — облицован гранитом, первый этаж отделан крупным рустом и отделен от второго горизонтальной тягой. Вся верхняя часть стены оставлена в кирпиче и контрастирует с грубой обработкой нижнего яруса, подчеркивая его стабильность и постаментную роль. Это одно из интереснейших казенных зданий Екатеринбурга периода капитализма.

Торговые здания

Традиционно сложившаяся торговая сторона Екатеринбурга продолжала развиваться в этом же направлении и в конце XIX — начале XX веков. Своеобразным торговым центром оставался гостиный двор. Сооружение представляло собой замкнутый прямоугольник с внутренним двором. На этом месте сейчас размещается здание горисполкома.

Успенская улица (ул. Вайнера) во второй половине XIX века окончательно сложилась как главная торговая улица Екатеринбурга. И сегодня она сохраняет это значение. Несмотря на то, что город к концу XIX века значительно разросся и раздвинул свои границы, именно на Успенской улице продолжали возводиться наиболее богатые магазины. Застройка заметно уплотнилась, стала периметральной. Вплотную друг к другу выстроились магазины, лавки, торговые дома, фасады которых образовали сплошной фронт, как бы составленный из отдель-

ных звеньев. Каждое из них отличалось по композиции, стилю, набору архитектурных средств, по видам отделки. Это была типичная застройка капиталистического города и его центральной торговой части. Она хорошо сохранилась по правой стороне улицы Вайнера между улицами Попова и Малышева.

Жилые дома и усадьбы

Жилая застройка города капиталистического периода представлена в основном одно- и двухэтажными особняками, даже трехэтажные здания — редкость. Будучи уже капиталистическим городом, Екатеринбург долгое время оставался сугубо купеческим поселением, уездный его характер отразился и в жилой застройке. Купеческие дома все еще строились с большим размахом, являясь как бы отголоском «золотого века» Екатеринбурга. Только теперь эти здания поражали не совершенством архитектурных форм классицизма, а самым разнообразным и причудливым смешением стилей. Застройка уплотнилась, и при богатых особняках не устраивалось больше обширных садов с прудами и различными садовыми сооружениями. Усадьбы носили уже более компактный характер.

Другие жилища более скромны, в основном это одно-двухэтажные особняки: кирпичные, деревянные, полукаменные, компактные, вытянувшиеся вдоль улиц, разделенные оградами или плотно прижатые друг к другу. Они составили основную застройку центральных улиц и площадей Екатеринбурга, где селились самые состоятельные люди. Простой люд жил, как и прежде, в деревянных избах, построенных на народный лад, с небольшими земельными участками. Эти дома образовывали отдельные поселки-слободки, тяготеющие к заводам и фабрикам и образующие островки в общем море городской застройки.

В Екатеринбурге практически не было построено спе-

циальных многоквартирных «доходных» домов. Однако предприимчивые наследники бывших миллионщиков сдавали богатые жилища своих отцов и дедов внаем под квартиры или в аренду под различные «казенные» учреждения. Так, в доме Севастьянова стал заседать Окружной суд, бывший дом купцов Баландиных стал Общественным собранием и т. п. Новые владельцы богатых особняков стремились приспособить их к своим нуждам, не заботясь о сохранении единства архитектурного облика. Здания перестраивались, достраивались, украшались новым декором. Сегодня на улицах Свердловска можно увидеть немало построек первой половины XIX века, основная часть которых еще сохранила черты классицизма, а остальные фрагменты зданий, декоративная отделка отражают все многообразие эклектики. Такова горная аптека (пр. Ленина, 37 — общество «Знание»), дом Баландиных (угол ул. Карла Либкнехта и Первомайской — театральный институт), дома на площади 1905 года (пр. Ленина, 23, 25 — сберкасса и магазин «Политическая книга») и многие другие.

Начиная с середины XIX века, в Екатеринбурге стали складываться целые комплексы жилых домов, сохранившиеся до настоящего времени. Их можно увидеть сегодня на улицах Чапаева, Декабристов, 8 Марта, Розы Люксембург. Показательна в этом плане застройка улицы Чапаева — бывшей Архиерейской. Эту улицу, протянувшуюся вдоль русла Исети ниже Александровского проспекта (ул. Декабристов), облюбовали для себя богатые купцы новой формации и священнослужители. Она была замощена, хорошо благоустроена и считалась самой красивой в Екатеринбурге. Вереница небольших усадеб с садами, раскинувшимися вдоль берега Исети, образовала как бы обрамление главной композиционной оси центра города. Создание жилого комплекса представительных каменных зданий, еще сохранивших в своем облике черты классицизма, явилось отголоском русского градостроительства

первой половины XIX века в архитектуре капиталистического Екатеринбурга. Позднейшие переделки исказили архитектурно-планировочную структуру усадеб — практически полностью утрачены сады и садовые сооружения. Однако сохранившиеся застройка по красной линии улицы, а также планы кварталов второй половины прошлого века позволяют воссоздать архитектурный облик комплекса.

Все усадьбы, образовавшие комплекс, примыкали друг к другу и отличались компактностью территории, которая, как правило, была вытянута в глубь квартала, что обусловило небольшой по протяженности уличный фронт каждой усадьбы. Дворы с хозяйственными постройками и сады располагались за домом. Сады были раскрыты на реку, которая значительно обогащала их композицию. На берегу были гранитные набережные с балюстрадами и вазами, павильоны, причалы для лодок, купальни.

Наибольший интерес в сохранившемся комплексе представляет отрезок бывшей Архиерейской улицы с домами Нурова, Ошуркова и Давыдова. Он отмечен относительным единством архитектурного облика. Угловой дом усадьбы Нурова (ул. Чапаева, 1) сохранил некоторые черты классицизма, особенно в оформлении глухой ограды, сбегающей к руслу реки. Она отмечена четким ритмом арочных ниш и колонн тосканского ордера. В оформлении фасадов здания уже заметны черты эклектики — лепные наличники, членение стен.

Облик следующего дома (ул. Чапаева, 3) свидетельствует о том, что мотивы классицизма оставались популярными в архитектуре Екатеринбурга второй половины XIX века. Этот дом принадлежал купцу Павлу Ошуркову, одному из трех братьев, организовавших в 1858 году крупный торговый дом «Братья Ошурковы». Строительство и окончательная отделка здания были завершены в 70-х годах прошлого века. Главный фасад двухэтажного особняка с мезонином акцентирован портиком, выступающим за красную линию застройки, образуя проход между массивной

аркадой постамента и стеной дома. Коринфский портик главного фасада, ионические портики боковых фасадов в сочетании с лепными наличниками окон показывают сочетание классицистических и барочных мотивов. Смешение стилей отразилось и в трактовке ворот, поставленных по обе стороны от дома и призванных подчеркнуть ось симметрии главного фасада. Архитектура ворот слева проста, лаконична, типична для классицизма, тогда как ворота справа тяжелы по пропорциям, обильно украшены лепниной и ажурными решетками, носят «барочный» характер.

Ворота и небольшая ограда связывают дом Ошуркова с домом Давыдова (ул. Чапаева, 5). Главный фасад этого двухэтажного с мезонином дома, имеющего объемную композицию, типичную для городского особняка первой половины XIX века, получил пластическую разработку, характерную для эклектизма: массивные пилястры с каннелюрами на центральном ризалите, широкий пояс с меандром над первым этажом, многочисленные лепные украшения в верхней части фасада. Однако обилие деталей искупается их продуманным размещением на поле стены, хорошими пропорциями, тщательностью исполнения. Все это придает дому весьма своеобразный облик.

Подобную интерпретацию объема классицистического особняка с мезонином в сочетании с декором, характерным для второй половины XIX века, можно увидеть в доме архиерея, расположенном в одну линию с домом Давыдова, а также в небольших особнячках Первушиной и Блохиной по Александровскому проспекту, входящих в рассматриваемый комплекс купеческих усадеб (ул. Декабристов, 34, 40). Каждый из этих особняков не отличается высокими художественными качествами архитектуры, но тем не менее интересен индивидуальностью облика, тщательной продуманностью распределения пластических акцентов на фасадах. Истинным украшением домов являются балконы на изящных кованых кронштейнах, с ажурными металлическими решетками, акцентирующие центральную ось.

В комплекс усадеб на пересечении Архиерейской улицы и Александровского проспекта вошли и более ранние постройки, относящиеся к первой половине XIX века — два дома-усадьбы Казанцевых (ул. Декабристов, 36, 38). Один из них трехэтажный, другой — в два этажа. Немногосложность и простота архитектуры этих домов, умело найденные пропорции, тактичная декорировка связывают их единством стиля. Трактовка оград и ворот между ними свидетельствует о мастерстве зодчих, сумевших элементами малых форм связать разные по масштабу и силуэту здания.

Все эти городские усадьбы представляют большую ценность, как своеобразный уголок старого Екатеринбурга, который показывает высокий уровень мастерства екатеринбургских зодчих. Комплекс органично дополняет мост, перекинутый через Исеть, а также несколько зданий, построенных в духе эклектизма.

Во второй половине XIX — начале XX века в Екатеринбурге строились жилые дома в самых различных стилях, однако еще часто использовалась классицистическая схема особняка с мезонином. Очень показательно в этом плане здание на бывшей Кафедральной площади (пр. Ленина, 23, 25), в котором размещается сейчас сберкасса и магазин «Политическая книга»,— своеобразный архитектурный парадокс, иллюстрирующий сложный период развития русской архитектуры второй половины XIX века.

Это, по существу, два здания, сблокированных в одно. Композиционная схема каждого из домов типично классицистическая — двухэтажный особняк с ярко выраженной осью симметрии, подчеркнутой мезонином. Особняк слева (пр. Леина, 23) сохранил не только эту схему, но и декоративное убранство фасадов, выдержанное в духе классицизма, с изящными розетками, модульонами, полуколоннами коринфского ордера в обрамлении оконных проемов. Длинный балкон, поддерживаемый кованымн металличе-

скими кронштейнами, обнесенный решетками с изящными столбиками, придает зданию чисто уральский колорит. Судя по старым фотографиям, здание справа (пр. Ленина, 25) имело прежде аналогичное архитектурное убранство, однако в конце XIX века было оформлено в духе эклектизма. По всему главному фасаду, а также и по боковому, выходящему на площадь, были надстроены усложненных форм карнизы, парапеты, башенки, витые декоративные колонны, розетки, стрельчатые арочки в духе готики.

Другим примером использования объемной композиции особняка периода классицизма в архитектуре второй половины XIX века является дом Поклевского-Козелл на Покровском проспекте (ул. Малышева, 46). Владелец его — миллионер-промышленник, один из богатейших представителей екатеринбургской знати, построил свое жилище с большим размахом. Это солидный каменный двухэтажный особняк с мезонином. Объемная композиция здания с четко выраженной осью симметрии отмечена простотой и ясностью, свойственной классицизму. Отделка фасадов при этом характеризуется измельченностью штукатурного декора. Все поле стены расчленено грубой рустовкой, наличниками окон, поэтажными тягами, лопатками, сложными профилями карнизов. Мезонин завершен ступенчатым аттиком, центр которого акцентирован массивной круглой розеткой. Такие же розетки включены в лепной декор парапетов, венчающих боковые крылья здания. В доме хорошо сохранилась отделка интерьеров некоторых комнат, лепнина на потолке, угловые камины.

Интересную интерпретацию объемно-планировочной схемы классицистического наугольного дома с угловой ротондой представляет собой дом Севастьянова на углу Главного проспекта и Тарасовской улицы (пр. Ленина и ул. Горького). В настоящее время здесь размещается облсовпроф. Дом, построенный по проекту екатерин-

бургского архитектора А. И. Падучева,— показательный пример архитектурного направления второй половины XIX века. Классицистическая схема здания получила развитие и образное воплощение в духе стилизации готических мотивов. Угловая ротонда подчеркивает наугольный характер дома, а главный и боковой фасады получили одинаковую по насыщенности пластическую разработку, в которой использованы самые разнообразные лепные украшения, придавшие зданию вид какого-то сказочного дворца или замка. Бывший дом Севастьянова — один из самых ярких образцов архитектуры второй половины XIX века в Екатеринбурге.

Рядом с домом Севастьянова раскинулась усадьба Тарасова, от которой до настоящего времени сохранилась лишь часть построек — главный двухэтажный дом, одноэтажный флигель, каменная ограда с воротами. В архитектуре этой усадьбы, особенно в оформлении ворот, в композиции фасадов зданий, еще видны отголоски классицизма, но в целом фасады здания обильно украшены штукатурным декором и лепниной. Эта усадьба уже не так велика, как городские усадьбы Екатеринбурга первой половины XIX века,— при ней имелся только небольшой сад позади дома, а также несколько хозяйственных построек во дворе.

Целая вереница таких домов с небольшими садиками при них вытянулась вдоль улицы Златоустовской (ул. Розы Люксембург). Эта улица интересна тем, что она почти полностью сохранила свой первоначальный облик и дает представление о жилой застройке Екатеринбурга второй половины XIX — начала XX века. Дома стоят либо вплотную друг к другу, либо разделены вставками оград и воротами. Фасады зданий образуют почти сплошной фронт по красной линии улицы. Все хозяйственные постройки и небольшие сады расположены за домами, дворовые пространства, как правило, не видны за массивными каменными, металлическими или деревянными

оградами. Самые различные стили, используемые архитектурой эклектизма, можно увидеть в пестрой картине застройки этой улицы. В некоторых домах еще видны черты классицизма в решении фасадов, но с явными чертами эклектики — членениями, пилястрами, богатыми наличниками, лепными орнаментами. Встречаются мотивы барокко, готики, модерна, восточной и древнерусской архитектуры. Разнообразны строительные материалы, отделка зданий. Помимо традиционной штукатурки фасады нередко оставлены в кирпиче, из которого выложены детали — пилястры, русты, наличники и т. п. Деревянные здания украшены резьбой. Стены каменных зданий или оштукатурены, или выложены из красного кирпича, или облицованы глазурованной плиткой, гранитными блоками.

Многие, даже малопримечательные дома украшены традиционными уральскими коваными или литыми решетками, что остается самобытной чертой архитектуры Екатеринбурга. Применение художественного металла весьма разнообразно — это кровельные и балконные решетки, отлитые из чугуна ворота, ручки дверей и калиток, столбики, поддерживающие козырьки над крыльцами, ступени крылец, кронштейны и т. п. То там, то здесь привлекает внимание затейливое крылечко под шатром, балкон на фигурных кронштейнах с решетками и витыми колонками, резные наличники, карнизы, входные двери, сплошь украшенные объемной резьбой. Сохранились и элементы благоустройства улицы — массивные гранитные плиты тротуаров, круглые каменные тумбы. Все это придает неповторимый колорит и своеобразие старинной улице уральского города.

В сохранившейся застройке улицы Розы Люксембург особенно замечателен дом № 56. Это бывший дом Железновых, построенный в конце XIX века архитектором Ю. И. Дютелем. Здание выполнено в псевдорусском стиле. Кирпичная кладка служит не только конструк-

тивным, но и декоративным материалом. Из фигурного кирпича выложены декоративные детали здания, имитирующие местами даже деревянную резьбу. Дом напоминает древнерусские хоромы. Образу здания соответствует и его объемная композиция. Единый объем имитирует за счет различных башенок и надстроек живописную попалатную группировку масс, свойственную хоромному строительству. Впечатление сочетания разных объемов усиливается силуэтом здания, отдельные части которого перекрыты по-разному: наряду с обычными скатными кровлями применены крыши-палатки, крыши-шатры. Центральный вход выделен массивной, богато декорированной башней, увенчанной граненым конусообразным шатром. Высокое каменное входное крыльцо заглублено внутрь башни, перекрыто фигурной аркой и декорировано резными гранитными столбами. В духе архитектуры здания сделана и ограда — частично глухая, выложенная из кирпича, частично — с кирпичными устоями и ажурной решеткой между ними. Ограда окружает дом и небольшой сад за ним. В доме частично сохранилась внутренняя отделка — фигурные печи, богатая лепнина на потолке и стенах залов, даже старинные зеркала и мебель. Дом Железнова, безусловно, самый яркий образец псевдорусской кирпичной архитектуры в Екатеринбурге конца прошлого века.

Интересный уголок старого Екатеринбурга сохранился на улице 8 Марта, между улицами Радищева и Малышева. Он демонстрирует в почти первозданном виде типичный фрагмент застройки капиталистического уездного города. Уктусская улица была одной из самых длинных в Екатеринбурге. Начиналась она у излучины городского пруда, а заканчивалась в районе нынешней улицы Щорса. Это была традиционно коммерческая улица. На ней размещались различные конторы, лавки, склады и прочие заведения, а также и купеческие жилые дома. Здания самого различного назначения стоят здесь почти вплотную друг к другу, образуя сплошную периметральную застройку.

Облик их самый разнообразный являет ту самую «физиономию реформированного города», которую подметил Д. Н. Мамин-Сибиряк.

Среди застройки улицы особо выделялись два здания — особняк Борчанинова (ныне дом № 18) и здание казначейства (угол ул. 8 Марта и ул. Радищева). Особняк Борчанинова — типичный образец богатого купеческого дома второй половины XIX века. Главный фасад кирпичного оштукатуренного здания обильно декорирован лепными украшениями. Вход акцентирован скульптурой в виде двух атлантов, поддерживающих козырек.

Привлекательный затейливый дом — бывшее здание уездного съезда и казначейства. Наугольный его характер подчеркнут объемной композицией. Здание Г-образное в плане. Угол акцентирован башенкой и размещением главного входа с угла. Композиция обоих фасадов идентична, лишена строгой симметрии и отмечена использованием декоративных мотивов барокко. Основными пластическими акцентами фасадов являются три выступа, богато орнаментированные и украшенные различными лопатками, пилястрами, столбиками, расчленяющими поле стены. Живописность силуэту придают башенки-купола, крытые железом «под лемех». Растительные мотивы по фризу, фигурные полуциркульные окна, башенки со шпилями — все это придает зданию веселый праздничный облик.

По этому типу в Екатеринбурге были построены многие жилые дома. Они не повторяют в целом композиции дома казначейства, но богатая орнаментировка оштукатуренных стен в стиле барокко, акцентирование углов башенками-куполами, крытыми фигурным железом, полихромия фасадов — все это не раз можно увидеть на старинных улочках Свердловска.

Модерн как новый стиль XX века нашел отражение лишь в отдельных постройках Екатеринбурга, не получив большого распространения в архитектуре уральского города. В жилых домах отдельные приемы этого стиля, как

правило, соединялись с эклектичным смешением других стилей — это было проявление стилизаторского модерна. Отдельные черты его прозвучали в облике здания аптеки на улице Пушкинской, дома на улице Карла Либкнехта, 3, в архитектуре перестроенного позднее здания на улице Малышева, 37, в декорировке фасада на улице Розы Люксембург, 34, примечательного отделкой гранитом и глазурованной керамической плиткой.

Своеобразно проявление модерна и в деревянной архитектуре Екатеринбурга.

Деревянное зодчество

Деревянное зодчество второй половины XIX — начала XX века — одно из самых ярких явлений в русской архитектуре того времени. Этот демократичный вариант «русского» стиля был широко распространен в Екатеринбурге. Деревянные здания составляли основную массу застройки уральского города, так как дерево — материал в высшей степени гигиеничный и податливый в обработке, а также сравнительно дешевый — было наиболее доступным и давало большие возможности для образования сложных форм, свойственных стилизаторской архитектуре.

Часто в Екатеринбурге воздвигались дома, у которых первый этаж либо цоколь выкладывался из кирпича, а вся верхняя часть была деревянной. Такой прием был весьма практичен — низ дома получался несгораемым, а также хорошо предохранял верх от гниения. В городе были построены самые разнообразные типы таких полукаменных жилых особняков — едва ли можно найти похожие друг на друга. Дерево давало большие возможности для создания различных вариантов домов, начиная от традиционно симметричных объемов с мезонинами и кончая живописными асимметричными композициями.

Деревянные строения были подчинены общей тенденции плотной поквартальной застройки. Деревянные

и полукаменные здания очень богато декорировались в духе архитектурных идей своего времени. Для художественного оформления фасадов широко использовалась прорезная деревянная резьба, производство которой было в то время поставлено на промышленную основу. Предприятия, выпускавшие деревянные строительные детали, изготавливали также и узорчатую пропильную доску, которая стала основным материалом для декоративного оформления фасадов. Определенный ассортимент готовых деталей позволял составлять самые различные композиции для декорирования фризов, карнизов, подзоров кровли, для украшения оконных и дверных проемов, ворот, балконов, парадных крылец. Деревянный декор создавал индивидуальный эстетический облик здания.

Все, что было свойственно русской архитектуре того времени, нашло отражение в деревянном зодчестве Екатеринбурга. Архитекторы, работавшие в области деревянного строительства, вдохновлялись господствующими в то время эстетическими идеалами «русского» стиля. Во многом шли они от внешней декоративной формы, от отдельных элементов и деталей, однако часто обращались и к традиционной схеме крестьянской избы, претворяя ее в городском доме. Деревянные и полукаменные постройки конца XIX— начала XX века, отмеченные яркой характерностью и индивидуальностью облика, составляют сегодня неотъемлемую часть архитектурного наследия Свердловска.

Немало любопытных деревянных зданий сохранилось в кварталах между городским прудом, улицей Челюскинцев и проспектом Ленина. Это было прежде настоящее купеческое гнездо, даже улицы назывались по фамилиям купцов — Фетисовская, Ломаевская, Коковинская, Усольцевская... На улице Сакко и Ванцетти сохранились дома бывшей усадьбы Агафуровых, обосновавшихся в Екатеринбурге в 70-х годах прошлого века. Дома были построены, очевидно, с большим размахом, даже

сегодня поражает их укрупненный масштаб, казалось бы вовсе и несвойственный деревянному жилому дому.

Один из домов усадьбы (ул. Сакко и Ванцетти, 28) носит ярко выраженный наугольный характер и акцентирует перекресток улиц. Это грандиозный рубленый двухэтажный дом на высоком каменном цоколе. Купеческий размах виден во всем — в размерах здания, в богатой декоровке, отмеченной, правда, несколько грубой проработкой. Угол постройки акцентирован выступом стены и завершением в виде высокой четырехгранной шатровой башенки, крытой железом «под лемех». На фоне бревенчатых стен выделяются большие окна, украшенные пропильной резьбой, такая же резьба декорирует карниз кровли, проходит по верху стены в виде фриза. Со стороны южного фасада выступает просторная остекленная веранда, а главным акцентом восточного фасада является крупномасштабный фронтон, богато декорированный резьбой, изображающей растительные мотивы. Распределение пластических акцентов, выразительный силуэт здания, его богатая декоровка — все это создает имитацию какого-то древнерусского терема.

Несколько иной характер носит другой дом усадьбы (ул. Сакко и Ванцетти, 24). Это образец ярко выраженной деревянной эклектики. В архитектуре дома причудливо переплелись русские, готические и восточные мотивы. Просторный двухэтажный дом состоит как бы из двух частей, образующих строго симметричную композицию объема, с углами, акцентированными одинаковыми трехгранными эркерами на уровне второго этажа. Под ними находятся парадные входы с крыльцами, крытыми металлическими козырьками на изящных кованых кронштейнах. Ось симметрии объема подчеркнута на крыше невысокой, но весьма характерной бочкообразной башенкой в каком-то «мавританском» стиле. С южной и северной сторон здания по второму этажу протянулись две террасы со сплошным остеклением, состоящим из одн-

иаковых окон сложной арочной формы. Эти окна прежде были застеклены цветиыми желтыми и синими стеклами, что в сочетаиии со стрельчатыми арками проемов усиливало восточный колорит здания. В таком же духе выдержаны и элементы декора фасадов, украшеииых накладиой резьбой и необычными для уральской архитектуры мотивами звезд и полумесяцев.

Контраст составляет дом, стоящий напротив через улицу,— интерпретация традициоиной композиционно-функциоиальной схемы русской избы, правда в иесколько укрупненном масштабе. Это вариаит симметричного объема с мезоииом. Мезоиин построен и перекрыт крупиомасштабиым фронтоном, богато декорированным объемной резьбой. Вдоль мезонина протянулся балкон с резными деревянными перилами. Вход смещен с центральной оси и акцеитирован парадным крыльцом под шатром. В общий фасадиый фронт включена и ограда с массивиыми, истинио «купеческими» воротами. Крупные членения фасада, открытый сруб, добротно выполиеииый декор из пропильной доски — все это создает впечатление солидиой русской избы, перенесенной в городскую застройку.

Асимметричные композиции фасадов встречаются не только в наугольных постройках, но и в зданиях, стоящих среди рядовой застройки улицы. Таким примером может служить дом иа улице Толмачева, 24 (бывшей Колобовской), построеиный архитектором Ю. И. Дютелем в иачале XX века. Объемная композиция этого здания живописна и образоваиа сложиым ритмом выступающих и западающих поверхностей стен, создающих имитацию «хоромности» компактного здания. Главный, западиый фасад, асимметричен. Асимметрия его подчеркиута смещением входа к углу здания. Вход акцеитироваи козырьком иад дверью и куполообразиой башенкой со шпилем и круглыми окошками. Оконные проемы различных пропорций образуют сложный ритмический ряд по главному фасаду. Живописиость силуэта обусловлена

тем, что верхний этаж по площади меньше нижнего и играет как бы роль мезонина, перекрытого плоской шатровой кровлей. Со стороны южного фасада выступает остекленная веранда, придающая зданию какой-то южный колорит.

Один из ярких образцов деревянной архитектуры Екатеринбурга — дом по улице Мамина-Сибиряка, 181 (бывший дом Филитц) — еще один вариант асимметричной композиции наугольного дома, созданной архитектором Ю. И. Дютелем. Дом, акцентирующий перекресток, имеет Г-образную форму, угол его выделен изящной башенкой под шатровой кровлей, а также просторным остекленным эркером. Со стороны южного фасада находится парадный вход с высоким крыльцом, мраморные ступени которого переходят органично в гранитные плиты мощения двора. Во всем видна логичность построения объемной композиции и тактичное применение декоративных элементов, соответствующих традиционной схеме русского народного зодчества. Дом окружен палисадником, обнесенным кованой оградой с крупными звеньями. Выдержанный в лучших традициях национальной архитектуры, в сочетании естественных материалов — дерева, гранита, ажурного кружева декоративных решеток,— он создает впечатление удивительно уютного городского жилища, в котором удобство планировки сочетается с изящной прихотливостью внешнего облика.

В Свердловске сохранилось еще немало прекрасных образцов деревянной архитектуры рубежа XIX—XX веков, они придают особое очарование исторической застройке города. В силу своей недолговечности «терема» требуют пристального внимания с целью их дальнейшего сохранения и использования.

Фрагменты застройки капиталистического Екатеринбурга весьма разнообразны — от роскошных купеческих хором до скромных домишек мастеровых, от промышленных сооружений в виде средневековых замков до непритязатель-

ных кнрпнчных казенных зданнй, от аляповатых лавок до нзящных шатров деревянных теремов. Все контрасты города отразились в его застройке — до самой революцнн он оставался малоблагоустроеиным уездным городом, в котором ннкак не решались миогне проблемы городского хозяйства. И все же регулярная планнровка, нспользованне рельефа н зеленн, связь с водиой гладью пруда и рекой, удачная постановка нанболее выдающнхся построек, обеспечивающая их эффектное восприятие,— все это ставнло Екатерннбург в разряд краснвейшнх· городов Росснн.

Заключение

На многие километры раздвинулись границы современного Свердловска, за пределы старого Екатеринбурга шагнули новые районы, кварталы жилых домов, корпуса заводов-гигантов, составивших славу отечественной индустрии. Широко раскинулись просторные площади, взметнулись в небо громады из стекла и бетона, протянулись нити скоростных магистралей. Прежние окраины города стали его центром. Жизнь диктует новые требования — в новом социалистическом городе, названном именем Я. М. Свердлова, развернулось строительство, которое немыслимо было в дореволюционном Екатеринбурге.

Новые идеи молодой советской республики нашли отклик в архитектуре Свердловска 20—30-х годов. Годы первых пятилеток оставили городу много памятников советской архитектуры периода конструктивизма. Строились соцгородки при заводах, кварталы жилых домов нового быта с блоками первичного обслуживания, дома-коммуны, рабочие клубы, учебные заведения, больницы, спорткомплексы и многое другое. В этих сооружениях уже зримо читались черты нового города, подхваченные сегодняшней архитектурой Свердловска.

Однако с каждым этапом строительства город терял многие характерные исторические черты старого Екатеринбурга. С уничтожением культовых зданий была утрачена система градостроительных доминант, акцентировавших главные архитектурно-планировочные узлы городского центра. До сих пор современная архитектура не сумела восполнить эту потерю. Снос кварталов рядовой застройки не прибавил красоты и значимости отдельным памятни-

кам архитектуры. Вырванные из привычной среды, они во многом потеряли былое градоформирующее значение. Не удалось сохранить многие постройки уникального производственного комплекса, составлявшего некогда центр Екатеринбурга. На привычном месте старой улочки взгляд уже не обнаружит затейливо украшенного особняка, ворот, старинной ограды, исчезают гранитные плиты мостовых... Можно лишь сожалеть об утраченном, вернуть все это уже невозможно. Ошибок совершено немало. Однако книга — не газетная статья, призванная гневно обличить виновников содеянного. Ее цель — показать читателю ту архитектуру старого Екатеринбурга, которая жива и сегодня. Прекрасные и простые, представительные и скромные старинные здания — живое свидетельство нашей истории, творчества народа, то наследие, которое необходимо не только охранять, но и делать все возможное, чтобы оно органично вошло в сложную градостроительную структуру крупного индустриального города.

В последние годы заметно активизировались работы по реконструкции центра Свердловска. Реализация генерального плана выдвинула целый ряд проблем. Сегодняшний день потребовал нового подхода к решению градостроительных задач. Обсуждение проектов отдельных планировочных узлов центра, многочисленные выступления в печати, открытые дискуссии — все это позволило привлечь широкие круги общественности к поиску разумных путей сохранения исторического своеобразия центра в процессе его реконструкции.

В настоящее время разрабатывается историко-опорный план центра города, основанный на комплексном исследовании сохранившихся сооружений прошлого. Ведется большая работа по паспортизации и учету памятников архитектуры. Составление историко-опорного плана должно стать основой для реконструкции исторической застройки с тем, чтобы она не только не утратила своего своеобразия, но и была бы обогащена новым социальным содержанием.

Каким станет центр Свердловска — покажет время. Только совместные усилия архитекторов, историков, художников, строителей, общественности города могут обеспечить успешное решение благородной задачи — создания качественно новой системы центра, в которой еще большее звучание приобретут исторические черты уральского города, его самобытность.

Ушел в прошлое бойкий горный город, из которого вырос современный Свердловск. Но он остался, этот старый Екатеринбург — город Татищева, Мамина-Сибиряка, Бажова; он всегда с нами — в зданиях и исторических местах, связанных с памятными событиями, в тихих улочках, в причудливых башенках и колоннадах, в ажурной резьбе деревянных домов, в арках каменных мостов, в вечном беге Исети там, где она обрушивается с уступа плотины — первого сооружения города.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ АРХИТЕКТУРНЫХ ТЕРМИНОВ

Абак, абака — верхняя плита капители (абаковый камень).

Антаблемент — верхняя горизонтальная часть архитектурного ордера, опирающаяся на колонны или пилястры. Состоит из трех основных частей: архитрава, фриза и карниза.

Анфилада — ряд помещений, расположенных по одной оси и соединенных друг с другом дверями.

Арка — конструктивный и одновременно архитектурный элемент перекрытия, имеющий изогнутую, криволинейную форму.

Аркада — ряд арок, опирающихся на пилястры или колонны.

Архивольт — криволинейная тяга, обрамляющая лицевую поверхность арки.

Аттик — невысокая каменная стенка над карнизом. Обычно акцентирует центральную часть фасада здания. Может иметь прямую, ступенчатую или криволинейную форму.

База — нижняя опорная часть колонны, полуколонны, пилястры.

Балюстрада — сквозное ограждение балконов, галерей, лестниц, крыш в виде перил.

Балясина — небольшие фигурные столбики, поддерживающие перила балконов, лестниц, оград и т. п.

Барельеф — низкий рельеф. Части его выступают над основной плоскостью менее чем на половину своего объема. Барельеф может быть тематическим или орнаментальным.

Генплан — генеральный план. Общий план города или отдельных его частей, а также участков местности со схематическими изображениями в заданном масштабе зданий, улиц, зеленых массивов и т. п. Основной градостроительный документ, определяющий направление развития и реконструкции города на определенный период.

Дорический ордер — античный архитектурный ордер, отличающийся наиболее тяжелыми пропорциями и имеющий сравнительно простую капитель, состоящую из круглой подушки — эхина и вышележащей плиты — абаки.

Интерьер — архитектура внутренних помещений здания.

Интерколюмний — промежуток между двумя колоннами.

Ионический ордер — античный архитектурный ордер, более легкий по сравнению с дорическим. Ионическая колонна имеет характерную капитель, образуемую двумя спиральными волютами.

Каннелюры — вертикальные желобки на стволе колонны или пилястры.

Капитель — верхняя часть колонны или пилястры.

Карниз — выступающий вперед край крыши. Верхняя часть антаблемента.

Кессоны — небольшие углубления на поверхности потолка или свода, имеющие обычно прямоугольную форму.

Колонна — архитектурно обработанный круглый в сечении опорный столб, состоящий из ствола, базы (внизу) и капители (вверху).

Колоннада — ряд колонн, поддерживающий антаблемент.

Консоль — выпущенная из стены балка или камень для поддержания карниза, балкона и т. п.

Контрфорс — вертикальный выступ стены, противодействующий силе распора.

Коринфский ордер — ордер античной архитектуры, самый легкий и изысканный по пропорциям. Коринфская колонна имеет высокую корзинкообразную капитель, украшенную листьями аканта.

Кронштейн — подпора, выпущенная из стены для поддержания какой-либо выступающей части — карниза, балкона, скульптуры.

Купол — свод, образуемый путем вращения кривой вокруг вертикальной оси.

Мезонин — жилая надстройка над средней частью дома.

Модульон — архитектурная деталь в виде небольшого кронштейна, поддерживающего обычно карниз.

Наличник — обрамление дверного или оконного проема.

Ордер — архитектурно-художественная система стоечно-балочной конструкции, состоящая из несущих элементов (колонны, пилястры) и несомых (антаблемент). В классической архитектуре различают ордеры: тосканский, дорический, ионический, коринфский и композитный (сложный).

Пандус — наклонная плоскость, заменяющая лестницу.

Павильон — небольшое сооружение обычно паркового характера.

Парапет — невысокая стенка, применяющаяся для ограждения крыш, террас площадок.

Полуколонна — колонна, выступающая из стены по всей высоте на половину диаметра.

Пилястра — прямоугольный в плане выступ на стене здания, обработанный в виде колонны с базой и капителью.

Плафон — поверхность потолка.

Портик — выступающая перед фасадом открытая галерея, состоящая из колонн, на которые опирается антаблемент и фронтон.

Пьедестал — подножие, основание колонны или пилястры, скульптуры, вазы.

Ризалит — часть здания, выступающая за основную линию фасада.

Ротонда — круглое здание, перекрытое куполом.

Руст (рустовка) — способ обработки стены большими прямоугольными камнями или их имитацией в штукатурке.

Сандрик — небольшое архитектурное украшение в виде карниза над дверным или оконным проемом.

Тимпан — основная, западающая вглубь часть фронтона, обрамленная со всех сторон карнизом.

Трехчетвертная колонна — колонна, выступающая из массива стены на три четверти своего диаметра.

Тяга — тонкий горизонтальный выступ на стене.

Фасад — внешний вид, внешняя поверхность наружных стен здания.

Фриз — средний из трех главных элементов антаблемента: скульптурная или живописная композиция по верху стены.

Фронтон — верхняя часть фасада или портика в виде плоского треугольника.

Цоколь — нижняя часть здания в виде невысокой, выступающей вперед горизонтальной полосы, располагающейся непосредственно над землей.

Энтазис — легкая припухлость колонны (примерно на 1/3 ее высоты).

Эхин — нижняя часть дорической капители в виде плоской круглой подушки.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ГАСО — государственный архив Свердловской области
ГАЧО — государственный архив Челябинской области
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив Ленинграда
СГОИКМ — Свердловский государственный областной историко-краеведческий музей

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мамин-Сибиряк Д. Н. Город Екатеринбург // Екатеринбург.— Екатеринбург: Изд-во Симонова, 1889.— С. 52—53.

2. Пилявский В. И., Тиц А. А., Ушаков Ю. С. История русской архитектуры.— Л.: Стройиздат, 1984.— С. 331.

3. Иконников А. В. Искусство, среда, время.— М.: Сов. художник, 1985.— С. 133.

4. Шквариков В. А. Планировка городов России XVIII — начала XIX в.— М.: Изд-во Акад. архит., 1939.— С. 73.

5. ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 5-а, л. 78.

6. Мамин-Сибиряк Д. Н. Указ. соч.— С. 3.

7. Горный журнал.—1826.— Кн. V.— С. 108.

8. Геннин В. И. Описание уральских и сибирских заводов. 1735.— М.: История заводов, 1937.— С. 740.

9. Очерки истории Свердловска.— Свердловск: Кн. изд-во, 1958.— С. 24.

10. Геннин В. И. Указ. соч.— С. 131.

11. Горловский М. А. Екатеринбургский завод в 30-х — начале 40-х годов XVIII века // Ученые записки УрГУ им. А. М. Горького.— Вып. 16.— С. 56—74.

12. Алферов Н. С. Зодчие старого Урала. Первая половина XIX века.— Свердловск: Кн. изд-во, 1960.— С. 15.

13. Алферов Н. С. Указ. соч.— С. 155.

14. Грабарь И. Э. История русского искусства. Т. III.— М.: Изд-во Кнебель.— С. 35.

15. ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 52, л. 69.

16. ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 70, л. 150—151.

17. Мамин-Сибиряк Д. Н. Указ соч.— С. 12.

18. ГАСО, ф. 25, оп. 2, д. 7673.

19. Алферов Н. С. Указ. соч.— С. 193.

20. ГАСО, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 44, с. 35, 37, 97.

21. Очерки истории Свердловска.— Свердловск, 1958.— С. 30.

22. Герман И. Описание заводов, под ведомством Екатеринбургского горного начальства состоящих.— Екатеринбург.— 495 с.

23. Мамин-Сибиряк Д. Н. Указ. соч.— С. 35—36.

24. Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 3.— С. 485.

25. Чупин Н. К. Полуторастолетие Екатеринбурга (1723—1873) // Сборник статей, касающихся Пермской губернии.— Пермь, 1882.— С. 1—36.

26. Очерки истории Свердловска.— Свердловск, 1958.— С. 53.
27. ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 220, ф. 35, д. 441.
28. Весновский В. А. Весь Екатеринбург.— Екатеринбург: Изд-во Весновского, 1903.— С. 13.
29. ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 696, д. 102, л. 85—85-об.
30. Мамин-Сибиряк Д. Н. Приваловские миллионы.— Соч. в 10-ти т.— М.: Правда, 1958.— Т. 2.— С. 132.
31. Ленин В. И. Поли. собр. соч.— Т. 3.— С. 488.
32. Мамин-Сибиряк Д. Н. Пир горой.— Соч. в 10-ти т.— М.: Правда, 1958.— Т. 5.— С. 184.
33. Весновский В. А. Указ. соч.— С. 9.
34. ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 1876, л. 115—118.
35. ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 13, д. 115, 1816—1834 гг., л. 1—1-об.
36. Там же.
37. ГАСО, ф. 133, д. 4485, Л.: 1807—1830 гг., л. 37-об.
38. Там же.
39. Горловский М. А. Горный город Екатеринбург. 1807—1863. Краткий очерк.— Свердловск: УрГУ им. А. М. Горького, 1948.— С. 24.
40. ЦГИАЛ, ф. 485, оп. 5, д. 885, первое Полное Собрание законов, № 2697.
41. Горловский М. А. Указ. соч.— С. 24.
42. Горловский М. А. Указ. соч.— С. 27.
43. ГАСО, ф. 133, д. 2669, 1845 г., л. 4041.
44. Грабарь И. Э. Указ. соч.— С. 48.
45. ГАСО, ф. 33. оп. 1, д. 35, ф. 25, оп. 1, д. 2111, л. 69, д. 2133, л. 33.
46. Мамин-Сибиряк Д. Н. Город Екатеринбург // Екатеринбург, 1889.— С. 34.
47. Бабыкин К. Т. Из истории архитектуры Екатеринбурга — Свердловска // Материалы первой научной конференции по истории Екатеринбурга — Свердловска.— Свердловск, 1947.— С. 163.
48. Усадьба Зотова не сохранилась. На ее месте находится Свердловский сельскохозяйственный институт.
49. Горловский М. А. Указ. соч.— С. 64.
50. ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 99, 1847—1856 гг., л. 3—3-об.
51. Горловский М. А. Указ. соч.— С. 61.
52. Бердников Н. Н. Город в двух измерениях.— Свердловск: Сред. Урал. кн. изд-во, 1979.— С. 75.
53. ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 44, с. 70—72.
54. ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 44, с. 78.
55. Там же, д. 408-б, л. 2—3.
56. ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 2133, л. 254.
57. ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 2144, л. 7—10-об, 29.
58. Берсенева А. В. Городские усадьбы Екатеринбурга // Урал.— 1973.— № 10.— С. 119—125.

59. ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 763, с. 497, 524.
60. Мамин-Сибиряк Д. Н. Приваловские миллионы.— Соч. в 10-ти т.— М.: Правда, 1958.— Т. 2.— С. 123.
61. ГАЧО, ф. 172, оп. 1, д. 722, л. 95.
62. Дворец-легенда: История Харитоновского дома в Свердловске // Уральский следопыт.— 1959.—№ 6.— С. 30.
63. Мамин-Сибиряк Д. Н. Указ. соч.— С. 123.
64. Мамин-Сибиряк Д. Н. Указ. соч.— С. 132.
65. Бабыкин К. Т. Указ. соч.— С. 164.
66. Там же.— С. 163.
67. ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 583, л. 474.
68. ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 1371, л. 177—177-об.
69. ГАСО, ф. 35, оп. 1, д. 2392, л. 296.
70. ГАСО, ф. 8, оп. 2, д. 2—5.
71. ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 2133, л. 63.
72. ГАСО, ф. 8, оп. 1, д. 583, л. 650.
73. Бабыкин К. Т. Указ. соч.— С. 12.
74. Козлов А. Г. По проекту Малахова // Урал. рабочий.— 1978.— 27 авг.
75. Мамин-Сибиряк Д. Н. Город Екатеринбург // Екатеринбург, 1889.— С. 39.
76. Мамин-Сибиряк Д. Н. Город Екатеринбург // Екатеринбург, 1889.— С. 54.
77. Очерки истории Свердловска.— Свердловск, 1958.— С. 100.
78. Очерки истории Свердловска.— Свердловск, 1958.— С. 109.
79. ГАСО, ф. 62, оп. 1, д. 537, л. 34—39.
80. Бердников Н. Н. Город в двух измерениях.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1979.— С. 69.
81. Мамин-Сибиряк Д. Н. Указ. соч.— С. 53.
82. Бердников Н. Н. Указ. соч.— С. 98.

Главный проспект.
Фото 1880-х гг.
(пр. Ленина)

Вид на городской пруд
с Вознесенского холма
(Комсомольская пл.)

Панорама Екатеринбурга. Фото В. Метенкова. 1903 г.

Общий вид промышленной выставки 1887 г. (Исторический сквер)

Покровский проспект. Фото 1880-х гг. (ул. Малышева)

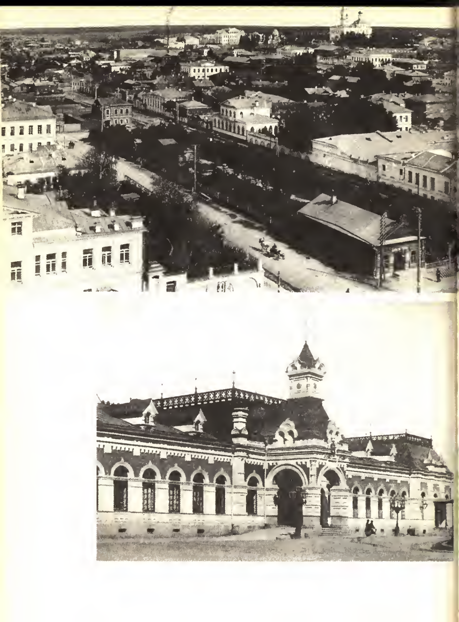
Вид на городской пруд.
Фото 1880-х гг.

Западная часть
Покровского проспекта.
Фото 1880-х гг.
(ул. Малышева)

Главиый проспект.

Вид иа Кафедральиый собор

Здание старого железнодорожного вокзала

Вторая женская гимназия (пр. Ленина, 13)

Г. Екатеринбургъ

Здание первой
городской гимназии.
Фото начала XX в.
(ул. К. Либкнехта, 9)

Здание нового
железнодорожного вокзала.
Фото начала XX в.

Успенская улица.
Общий вид. Фото 1916 г.
(ул. Вайнера)

Общий вид
гостиного двора
(не сохранился).
Фото 1880-х гг.

г. Екатеринбургъ. № 45.
Успенская улица, Торговая площадь.

Фрагмент застройки
Успенской улицы. Фото
начала XX в. (ул. Вайнера)

Усадьба Нурова близ
Царского моста. Фото 1880-х гг.
(ул. Чапаева, 1)

Здание нотариальной конторы.
Фото начала XX в.
(пр. Ленина, 25)

Окружной суд
(дом Севастьянова).
Фото 1914 г. (пр. Ленина, 35)

г. Екатеринбургъ. № 62.
Златоустовская улица.

Златоустовская улица. Фото начала XX в. (ул. Р. Люксембург)

Дом Агафурова. Фото начала XX в. (ул. Сакко и Ванцетти, 24)

Западный фасад
дома Ошуркова.
Обмер (ул. Чапаева, 3)

Западный фасад
дома Давыдова.
Обмер (ул. Чапаева, 5)

Бывшая усадьба Железнова
(ул. Р. Люксембург, 56)

Дом Железнова.
Фрагмент

Бывший дом Филитц
(ул. Мамина-Сибиряка, 181)

СОДЕРЖАНИЕ

Лидия Александровна Козинец

КАМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ГОРОДА

Редактор Л. Г. Золотарева
Художник Н. Н. Крутиков
Художественный редактор Н. В. Данилов
Технический редактор Н. Н. Заузолкова
Корректор О. А. Шадрина

ИБ № 1823. Сдано в набор 18.11.88. Подписано в печать 31.03.89. НС 12058. Формат 70×108 1/32. Бумага типогр. № 2. Гарнитура академическая. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,8. Усл. кр.-отт. 15,4. Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 50 000. Заказ 556. Цена 85 коп.

Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Свердловск, ГСП-351, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.

Каменная
летопись
города
Екатеринбургъ
Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство